

RED RUM

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ УЖАСОВ

Я БЫ НАРИСОВАЛ ЧТО-НИБУДЬ

[Слово редактора](#) 2

РАССКАЗЫ

Максим Кабир
[«Перевертыш»](#) 3

Сергей Блинов
[«Руки»](#) 18

Денис Назаров
[«Труба»](#) 26

Евгений Абрамович
[«Король-висельник»](#) 46

Сергей Емец
[«Солнышко отведет беду»](#) 60

Лариса Нестёркина
[«Одинокий маяк»](#) 75

Андрей Фёдоров
[«Людоеды»](#) 81

СТИХИ

Любовь Смутьская
[«Новогоднее»](#) 93
[«Без человека»](#) 93
[«Олень в зале»](#) 94

✂ МАСТЕРСКАЯ

Мария Артемьева
[«Метафора и её тропы»](#) 95

☠ АНАТОМИЧКА

[Александр Матюхин](#) 100

💬 ДОПРОСНАЯ

Василий Рузаков
[«Хоррор-Россия, которую мы
потеряли»](#) 106

[Комментарии](#) 112

[Сценарная запись фильма Марка
Калантари «ШАМАН»](#) 118

[Интервью с Марко Калантари](#) 123

✂ ОБРУБКИ

Александр Матюхин
[«Птица»](#) 128

🦋 УЖАСЫ В КАРТИНКАХ

Екатерина Богданова
[«Снегурочка» \(комикс\)](#)
[по рассказу Олега Кожина](#) 130

RedRum, № 2, февраль 2016 | Журнал литературно-художественный, 18+

Главный редактор: [Мария Артемьева](#)
Дизайн, верстка: Денис Назаров
Иллюстрации в номере: Игорь Авильченко
Оформление обложки: Михаил Артемьев
Издание: группа ВК vk.com/redrum_mag

Москва,
типография «Белый ветер».
Подписано в печать: 11.02.2016 г.
Тираж 50 экз.

Я БЫ НАРИСОВАЛ ЧТО-НИБУДЬ

Никогда не писал вступительных слов (в отличие от Стивена Кинга). Я их никогда не читаю, эти вступительные слова. За небольшим исключением (Стивен Кинг — вы же понимаете?).

Надеюсь, вы такие же, как я, потому что здесь я буду писать, что в голову придет. А в нее, уж поверьте, приходит всякое.

Итак, вступительное слово. Для чего оно? В нашем случае — просто было свободное место. Мы хотели поставить сюда какой-нибудь мой рисунок, но, вспомнив не слишком восторженные отзывы на обложку пилотного номера, решили не рисковать. Поэтому — вступительное слово.

Если у вас хватило выдержки, и вы все еще здесь, значит, поговорим серьезно. Вступительное слово имеет своей целью (по моему разумению) настроить читателя на нужный лад, увлечь. А это очень трудно. Нужно, чтобы читатель не спросил: «Зачем сие здесь?» Это нелегко. (Ох, лучше б я что-нибудь нарисовал).

Но я все-таки скажу.

Мы с вами дожили до второго номера. Кто-то верил, кто-то нет, но второй номер — вот он. И даже можно купить бумажную версию. Что вас ждет в номере? Если кратко — новые и интересные рассказы, кино-интервью с Марко Калантари, спорно-дискуссионная статья Василия Рузакова, мнения и комментарии людей, посвященных в тайны темной литературы и принародное препарирование добровольно отобранного текста («скальпель» в руки на этот раз взял Александр Матюхин), моя любимая рубрика «Обрубки», и, конечно, новый комикс.

В новом году у нас много нового.

Кстати, в «Обрубках» будет Матюхин (раз уж скальпель все равно у него).

Думаю, я вас увлек. Два раза назвал фамилию Матюхин, мне даже самому стало интересно. Читайте и наслаждайтесь.

И да, с наступившим Новым годом, друзья!

И с новым номером.

Алексей Шолохов

Заместитель главного редактора

МАКСИМ КАБИР

Уроженец Кривого Рога (Украина), поэт, писатель, лидер всеукраинского литературного объединения «Эротический марксизм», соорганизатор фестиваля «Рыжие тексты», участник музыкального проекта «Джовинецца», автор книг «Письма из бутылки», «Татуировщик», «Куль», рассказов в антологиях «Пазл», «Альфа-самка», «Темная сторона дороги», «Самая страшная книга 2015», «Неадекват», «Темная сторона сети».

20 июня 1989 года в детском доме города Челябинска царил переполох. Вздвинчены были все: и воспитатели, и уборщицы, и, само собой, воспитанники приюта. Не каждый день к ним навевывались гости из Москвы, да не просто гости, а настоящие звёзды всесоюзного масштаба. «Продюсеры», — повторяла повариха баба Люба вызубренное накануне слово, и указывала пухлым перстом в осыпаящуюся побелку потолка, и выше, в небесные сферы.

Скептики до последнего не верили в приезд москвичей. Каково же было их изумление, когда они обнаружили сверкающие ино-марки под окнами. И даже тот факт, что среди делегации не было собственно вокалиста и главного кумира страны, никого не огорчил.

В коридоре, перед актовым залом, столпилась дюжина мальчишек из числа избранных. Все, как один, среднего роста, темноволосые и худощавые. Накануне их лично отобрала директор детдома. Понимая, какая ответственность лежит на плечах, мальчишки вели себя исключительно тихо. Остальные воспитанники завистливо поглядывали из-за угла, перешёптывались и делали ставки.

Поп-группа «Апрель», некогда созданная из подростков-сирот, была не только любимой группой мальчишек. Кто не мечтал, засыпая, о головокружительном прыжке: из интернатских застенков — на большую сцену, из казённого дома — в любовь и роскошь? И шанс выпал. «Апрель» приобрёл такую популярность, что продюсеры решили клонировать музыкантов: создать группки-двойники, которые бы выступали в сёлах и отдалённых городах, собирая дань с непритязательной публики. Умение петь не требовалось. Решающими факторами были условная схожесть с Главной Звездой и отсутствие родителей.

Бледные от волнения, враждебно посматривающие друг на друга счастливики

ПЕРЕВЁРТЫШ

ждали своей очереди, но при появлении Феде Химичева сосредоточенные лица расплылись в ухмылках.

— Зырь, Красна Девница!

— Выступать хочет!

— В «Апреле» петь!

Химичев, как ни в чём не бывало, приблизился к ребятам, остановился. Глаза смотрят в пол, руки засунуты в карманы до середины предплечий. Подбородок упирается в грудь.

Федю в детдоме называли психом и лупили чаще прочих. Более молчаливого и замкнутого мальчугана было поискать. Говорил он невнятно, ходил медленно, что творится в его мозгах, никто не знал. Учился средне, по поведению двоек не ловил лишь потому, что вообще никак себя не вёл. Учитель русского языка, Марья Николаевна, гордившаяся умением перевоспитывать левшей, впервые в своей практике потерпела фиаско и, буркнув: «Пиши, как хочешь», вычеркнула подопечного из памяти.

Друзей у Феде не было, увлечений тоже. Красной Девницей его прозвали за то, что днями напролёт он сидел у пруда на заднем дворе интерната и пялился в воду на своё отражение. Некоторые педагоги всерьёз полагали, что Химичеву место в психушке, в палате для тихих. И даже самые сердечные воспитатели не находили зацепок, чтобы полюбить Федю.

Уставшие нервничать мальчишки разразились смехом при виде Химичева, вставшего в очередь к Мечте. Смеяться было от чего. Рыхлый, с круглым животиком, отвисшими щеками в угрях, с редкими серыми волосами, Химичев являлся абсолютным антиподом Звезды. Если уж на то пошло, повариха баба Люба имела больше шансов пробиться в Москву.

— А пропустим его! — выкрикнул Лёня Шаробаев, парень, которого и до приезда гостей сравнивали с вокалистом «Апреля», и который мысленно уже выступал в «Лужниках».

Шаробаев схватил тихоню за шиворот и под дружный гогот толкнул в актёрский зал.

— Кто тут у нас?

Химичев опустил голову ещё ниже и засунул руки ещё глубже в карманы.

Директор удивлённо заморгала, пожевала губами, вспоминая имя мальчишка. Он пробыл в интернате семь лет, но запоминался людям с трудом.

— Федя! — наконец, сказала она. — Ты что здесь делаешь?

Незнакомый мужчина, похожий на карикатурного фарцовщика из журнала «Крокодил», повернул голову к Феде и его кустистые брови полезли на лоб.

Он ошарашено рассматривал согнувшегося в три погибели Химичева, точно не верил собственным глазам, затем хлопнул в ладони и воскликнул:

— Ну, Анна Лексевна, полагаю, смотр можно считать оконченным. Вот он, наш двойник.

— Да? — неуверенно переспросила директор, поглядела на Химичева так, словно видела в первый раз, и подумала: «Боже, да ведь он вылитая Звезда!».

Свою фамилию Федя получил в честь деревни, близ которой его нашли. Была в Химичево заброшенная усадьба, до революции принадлежавшая графине Анне Топот. В одичавший графский сад часто наведывались местные пацаны. Детский плач услышал Коля Васюк. Прервав яблочный рейд, он обошёл руины амбара. Ребёнок лежал в ржавом рукомоёйнике, под почерневшим грязным зеркалом и хватал небо крошечными ручками.

— На жука похож, — сказал Коля Васюк, и отнёс находку участковому, Сергею Говоруру.

Говорун был убеждённым холостяком и, как поговаривали, педерастом. Впрочем, человеком добрым и порядочным. Его старушка-мать, отчаявшаяся понянчить внуков, уговорила оставить ребёнка. Она и назвала его именем брата, умершего в младенчестве. Уж очень найдёныш напоминал ей Феденьку.

— Откуда ж ты взялся? — чесал затылок участковый. — С луны упал, что ли?

— А пусть и с луны! — восклицала мама. — Ты лучше погляди, какой он умный!

И она подносила к сморщенной мордашке Феди зеркальце. Завидев собственное отражение, ребёнок переставал ворочаться, замирал, и глаза его становились внимательными и пугающе взрослыми.

— Когда заговорит, всё расскажет, — улыбалась женщина.

Но услышать, как Федя заговорил, причём заговорил задом-наперёд, ей было не суждено. Сергея Говоруна зарезали в Челябинске, и соседи связали смерть с подозрительной чистоплотностью участкового и его пренебрежительной манерой ухаживать за ногтями. Одним словом, с предполагаемым гомосексуализмом. Мать скончалась от инфаркта, пережив сына на две недели.

Федю же отправили в город, дали новую фамилию — Химичев, и поместили в детский приют.

Рос мальчик замкнутым, сторонился ровесников. Говорить начал в пять, и весь педагогический состав бился над тем, чтоб перевернуть его речь в положенную сторону. Федя упорно выдавал фразы-перевёртыши, вместо «Меня зовут Фёдор» — «Родёфтувозянем», и даже что посложнее.

Галина Петровна Мицна, сосланная в интернат из Москвы за жестокое

обращение с подопечными, поборола странную привычку Химичева с помощью обычного хозяйственного мыла. Тщательно вымытый рот мальчика стал говорить, как положено. Химичев превратился из почти феномена в самого неприметного воспитанника интерната.

Он был напрочь лишён эмоций, и потому взрыв, случившийся с ним в семь лет, вдвойне поразил Галину Петровну.

Вернувшийся в свою комнату после уроков Федя обнаружил на кровати осколки разбитого зеркальца — любимой игрушки, с которой он не расставался и во сне.

Тоненький визг хлыстнул по ушам, мерзкий, как голый крысиный хвост. Федя переменился в лице, бросился на задиристого и крепкого Олега Вишнева, и принялся душить его. Перепуганный Олег бил сумасшедшего коленом в толстый живот, но тот не обращал на удары внимания, равно как и на призывы и угрозы Галины Петровны. Чтобы разнять мальчишек, потребовалось несколько минут, и Вишнев ещё неделю не мог нормально глотать.

Этого происшествия хватило, чтоб перевести Федю в интернат со строгой дисциплиной, и Галина Петровна, подписав бумаги, облегчённо вздохнула. Тихоня вызывал в ней безразличие.

Что касается Химичева, он воспринял смену места со свойственным ему безразличием.

А спустя семь лет Федя выступал на сцене Химичевского клуба, и зал был полон, и зоотехник Коля Васюк взял у столичной звезды автограф.

Строго говоря, Федя не пел, а открывал рот под фонограмму, но двигался при этом так, что у бывших однокашников отвисла бы челюсть. Ссутулившийся лунатик превратился в чёртика на пружинке, он носился по сцене, нелепо подпрыгивал, тряс жирком, и девушки в зале млели: красавец, как танцует, какой взгляд!

И кричали его имя, вернее, имя оригинала, а клон, уникальный двойник, смотрел в зал невидящими слезящимися глазами и по-рыбьи разевал рот.

В гримёрке он снова затухал: сидел у зеркала, как статуя. Изучал отражение. Счастлив ли он был, разъезжая по задворкам Союза, выдавая себя за Звезду? Можно лишь предполагать и верить его едва слышным словам:

— Меня всё устраивает.

Так он обычно отвечал концертному директору.

Директора тоже всё устраивало, но уже через год коллективов, подобных «Апрелю», развелось десятки, и нужда в подделке отпала. Псевдо-«Апрели» расформировали, и судьбой экс-участников никто не интересовался.

Пятнадцатилетний толстяк с редкими волосами сел в поезд до Москвы. В чемодане лежало сменное бельё и баснословная сумма в пятьсот рублей — две

зарплаты советского гражданина. И если бы пассажирам того поезда сказали, что с ними едет парень, который в течение года выдавал себя за вокалиста популярной группы, они бы покрутили пальцем у виска.

Три дня Химичев жил на Казанском вокзале. В уголке, у мусорной урны. И будто ожидал чего-то. Неоднократно к нему подходили бомжи из главных, но быстро оставляли в покое.

Как-то подростка приметил Гриша Чапурай. Гриша похищал детей, калечил, и заставлял попрошайничать. По-воровски озираясь, Гриша приблизился к Химичеву и проворковал:

— Ну-ка, за мной, толстячок.

Федя приподнялся с лавочки, и их глаза встретились.

— А, эт ты, Вадик, — рассеянно протянул Гриша Чапурай и помассировал переносицу. — Чё-ття сразу не признал. Как сам-то?

— Хорошо, — спокойно ответил Химичев.

— Вот и славно. Лады, пойду я, волка ноги кормят.

На третий день напротив Феи остановилась женщина с авоськами. Она долго смотрела на мальчика, затем прикрыла ладонью рот и заплакала. Она плакала о своём сыночке, утонувшем в реке прошлой осенью. Вокзальный паренёк был точной копией покойного Толика.

Зинаида Павловна Калугина позвала мальчика и он послушно подошёл к ней. Она спросила, откуда он, где его родители. Голоден ли он?

Спустя час Федя ел вареники на кухне Зинаиды Павловны, и женщина смотрела на него, как смотрят только матери. За её спиной висела фотография подтянутого парня с густыми светлыми волосами.

— Невероятно, — качала головой Калугина. — Одно лицо!

И Федю Химичева полюбили, вернее, полюбили в нём кого-то другого.

Он понимал, что любовь эта схожа с той, что горела в зрачках обманутых фанатов, когда он выступал на сцене... Но он разрешал себя любить. Он научился улыбаться и поддерживать беседу; социализировался настолько, насколько было нужно, чтобы продолжать жить в квартире Зинаиды Павловны. Устроился работать сторожем в универмаг с множеством зеркал.

К восемнадцати годам Федя похудел, и складки кожи висели на нём шкуркой шарпея. Продавщица Катя считала, что он похож на Алена Делона, и подкармливала горячими пирогами. С ней он лишился девственности.

— Ты такой... необычный, — шептала она, перебирая клочковатую поросль волос на его груди. — Молчаливый, вдумчивый. Вот бы прочитат твои мысли.

Катя удивилась бы, узнав, что творится в голове её любовника, ибо там на первый взгляд не творилось ровным счётом ничего. Его внутренний мир был ледяной комнатой с заиндевевшими зеркалами и единственной дверью в

конце немыслимо длинного коридора. Химичев сам не ведал, что находится за дверью, и в разгадке тайны был смысл его существования.

А ещё сильнее Катя поразилась бы, осозная она, что её возлюбленный не голубоглазый шатен. Совершенно.

В девяносто шестом Зинаида Павловна заболела. Она не поднималась с постели, впадала в забытие, теряла память.

— Это я, мама, — терпеливо говорил Химичев. — Я, Федя.

— Ты не Федя! — кричала старушка. — Прогоните его, он лжец, самозванец, он чудовище!

Ночью Химичев собрал чемодан — не намного объёмнее того, с которым приехал в Москву, и покинул умирающую Зинаиду Павловну. Катю не предупредил. Ему были глубоко безразличны её переживания. И, опустившись на полку поезда «Москва-Киев», он навсегда забыл её имя.

В Киеве он снял квартиру за полцены — потому что напомнил кого-то хозяйке.

Он работал в магазине, продающем зеркала, и с каждой зарплаты покупал по зеркалу. Теперь в его комнате жили сотни Химичевых, и иная компания ему не требовалась. Хозяйка посчитала бы весьма чудным наличие зеркал на полу и под подушками. Но Федя загодя готовился к её визитам и прятал отражения в шкаф.

За три года киевского периода он не нашёл ни девушки, ни друзей, зато значительно продвинулся по ледяному туннелю своего внутреннего мира. И таинственная дверь стала чуть ближе.

Галина Петровна Мицна поразилась бы, узнай, что заторможенный экс-подопечный всерьёз занялся наукой.

Свободное время он проводил в библиотеках, читая всё, что было связано с зеркалами, от книг по истории быта до художественной литературы. Через призму амальгамы он погрузился в физику и поэзию. К двадцати четырём годам он прочёл тысячи стихов и рассказов, в которых так или иначе фигурировали зеркала, погрузился в литературные эксперименты футуристов с использованием слов-перевёртышей. Амбарная книга была заполнена примерами зеркальных шифров, палиндромами, вырванными из контекста цитатами, вырезками из газет. Тяжеловесные тома о преломлении луча интересовали его наравне с бульварными байками о призраках из зазеркалья.

С девяносто восьмого года Химичев приступил к изучению итальянского языка. (Репетитор был уверен, что работает с сыном некоего Михаила Аркадиевича).

Параллельно он выделял часы для прогулок в парке. Он уже не был сутулым, прячущим взгляд, юношей. Шёл, подняв голову, и всматривался в прохожих. Что касается внешности, то описать её беспристрастно не представлялось

возможным. Одни сказали бы, что он худ и сероглаз, другие отметили бы разительную схожесть с Михаилом Ефремовым; третьи, к пушечному удивлению вторых, описали бы роскошные усы розовощёкого гражданина. И все они были бы правы и неправы одновременно, ведь что такое истина, если не субъективная, как отражение в зеркале, иллюзия?

К зиме с Федей начали здороваться незнакомые люди.

— Привет, Андрюша!

— Здравствуйте, Константин Геннадиевич.

— А чего это ты, Лёша, мимо проходишь?

Федя бросал вежливые фразы и шёл дальше. В уголках его плотно сжатых губ зарождалось почти что чудо: тень первой за двадцать пять лет искренней улыбки.

Он был готов сделать следующий шаг, но прежде нуждался в неоспоримом подтверждении своей власти.

Дом на станции Золотые Ворота он выбрал наобум. Позвонил в случайную дверь.

Открыла привлекательная блондинка лет сорока пяти, в халате, с кухонной лопаткой в руках. Аппетитно запахло домашней едой, и аскетичный Химичев вспомнил, что последнюю неделю питался исключительно хлебом.

Блондинка посмотрела на незнакомца краем глаза и убежала в квартиру, крикнув:

— Заходи, у меня котлеты горят!

Химичев неторопливо снял ботинки. Заглянул в гостиную и спальню. Задержался у зеркала, напротив кровати. Судя по убранству, блондинка жила с мужчиной, но без детей.

Федя проследовал на кухню. Хозяйка порхала у плиты, управляясь с двумя кастрюлями и сковородкой.

— Ты почему так рано? Начальства нет?

— Отпустили, — коротко ответил Химичев и сел за стол.

Блондинка выставляла тарелки и рассказывала о своём дне, о том, как приходила мама и подгорели блины.

Он молча жевал, наслаждаясь вкусной едой и компанией чужой женщины.

— Что-то не так? Ты какой-то странный.

Химичев встрепенулс:

— Почему странный? Что именно тебя смутило во мне?

Блондинка непонимающе улыбнулась:

— Ну... ты держишь вилку не в той руке. А теперь задаёшь странные вопросы.

Химичев мысленно обругал себя и взял вилку в правую руку.

— На работе устал.

— Бедный мой, — она погладила его по щеке. Минуту четыре года с тех пор, как он занимался сексом.

Он оглядел её, чуть увядшую, но не утратившую былой красоты женщину. Вымазанную в муке шею. Крепкие икры. О, нет, он не возжелал её, но эксперимент требовал чистоты. И следуя тропой ледяного коридора, он протянул руку, распахнул её халатик.

Женщина вздохнула, подалась навстречу.

Качнулась полная, тяжёлая грудь с заглубевшими сосками. Химичев стиснул её, скользнул пальцами по шраму от аппендицита, вниз, в густые волосы, таящие влажное тепло.

— Максим, — прошептала она.

— Напомни, во сколько я обычно возвращаюсь с работы?

— В шесть.

У Феди был в запасе час, и он провёл его в объятиях женщины, чьего имени не знал. Она стонала удивлённо и восторженно, а он смотрел поверх её головы на собственное отражение и улыбался. Действительно улыбался.

Пока она была в душе, он ушёл. Столкнулся в подъезде с интеллигентным мужчиной в очках. Мужчина нахмурился, судорожно пытаясь вспомнить Химичева и на всякий случай поздоровался.

— Добрый вечер, Максим, — кивнул Химичев.

В январе он оформил загранпаспорт. Процесс не занял много времени. Работница ОВИРа приняла его за президентского зятя.

Федя подумал, что чувство, растопившее лёд его губ, и есть человеческое счастье. Отныне он не просто шёл к цели. Он научился упиваться дорогой.

Возле съёмной квартиры Феди, ставшей тесной от зеркал, недавно вырос особняк, столь же роскошный, сколь и безвкусный. Федя часто видел выезжающего из ворот громилу с бульдожьей, покрытой оспинами, физиономией и в лыжной шапочке.

— Эй, — окликнул он соседа.

Громила оглянулся, глаза его враждебно сверкнули, но через миг пришло узнавание.

— Эммануил Робертович? Какими судьбами?

Химичев объяснил.

— Да не вопрос, что вы! Для таких людей ничего не жалко!

На следующий день громила отдал бывшему воспитаннику челябинского интерната и бывшему двойнику поп-звезды пять тысяч долларов.

— Мои двери всегда для вас открыты! — добавил он, тряся руку Феди в своих лапах.

Ночью Химичеву снился замёрзший океан, где вместо льдин были изломанные осколки гигантских зеркал. Зеркала тёрлись друг о друга и хрустели, осыпались серебром, и вихрь поднимал к чёрному небу тучи зеркальной пыли.

— Дом, — бормотал Федя во сне.

Утром он собрал вещи — с учётом книг и записей целых два чемодана. Покинул зеркальный лабиринт и снял номер в гостинице неподалёку от Борисполя. Билеты на самолёт лежали в его кармане. И он потерял бдительность.

Эмоций и чувств к двадцати пяти в нём было гораздо больше, чем прежде, хотя по общечеловеческим меркам, он был не теплее зеркальной поверхности. Паренёк, часами просиживавший у пруда и смиренно ждавший, нетерпеливо кружил по номеру.

Дверь была совсем рядом!

Не в силах оставаться на месте, он выбежал в ночь, и блуждал тёмными киевскими закоулками. Он не слышал, как они приблизились — лишь, когда снег хрустнул за спиной, он опомнился.

Перед ним, в зловонной подворотне, стояли две мужские фигуры.

Химичев взял себя в руки и спокойно, даже высокомерно, поглядел на мужчин.

— Вы меня не узнали? — вскинул он бровь.

— Узнали, Юфа, прекрасно узнали, — проскрипел голос.

— Вот и чудно, — Химичев хотел пройти мимо, но его толкнули в снег. Впервые с тех пор, как он вырвался из интерната, к нему применяли физическую силу.

— Мы говорили тебе не появляться в Киеве? — мрачно спросил один из типов.

— Но я не Юфа...

Мужчина вытащил пистолет с глушителем и дважды выстрелил. Обе пули попали в левую сторону Фединой груди, выбив из его куртки красные перья и фонтанчики крови. Федя дёрнулся и замер на темнеющем снегу.

В небытии он видел людей с зеркалами вместо лиц, и отражения создавали бесконечные чёрные воронки, похожие на беззвучно кричащие пасти...

Химичев очнулся на больничной койке три дня спустя. От его грудной клетки тянулись трубочки, ведущие в бутылку с раствором. Содержимое бутылки булькало при каждом его вздохе, и дышать было неприятно, а кашлять — невыносимо. В палату ворвалась ватага медиков, и главный сказал, потирая руки:

— А вот и наш феномен!

— Что... произошло? — слабым голосом спросил Федя.

Седой врач по-отцовски улыбнулся:

— Произошло то, что вы уникальны, Фёдор Сергеевич!

Химичев отметил: врач называет его настоящее имя.

— И ваша уникальность спасла вам жизнь. Дело в том, дорогой мой, что вам посчастливилось иметь врождённую аномалию, так называемую декстрокардию. А мне, признаюсь, посчастливилось заполучить пациента, о котором мечтают многие светила науки. Ведь транспозиция органов — явление чрезвычайно редкое!

Медики закивали. Смотрели они на Федю почти с любовью.

— Не понимаете? — сладко пропел старый доктор. — Всё просто и удивительно, как сама природа! Ваши внутренние органы, молодой человек, расположены зеркально. Сердце — справа, а печень и селезёнка — слева. Кровеносные и лимфатические сосуды, нервы, кишечник также инвертированы. И если бы не это чудо, вы бы давно были мертвы.

Химичев сдавленно поблагодарил врача и прикрыл глаза. Он думал об улетающем самолёте, ускользающей цели.

Он провёл в больнице месяц, проштудировал словарь итальянского языка и взялся за латынь. Врачи в нём души не чаяли, а родственники других пациентов, путаясь, приносили ему соки и еду. Незадолго до выписки он переспал со своей последней женщиной, медсестрой Кариной.

Карина жадно целовала его в губы, гладила повязки и называла «мой Брюс Ли». Она была уверена, что он азиат.

В мае он повторно купил билет на самолёт «Киев-Рим» и без сантиментов попрощался с Украиной.

Вечный город тепло встретил гостя. По-итальянски он говорил бегло, и надо ли упоминать, что римляне принимали его за земляка. Позаимствованных у киевского бандита денег хватило, чтобы снять домик на тенистой улочке. К вечеру соседи уже приветствовали его, как старого знакомого.

Он устроился на работу в библиотеку возле Дворца конгрессов.

Начальник, профессор Альдо Доминичи, помог ему получить пропуск так же и в библиотеку Ла Спиенца, старейшего университета, основанного в 1303 году Папой Бонифацием VIII.

Сеньор Доминичи не выговаривал имя «Фёдор», и потому называл его Раф, в честь актёра Рафа Валлоне, на которого, по мнению профессора, был чертовски похож библиотекарь.

И вновь челябинский сирота погрузился в книги. Он допоздна засиживался над изъеденными пожелтевшими страницами и домой приходил обессиленный.

Проводить пятничные вечера в компании с профессором он начал не из желания иметь друга, и уж конечно не от одиночества. Дружба с Альдо Доминичи сулила выгоду, ключ к разгадке и ключ в прямом смысле слова. К тому же учёный помогал ему осваивать латынь.

Они прогуливались по римским улицам и говорили о поэзии. Профессора впечатлило то, что подопечный помнил наизусть целые отрывки из Данте. Как бы он впечатлился, узнай, что Федя прочитал «Божественную комедию» только из-за упоминания в ней зеркала.

Иногда японские, американские, австралийские туристы примечали Федю и махали ему руками...

— Hello, Billy!

— Didn't expect to see you here, Kevin!

С лёгкой руки мамы участкового Говоруна в свидетельстве о рождении Химичева значилось 10 августа — день, когда его нашли. Он перестал отмечать эту дату с тех пор, как уехал из Москвы, и не ждал подарков, и не нуждался в них.

Но в день двадцатисемилетия он получил от профессора заветный ключ.

— С помощью него, — сказал Доминичи дрожащим голосом, — ты сможешь в любое время попадать в закрытый библиотечный архив.

После этого, прижав Химичева к фонтану с наядами, сеньор Доминичи впился в его губы долгим мокрым поцелуем. Профессор был геем, но — Химичеву повезло — импотентом, и спать с ним не пришлось.

Зима 2002 года отметилась двумя важными событиями.

В построенном при Муссолини музее открылась выставка зеркал. Стряхнув с себя книжную пыль, Химичев часами бродил по галерее, словно дегустировал своё отражение. Величественные перламутровые рамы барокко, строгая оправа ампира и, главное, средневековые муранские зеркала, помутневшие от времени, покрытые сетью трещинок. Дефект накладывался на отражение, будто прошлые эпохи затеняли Федю Химичева.

Здесь он задумался над тем, кто же он. Существует ли настоящий Федя, или он лишь кривое зеркало? Человек, похожий на чьего-то сына, чьего-то зятя, Эммануила Робертовича... Не живущий сам по себе. Что если под слоями амальгамы ничего нет? И — его пробрала дрожь — что если за дверями в конце ледяного туннеля — тоже нет ничего?

Выставку он покидал подавленный, смущённый. Он пока не знал, какое поворотное событие поджидает его в глубине архива.

«Secretum speculo» — «Тайное зеркало». Так называлась переплетённая в кожу книга, обнаруженная им поздним февральским вечером.

Герметический трактат, написанный в XVI веке алхимиком Лафкадио Ди Фольци. Ди Фольци был монахом-доминиканцем, химикусом и естествоиспытателем. Он неоднократно посещал Византию, изучал цивилизацию востока и наследие античности. Главной страстью его жизни были Тайные Двери, speculi, зеркала.

И, одержимый той же страстью, Химичев сгорбился над трактатом. Он водил пальцем по тексту, сверялся со словарём, его глаза блестели, когда очередная алхимическая криптография раскрывала перед ним свои секреты. Он читал и переписывал магические заклинания, составленные Лафкадио Ди Фольци четыре века назад, а за окном завывал ветер, и вспыхивали, отражаясь в осколках зрачков, молнии.

В майском номере газеты «Il Messaggero» вышла статья под заголовком

«Гипнотизёр-грабитель». В ней, не без доли иронии, повествовалось о супруге известного римского адвоката, которая впустила в дом совершенно незнакомого господина, приняв его за мужа, и отдала большую сумму денег. Загадочный двойник адвоката бесследно растворился. К статье прилагался сделанный камерами наружного наблюдения снимок, и хотя лицо злоумышленника было смазано до неузнаваемости, многие римляне опознали в нём своих близких и друзей, а одна пожилая женщина увидела на фотографии Хулио Иглесиаса.

Слава Химичева абсолютно не интересовала, равно как и красоты Венеции. Шагая вдоль канала, он смотрел исключительно вперёд. С набережной он свернул на улочку-sottoportego, столь узкую, что солнечные лучи не доставали до нижних этажей. Улица упиралась в ремесленническую мастерскую с табличкой «Стёкла и зеркала».

Хозяин, вертлявый коротышка по имени Спартакo Коцци, радушно встретил гостя. Ещё бы — не каждый день к нему заходил сам Фабрицио Кваттрини, коллекционер и тончайший ценитель.

— Сеньор Кваттрини! — вскричал Коцци. — Как давно вы в Венеции?

— Месяц, — сдержанно проговорил Химичев и сел напротив хозяина. Покончив с дружескими формальностями, он рассказал о причине визита.

— Я хочу заказать у вас зеркало. Но это будет необычное зеркало, и я готов щедро заплатить.

Коцци потёр пухлые ручки. Он любил деньги, но работу, тем более, работу с таким экспертом, любил сильнее.

— В чём заключается необычность?

Вместо ответа Химичев пододвинул мастеру исписанную страницу блокнота. Коцци водрузил на нос очки и поднёс листок к глазам. Через минуту он посмотрел на заказчика поверх страницы, присвистнул, и вернулся к чтению. Через две воскликнул:

— Ртуть? Ртуть, а не серебро?

— Именно так.

Спартакo Коцци отложил бумагу, сцепил пальцы на толстом животе и задумчиво произнёс:

— Действительно необычно. Сеньор Кваттрини, я не смею подвергать сомнению ваш профессионализм, но зеркало с таким широким факетом будет иметь плохую светопропускаемость и не даст идеального отражения.

— Мне не нужно идеальное отражение, — с расстановкой сказал Химичев. — Мне нужно, чтобы вы сделали всё, как здесь написано. И ещё — я буду присутствовать при изготовлении.

Работа проходила на принадлежавшей Коцци небольшой фабрике. Заказчик

стоял на балкончике и зорко следил за тем, как кроят и режут листовое стекло, как давятся ядовитым испарением, покрывая заготовку ртутно-оловянной амальгамой. Спартако Коцци, в свою очередь, наблюдал за заказчиком.

«Что он бормочет? — хмурился мастер. — Что он шепчет себе под нос?»

В какой-то момент Коцци почудилось, что на балкончике стоит вовсе не Фабрицио Кваттрини, а тощий низкорослый тип с редкими серыми волосами. Коцци протёр глаза. Наваждение исчезло. Итальянец решил впредь не пропускать воскресной мессы.

Вечером в отель Al Ponte Antico, где Химичев снимал номер, курьер до-

Олег Кожин

Охота на удачу

**В магазине
fiction.eksmo.ru**

ставил заказ. Напольное зеркало, два метра высотой и метр шириной. Выглядело оно непритязательно. Без рамы, с необработанными краями. Отражение мутное, как в грязной луже. По амальгаме сбегала волнистая свиль, кое-где вздулись пузыри. Но Химичева осмотр удовлетворил.

Он положил зеркало по середине комнаты, лёг на него, свернулся клубком. И уснул.

Ему приснился замёрзший океан. Вставшие на дыбы, но усмирённые немислимым холодом волны, и водяная пыль на их гребнях. Подпирающие чёрное небо глыбы айсбергов. Ощетинившиеся ледяные шипы-волосы. И всё это было зеркалом. И всё это скрипело, и трещало, и рвалось. И закованный океан обратился к Химичеву из-под толщи льда:

— Ты нашёл нас, сын.

— Да, отец, — Федя хотел поклониться, но понял, что у него нет ни шеи, ни головы. Он был одной из мыслящих льдин мёрзлого мира.

— Говори, — велел голос.

Он заговорил. Он рассказал о своей жизни по ту сторону, о том, как он искал

дверь, как притворялся. Как ему верили, принимая за человека. Он не упустил ничего — от детства в челябинском приюте до откровения в римской библиотеке.

Океан произнёс:

— Хорошо, сын. Твой опыт послужит нашим колонистам в зазеркалье. Теперь ты можешь вернуться домой.

— Как? — спросила льдина, одна из миллиарда льдин.

И океан объяснил.

Проснувшись, Федя Химичев первым делом позвонил в аэропорт Марко Поло и забронировал билет до Москвы. Затем вызвал такси. Использованное зеркало Коцци он бросил, как до этого бросал людей.

Ему оставалось сделать крошечный шаг по ледяному туннелю, и он сделал

его. Из Италии в Москву. Оттуда поездом до Челябинска. И наконец, на разваливающемся автобусе, в деревню Химичево.

Феде показалось, что он уже был здесь, но он не вспомнил, когда. Сгорбленная бабушка помахала ему из-за забора:

— Ванечка! Никак домой вернулся?

— Почти, — сказал Федя и пошёл по просёлочной дороге.

Коля Васюк, сын того Коли Васюка, что нашёл маленького Федю, сбивал палкой яблоки, когда услышал звон. Где-то разбилось стекло. Заинтересованный, он стал продираться по заросшей тропинке бывшей усадьбы. Обошёл руины амбара и выглянул за угол. Усадьба опустела восемьдесят пять лет назад. Дом графини Анны Топот растащили по кирпичикам. Исчезли конюшни, постройки для прислуги. А вот рукомойник до сих пор торчал на железной ножке, посреди заднего двора. И не нашлось за восемьдесят пять лет мальчишки, додумавшегося бы разбить чёрное зеркало, висящее в раме над рукомойником.

Но теперь оно было разбито. Разбито худым незнакомым Васюку мужчиной лет тридцати. Он был сутул, кривоног, бесцветные волосы росли на шишковатом черепе островками. Кожа лица висела толстыми складками, как у шарпея. Но он не был похож на собаку.

— Он похож на жука, — подумал Коля Васюк.

Мужчина его не замечал. Он достал из рукомойника длинный и тонкий осколок зеркала и разглядывал своё отражение. Будто что-то читал. А прочитав, поняв, он направил осколок остриём к себе, к правой стороне грудной клетки.

Коля Васюк открыл рот, чтобы остановить незнакомца, но не успел. Одним ударом мужчина вонзил зеркало в свою впалую грудь, ахнул и упал на колени. Глаза его устремились к небу, и небо отразилось в зрачках. Морщины разгладились. Губы растянула улыбка. Он рухнул улыбкой вниз, в палую листву графского двора.

И Коля неоднократно клялся приятелям, что никогда прежде не видел такого счастливого человека.

ТВИН ПИКС навсегда

Если вы никогда не бывали в Твин Пиксе — добро пожаловать к нам. Но будьте осторожны — многие остаются здесь навсегда

vk.com/twinpeaks_our_love_forever

СЕРГЕЙ БЛИНОВ

Автор о себе: «Родился и вырос в Москве. Окончил исторический факультет МГУ, после чего посвятил себя совершенно неисторичным вещам, оставив страсть ко всякого рода темным загадкам прошлого только в качестве хобби. К последним также относятся книги, живопись, музыка, хоккей, зоология, кинематограф и путешествия. Находится в тщетных попытках написать что-нибудь масштабное и жизнеутверждающее, но пока что выходит только короткое и мрачное. Очень разносторонняя личность».

Малик вышел из такси и вздрогнул, когда капли холодного октябрьского дождя застучали по его коротко стриженной голове. Вытащив с заднего сиденья треногу, он побежал ко входу в галерею. Охранник в черном костюме забубнил что-то по-немецки, но Малик сунул ему под нос приглашение, и верзила, удовлетворенно кивнув, открыл перед ним дверь. За три дня пребывания в Берлине Малик неплохо усвоил, что, даже не зная языка, с немцами вполне можно договориться. Достаточно просто показать нужный документ.

Порядок, дружище. Ordnung. Им не нужно ничего, кроме пресловутого порядка.

Гюнтера Мерка Малик знал уже восемь лет. За это время Мерк из организатора подпольных выставок превратился в видного коллекционера и знатока живописи, пересел с «Фольксвагена» на «Ламборгини» и сменил трех жен. Не изменилось лишь одно: Мерк оставался таким же влюбленным в искусство идеалистом и искателем, каким Малик его впервые увидел.

— Давно не виделись, старик, — Малик пожал протянутую руку.

— Непростительно давно для таких преданных друзей.

— Выпьем после закрытия?

— Если к тому времени я еще буду стоять на ногах, — усмехнулся Мерк. — Администратор этого зала совершенно не умеет выбирать шампанское. Бьет по мозгам почище шнапса.

— Оценим. Ты всегда был довольно слаб по части выпивки.

— Да, твоя правда.

Они прошли длинным темным коридором. Светильники, выполненные в виде факелов, выхватывали из мрака странные ломаные узоры на стенах. Под ногами убаюкивающе шуршал кроваво-красный ковер.

— Ну и атмосферу ты здесь навел!

— Это, так сказать, прелюдия, — пояснил Мерк. — Сами картины, они... Черт,

как бы тебе пояснить? Значительно более экстравагантны, чем всё, что ты видел.

— Разве можно переплюнуть прошлогоднюю дамочку, рисующую иконы менструальной кровью?

— Забудь о ней. Она просто дура, помешавшаяся на феминизме. Дед, написавший то, что ждет тебя в зале, настоящий гений. Тоже псих, но гений. Такая экспрессия, такие цвета!

— Дед?

— Замечательная личность. Пережил Освенцим, после войны продал всё, чем от него откупилось государство, и исчез. Я нашел его в Венесуэле, на какой-то задрипанной вилле. Весь чердак был уставлен картинами, и все, как одна, — шедевры. Еще месяца три я уговаривал его дать разрешение на выставку. Успешно, как видишь.

— Сам он здесь? Интервью всегда покупают лучше, чем простой репортаж.

— А как же, — оскорбился Мерк. — Ждет тебя.

— Но сначала я должен ознакомиться с картинами. Он подождет еще немного?

— Старость обычно подразумевает ожидание, — философски заметил коллекционер. — Выставка к твоему полному распоряжению. Не налегай на шампанское.

С этими словами Мерк отворил перед Маликом дверь, и она вывела друзей в гигантский выставочный зал. Света здесь было не больше, чем в коридоре: яркими пятнами выглядели лишь лампы, направленные на многочисленные картины. Гости в костюмах и дамы в длинных вечерних туалетах скользили среди полотен изысканными красно-черными тенями, и Малик ощутил неловкость за свой мешковатый свитер, старые джинсы и даже за фотоаппарат, болтавшийся на груди. Всё это смотрелось здесь чужеродно и нелепо. Но одеваться по-другому Малик не привык.

Первое впечатление — самое правильное, дружище. За кого тебя примут в этом королевском зале? Как и положено — за свободолюбивого журналиста? Или за давнишнего друга, которого не забыли из одной лишь жалости, очередную прихоть Гюнтера Мерка?

— Оставляю тебя, — слегка виновато сказал Мерк. — Увидимся позднее. Если не найдешь меня, иди сразу к старику. Он ждет в комнате администратора.

— Заметано, — Малик прислонил к уху большой палец. — Не забудь позвонить, когда освободишься.

— Так точно, сэр! — шутливо отдал честь коллекционер.

Малик поставил в угол треногу и подошел к первому полотну. Заключенное в лишенную украшений раму, оно являло собой дикое смешение

желтых, оранжевых и красных всполохов. «Без названия. 1949 г.», — прочитал журналист. Ничего гениального.

Он перешел к следующей картине, которая являла собой практически точную копию первой. «Без названия. 1949 г.»

Следующая. Все те же огненные штрихи. «Без названия. 1949 г.»

— Что за дерьмо? — вполголоса пробормотал Малик.

Он вернулся к предыдущей картине, затем к первой и попытался найти между ними различия. Кроме нескольких мазков, ничего. Тогда Малик пошел дальше. Следующие пять полотен оказались все так же похожи на первые три, а дата создания сдвинулась на один год. 1950. Ровно сорок лет назад.

Творений гения журналист по-прежнему не видел, но не мог же Гюнтер Мерк так жестоко поиздеваться над своими гостями и представить их вниманию кучу работ спятившего старика, научившегося раз за разом повторять одни и те же незамысловатые узоры? Малик быстрым шагом миновал картины 1950, 1951 и 1952 годов, которые все так же пестрили широкими огненными штрихами, и... замер.

Раздался звон быющего бокала. Вздвогнув, Малик обернулся на звук. В другом конце зала на полу лежала женщина. Потеряла сознание? Журналист хотел было броситься к упавшей в обморок, но тут его взгляд зацепился за картину.

Психоделические всполохи никуда не исчезли, но теперь среди них отчетливо виднелись черные фигуры, напоминавшие буквы какого-то дьявольского алфавита. Забыв про женщину, Малик принялся изучать полотно. Шедевром здесь по-прежнему не пахло, но новые элементы определенно прибавляли художнику вистов. Облеченные в пламя фигуры смотрелись одновременно и тревожно, и интригующе. Журналист поймал себя на мысли, что хочет посмотреть, как этот мотив разовьется в дальнейшем. Он посмотрел на год создания полотна. 1953.

Чем дальше он шел, тем больше начинал убеждаться в правоте Мерка. С каждым новым полотном художник привносил в свой неизменный сюжет все больше и больше подробностей. Черные фигуры приняли очертания мечущихся в огне людей. Обнаженные, лишенные волос, они тянули тощие руки к безжалостным рыжим небесам, разевали в воплях агонии неестественно широкие рты, корчились и извивались.

Словно клубок червей.

Поравнявшись возле одной из картин с пожилой парой, Малик заметил, что лоб мужчины покрыт испариной, а женщина дрожит.

— Вам нехорошо?

— Ich verstehe Sie nicht.

— Проклятье, — буркнул Малик. — Слушайте, вам плохо? Вам нужно выйти.

Out. Понимаете?

Немец поднял руки, показывая, что по-прежнему не улавливает суть слов Малика. Его жена попыталась улыбнуться, но улыбка вышла настолько вымученной и слабой, что журналист понял: несчастная близка к тому, чтобы тоже хлопнуться в обморок.

Малик ткнул пальцем в сторону выхода, затем провел рукой по лбу. Мужчина повторил его жест и с удивлением уставился на капельки влаги, оставшиеся на ладони.

— Danke.

Проводив пару до дверей, Малик поднял свою треногу, установил фотоаппарат и сделал несколько снимков. Две картины — ту, у которой упала женщина и ту, которая стала последней каплей для перепуганной четы, он запечатлел по три раза — с разных ракурсов. Наконец, удовлетворившись количеством снимков, он приступил к осмотру последней четверти работ безумного художника.

Все они по-прежнему не носили названий, а даты создания перевалили за 1980 год. За спинами изломанных в дьявольском танце мучеников появились зловещие крылатые тени. Они не терзали людей и, казалось, вообще не обращали на их страдания никакого внимания: безликие головы горделиво вздернуты, руки либо сложены на груди, либо вытянуты вдоль туловища — но именно от этих фигур Малику вдруг сделалось не по себе. От картин, несмотря на полное отсутствие холодных цветов, словно веяло стужей.

Это ад. Это не может быть ничем иным.

Журналист попробовал мысленно провести аналогии с известными ему мастерами прошлого. Иероним Босх? То же множество перемалываемых в адской машине обнаженных грешников. Нет, не то. Ад Босха не пламенел, да и демоны у него куда более фантастичны. Православная иконопись? Что-то общее определенно есть, но сдержанные христиане не делали изображения преисподней настолько откровенными.

Женщина с широко разведенными ногами. Из влагаища сочится черная слизь. Рядом с ней юноша, чьи гениталии объаты огнем. Да что, черт возьми, не так с головой у человека, который раз за разом рисует подобное?!

Малик добрался до последнего из полотен, у которого уже собралась небольшая группа оживленно споривших гостей. В центре всеобщего внимания находился, разумеется, Гюнтер Мерк. Он жестикулировал и улыбался, но лица дам и кавалеров в вечерних нарядах были мрачны. И Малик мог их понять. Он ощущал себя опустошенным и надеялся, что ему все же хватит сил на последнюю картину.

«Без названия. 1989 г.».

Холст, перечеркнутый всепожирающим пламенем. Крики о помощи, обращенные именно к нему, Малику Санди, скрюченные пальцы, цепляющиеся за раму, пустые глазницы, ребра под полупрозрачной кожей, лихорадочное бие-ние сотен сердец. И — взмахи демонических крыльев, раздувающих пламя пожара.

Малик отшатнулся от картины. С грохотом полетела на пол тренога. Жалобно звякнуло стекло фотоаппарата.

— Чертовщина, — выдохнул журналист. — Не может такого быть.

— С вами все в порядке?

— Эй, дружище! — это был голос Мерка.

— Да, да. Все хорошо. Как он это делает? Как он мог рисовать подобное со-рок лет и понимать, какой эффект произведет именно последняя из картин?

— В этом и заключается гений, — коллекционер развел руки в стороны. — Не объяснить. Впрочем, можешь попытаться... Спроси его.

Старик застыл за столом, держа спину идеально прямой, словно жердь про-глотил. Худое лицо со страдальчески сжатыми губами обрамлял нимб седых кудрей. Под крючковатым носом и на подбородке белела некрасивая ред-кая поросль. Карие глаза навывкате смотрели на Малика внимательно, но без враждебности. Ничем не примечательный еврейский дедушка. Ни капли не похож на сумасшедшего живописца, чьи творения лишают зрителей чувств.

— Малик Санди, журнал «Monde Inconnu», — представился журналист.

— Никогда не читал, — проскрипел старик на сносном французском. — А по-немецки не понимаете?

— Английский, испанский, французский, арабский — на ваш выбор, — Ма-лик виновато улыбнулся. — А вот в языке Гете и Ницше не силен.

— Лучше б я и я не был силен. Проклинаю Германию, хоть и вышел из ее лона.

— Вы позволите записывать?

Малик достал блокнот.

«Проклинаю Германию, хоть и вышел из ее лона», — такими словами забы-тый Европой гений начал разговор с журналистом «Monde Inconnu». Славное начало!

— Пишите. А вот фотографировать меня нельзя.

— Я и не смогу. Разбил нечаянно камеру. Под впечатлением от вашей картины.

Старик поморщился.

— Пустой комплимент.

— Это правда.

— Мне все равно, если уж быть откровенным. И я по-прежнему считаю, что полотна нельзя выставлять на всеобщее обозрение, что бы вам ни говорил этот учтивый молодой немчик — Мерк.

— Почему вы не хотите показать свое творчество миру?

— Свое? О, вы заблуждаетесь, — узкие плечи художника еле заметно дернулись. — Слава их создателя не принадлежит мне.

Да он точно безумец. Давай, дружище, попробуй разговорить его!

— Пожалуйста, поясните, что вы имеете в виду. И, кстати...

— И, кстати, я не представился. Соломон Рейб. Что же касается пояснений...

А уверены ли вы, мсье Санди, что хотите услышать их? Боюсь, если я расскажу вам свою историю, ваша жизнь уже не станет прежней.

— Такова профессия журналиста, — сказал после секундного раздумья Малик.

— Всякая история, которую я пересказываю, оставляет в моей душе отпечаток.

— Душе. Вот именно, что душе, — буркнул Рейб.

Малик заскрипел ручкой.

— Ну, вот что, — продолжал художник. — Если вы настолько любознательны, я расскажу вам все. Мерку я бы не открылся, а вам откроюсь. Вы же ведь алжирец?

— Я родился в Париже, но по крови — да.

— Как и я. Как и я... Я родился во Франкфурте, но по крови еврей. Мы с вами чужаки среди своих, а разделяют наши судьбы жалких полвека. Поэтому, полагаю, вы сумеете понять то, что я поведаю.

— Хотите знать, почему ни одна из картин не имеет названия? Просто потому, что я не имею права их называть.

— Вы уже говорили, что это творение не ваших рук. Но чьих?

— Рук, — старик посмотрел на кисти своих рук, наполовину скрытые пиджаком. — Именно что рук.

Кривые старческие пальцы, пигментные пятна, неухоженные ногти.

— Вы хорошо знаете историю, мсье Санди?

— Не жалуюсь.

— Тогда вы знаете об Ангеле Смерти.

— Танатос? Азраил?

— Чушь! — вскрикнул Рейб. — Не смейтесь надо мной! Мерк не мог не сказать вам, где я томился в годы войны!

— Освенцим. Верно?

— Вернее некуда. И именно там собирал кровавую жатву Ангел Смерти. Если вам неизвестно это имя, то наверняка другое — Йозеф Менгеле — скажет больше.

Нацистский преступник, избежавший правосудия, точно! Да, дружище, здесь ты по-крупному напортачил. Как бы дед не замкнулся в своих неприятных воспоминаниях...

— Я не знал о том, что Менгеле называли Ангелом Смерти.

— Называли? Да он и был им! Чудовищем, калечащим тела и пожирающим

души. Именно так он поступил со мной и моим братом.

— Братом? Значит, это он пишет картины?

— Терпение, молодой человек, терпение! Нас было двое. Близнецы. Соломон и Давид, в честь великих иудейских царей. Наша семья была очень набожной, это ее и погубило. За нами пришли еще до начала войны. Родители сгинули в безвестности, а нас бросили в городскую тюрьму. Потом перевели в другую, потом еще в одну, потом еще. Так мы мотались долгих четыре года, пока не попали в лапы Ангела.

Он имел обыкновение лично встречать и осматривать составы с новоприбывшими узниками. Выбирал подопытных, — губы старика задрожали. — Он никогда не пропускал близнецов. Имел к ним какую-то нездоровую страсть. Так мы и стали крысами в его эксперименте. Но мы хотя бы не томились в ожидании назначенного часа. Уже через два дня мы легли на операционные столы. Я никогда не забуду тот ужас, который испытывал, глядя, как Ангел неспешно готовит инструменты. Для него это было пугающе естественно. Именно тогда я осознал, насколько ничтожна человеческая жизнь. Насколько она обесценена и несущественна.

Он резал без анестезии. Всегда. Мы не стали исключением, и спасло меня лишь то, что брат оказался первым.

— Что он сделал с вами?

— Смотрите сами.

Рейб приподнял левый рукав пиджака, и Малик едва удержался от крика. Кисть старика, словно у монстра Франкенштейна из старой страшилки, была пришита грубыми потемневшими от времени хирургическими нитками. Рейб повернул руку, продемонстрировав журналисту три металлических скобы, торчавшие из кожи подобно вздувшимся венам.

— Он хотел проверить, приживутся ли у близнецов чужие части тела. Кисти моих рук — Давидовы. Поэтому и картины писаны не мной.

— Но и не Давидом же? Он ведь умер в ходе эксперимента, я вас правильно понял?

— О да. А я выжил. Более того, я оказался способен шевелить пальцами и даже брать какие-то предметы. Ангел Смерти счел меня любопытным экземпляром и распорядился переселить в отдельную камеру, где он мог бы наблюдать за мной. Там я и пробыл до освобождения.

— Все же я хотел бы вернуться к картинам, — сказал Малик. — Почему вы не считаете себя их автором?

— Давид всегда был талантливее меня. Он писал очень неплохие пейзажи и натюрморты. Всегда с натуры. С фантазией у него не очень было. Это меня и пугает.

Так...

Малик почувствовал, как к горлу подступает комок...

— Не хотите ли вы сказать, что...

— Именно так, мсье Санди. Иногда я чувствую неодолимый зуд в своих изрубленных руках. И тогда я готовлю очередной холст, краски и позволяю брату творить. И знаете, что самое страшное? То, что я

знаю — все, что рисует брат, он видит воочию. С фантазией, как я уже говорил, у него беда.

— Вы понимаете, насколько невероятно это звучит?

— Не верить — ваше право. Но вы не сможете мне не поверить, ведь вы уже видели полотна брата. Мысль о том, что это не задумка хитроумного художника и не бред сумасшедшего, не даст вам покоя. Вы видели, как Давид шаг за шагом пытается рассказать, что он видит там... где находится. И вы поверите, что это правда.

И Малик кивнул.

— Знаешь, я решил не публиковать статью, — сказал Малик. — Прости.

— Почему? — Мерк подошел к последнему из полотен. — Эта выставка побьет все рекорды. Обещаю. А тебе выпадет честь первым заявить о ней миру.

— Я знаю, знаю. Просто... Пусть мир думает, что картины написаны выжившим из ума стариком. Так будет лучше для всех.

— Как скажешь, друг мой, как скажешь.

Малик залпом осушил последний бокал и встал рядом с Мерком. Они смотрели на тонущих в огненном хаосе грешников, и каждый видел свое.

Малик видел неизбежность.

ДЕНИС НАЗАРОВ

Автор о себе: «Родился в маленьком сибирском городе. После окончания учебы почти случайно устроился работать дизайнером, с тех пор этим и занимаюсь. Первые попытки писать предпринял в четырнадцать лет, находясь под влиянием литературы в жанре хоррора. На сегодняшний день живу и работаю в Санкт-Петербурге».

Пашкина сигарета источала вонючий дым. Старый фонарик отчима, взятый без спросу, барахлил. Слабый луч мигал, порой пропадая совсем. Чтобы вернуть фонарь к жизни, приходилось стучать трещащим корпусом по ладони, отчего она пульсировал тупой болью. В подвале стояла невыносимая жара и какая-то неясная, сладковато-смердная вонь. Казалось, тепло, идущее от старых труб, тоже имеет свой запах — тухлый и металлический. Я расстегнул пуховик, стянул шапку и, вытерев выступивший на лбу пот, убрал её в карман.

Почему-то никто, кроме меня, не додумался взять фонарик. То ли Пашка и Макс знали все закоулки этого лабиринта и каждую, внезапно возникающую на пути трубу, то ли их глаза из-за частых походов в подвал настолько привыкли к темноте, что им хватало и слабого света, проникающего из квадратных окон. Я же то и дело задевал трубы, запинаясь о неизвестно откуда взявшиеся тут крупные камни и разный мусор. В общем, шумел больше всех, за что был удостоен недовольным цыканьем Макса и требованием вести себя тише, иначе какой-нибудь сосед с первого этажа припрется и прогонит нас. Впрочем, сам Макс не следовал этому правилу и довольно громко болтал с Пашкой. В разговор их я не вступал и не слушал, занятый мыслями о будущих каникулах и страхом перед окружающей темнотой.

Макс, идущий первым, выдал какую-то шутку, потому что Пашка громко заржал. Сказанного я не разобрал, но тоже хихикнул. На самом деле, мне было не смешно — скорее, жутко, но ведь не показывать трусость перед старшими ребятами. Я бы навсегда остался в их глазах нытиком и маменькиным сынком. И уж точно никогда больше они бы не позвали меня в каморку. Пашка упоминал, что у них еще есть потайное местечко на чердаке, правда, оттуда чаще выгоняли, потому что любой шум слышен на верхних этажах.

Я старался не отставать, хотя казалось, что ребята идут все быстрее, ловко огибая трубы с оборванной и свисающей, подобно паутине, теплоизоляции. Когда мы добрались до поворота, ребята свернули направо. Я потерял их

из виду, и неприятная дрожь пробежала по спине. Позади послышался тихий шорох, хотя, возможно, я его выдумал. И все же бросился бежать... Как назло, фонарь внезапно погас. Я принялся яростно колотить им по ладони, не замечив возникшую перед самым лицом трубу.

На мгновение темнота вспыхнула искрами в глазах. Было больно, очень больно. Я застонал и услышал шаги: кто-то из парней возвращался.

— Эй! — крикнул Пашка. — Нам свет нужен!

Услышав мой стон, он хихикнул.

— Об трубу долбанулся, что ли?

— Даа, — протянул я.

— Догоняй давай, мы уже пришли.

Когда я, наконец, включил фонарик и поднял глаза, Пашки уже не было. Нарождающаяся на лбу шишка пульсировала. Я четко ощутил, как она увеличивается, но больше всего меня волновала не боль, а то, как я буду объяснять отчиму свою травму. Боюсь, легко не отделаюсь: вторая шишка или выкрученное ухо мне обеспечены. «За все надо платить» — как любит говорить отчим.

Но какое б наказание он не придумал, ему ни за что не узнать, что я был в подвале. Если заикнусь об этом, тогда точно запрет дома на все каникулы. Да еще и со школы будет встречать, как первоклашку. И делать он это будет вовсе не из-за беспокойства обо мне, скорее, из желания показать свое превосходство. Вот уж где мои школьные злопыхатели по-настоящему оторвутся. Ну, уж нет! Такого я не допущу. Лучше скажу, что подрался. Конечно, наказания не избежать и в этом случае, но, по крайней мере, язык силы отчим понимает, а если узнает, что я дал сдачи, не будет так строг. По крайней мере, хотелось в это верить.

Я преодолел поворот и наткнулся на Макса, который тут же меня оттолкнул и зло сказал:

— Ну-ка, на потолок посвети.

Я поднял фонарь. Слабый луч выхватил из темноты сплетение труб.

— Левее!

Я взял левее. Фонарь замигал, но не выключился. В желтом пятне света возникла часть потолка и свисающий на коротком проводе патрон с вкрученной в него лампой.

— Не вырубай, — попросил Макс, затем привстал на цыпочки и подкрутил лампу. Мерзко скрипнув резьбой, она вспыхнула.

Свет ударил по глазам. Я сощурился, выключил фонарик и осмотрел маленькую комнатку примерно четыре на четыре метра. На стенах висели постеры из журналов, какие любил читать отчим, пряча их от меня и от мамы. Но я все равно знал, где они лежат, и порой разглядывал их страницы, хоть и понимал, чем мне это грозит, если отчим заметит. Однажды, правда, был

случай, когда порядком набравшись водки, он сам показывал мне эти фотографии, пытаясь объяснить суть женщин в самых нелицеприятных словах. Разговор был ужасным, но все-таки, когда отчим выпивал, то куда реже приставал с дурацкими расспросами и поучениями, а порой, находясь на доброй волне, даже подкидывал денег, которые я, впрочем, тратил редко, потому как, протрезвев, он про эти деньги обязательно вспоминал, даже если напрочь забывал все остальное.

Почти всю каморку в подвале занимал низкий деревянный стол, изрезанный ножом и исписанный похабными словечками. В центре стояла пепельница, на роль которой была приспособлена разрезанная пополам алюминиевая банка из—под пива. Справа и слева от стола располагались деревянные скамейки, на одну из которых уселись ребята.

— Садись, — Макс указал на противоположную скамью.

Я покорно сел, положил фонарик на стол и обвел ребят взглядом.

— Вы это сами сюда притащили? — спросил я.

— Не-а, стол уже был и патрон тут висел, — Макс указал на потолок. — Наверное, «санты» тут бухали иногда. Плакаты я притащил, а скамейки сперли у бабок, которые семечки на остановке продают.

Я кивнул, стараясь не смотреть на Макса. Я вообще не любил встречаться с ним взглядом: от него всегда исходила злоба, которую я не мог ничем объяснить. Может, именно это и позволяло ему строить всех ребят во дворе, и тянуло к нему других, более слабых, не уверенных в себе, в поисках защиты. Встречая на улице такого, как Макс, сразу хочется обойти его стороной, потому что знаешь — столкнись с таким, и проблемы обеспечены. Но вот что не перестает меня удивлять: Макс и Пашка вроде бы лучшие друзья, хоть совсем не похожи. Не понимаю, что общего они находят. Если озлобленный Макс постоянно ищет способы — кого бы «кинуть», где бы что украсть и потом безнаказанно «толкнуть» по дешевке, а на полученные деньги побухать, то Пашка всегда молчаливый, спокойный, словно ничего в этом мире не может всерьез его взволновать.

Пашка достал сигареты и закурил, Макс последовал его примеру, затем протянул мне пачку «Тройки» и сказал:

— Хватай!

Я заколебался. Конечно, курить уже приходилось, но из-за моего вечного невезения как-то раз «спалился» отчиму, который отвел меня домой, поджег сигарету и после пары затяжек затушил о мои губы. Несколько дней я ходил с уродливым, вспухшим на лице пузырем, терпя издевки одноклассников. Сей-час отчима рядом не было, но и курить не хотелось, однако я знал, что отказ лишний раз докажет парням, что я просто маленький трус.

Неловко выудив сигарету из пачки, подкурил от пламени зажигалки, поднесенной Максом. Затянулся вонючим дымом и мир перед глазами закружился, а к горлу подступила тошнота, но вида я не подал. Переждал немного и снова затянулся, стараясь не отставать от парней.

Под слабым желтоватым светом лампочки ребята отбрасывали длинные и немного жутковатые тени на стену позади себя. Тени эти походили на пятна из одного психологического теста, который я как-то проходил в школе. Школьный психолог — молодая девушка по имени Виктория Викторовна, едва закончившая институт (Макс называл ее «горячей телочкой» и при каждом удобном случае упоминал, что не против был бы ей вдуть), показывала мне карточки с непонятными на первый взгляд пятнами и спрашивала, что я на них вижу. Тест был простой, в пятнах легко угадывались люди, животные и растения — довольно безобидные картинки. Однако, глядя на тени ребят, я видел каких-то жутких существ, то огромных крыс, то летучих мышей, то пауков. В общем, тени меняли формы, каким-то невероятным образом. Я отвел глаза и уставился на один из откровенных постеров, лишь бы не смотреть больше на жуткие перевоплощения.

— Может партейку в «дурака»? — спросил Макс, вынимая из кармана и выкладывая на стол коробку с картами, где была изображена девушка с пышными формами, одетая примерно так же, как и женщины на плакатах, то есть никак.

— Давай разок, — отозвался Пашка и перевел взгляд на меня. — Ты будешь?

В карты я играл плохо и вообще с недоверием относился к подобным развлечениям, но, как и в случае с сигаретами, согласился.

Макс ловко раздал карты, и мы приступили к игре. Я сильно волновался, несколько раз бил не той мастью, путал козыря и, наконец, ожидаемо проиграл. В схватке между Пашкой и Максом, победил последний. Макс конечно же весело посмеялся и назвал Пашку лошком, на что тот обозвал друга мухлевщиком. Еще пару минут они пререкались, но, в конце концов, спор сошел на нет. Макс снова закурил, повернулся ко мне и сказал:

— Не везет тебе Егорка чё-то. Может, отыгратись хочешь?

— Нет, — ответил я. Играть мне больше не хотелось.

— Ну, смотри сам. А долг-то как отдавать будешь?

— Какой долг? — удивился я.

— Ну как, ты же проигравший. Пашка вот мне свой долг отдаст. С него пачка «Эл Эм».

Я посмотрел на Пашку, тот улыбнулся и кивнул.

— А ты как будешь отдавать? — повторил Макс, на этот раз громче и наглее.

— Но, — я замаялся, — мы же просто так играли! Я не знал...

— Да, — Макс усмехнулся. — Играли на «просто так». Ты знаешь что такое

«просто так»? Теперь ты должен. А долги надо отдавать.

В голове вдруг снова прозвучали слова отчима о том, что за все нужно платить.

— Но ведь это...

— Че тебе не нравится? — Макс нагнулся ко мне и поднял руку, будто готовясь к удару. Я зажмурился.

Он заржал и вернулся на место.

— Да ладно, чё косматишь? Бить не буду, но бабки ты мне все равно должен.

Я понимал, что игра на «просто так» это, конечно, бред, но переведя взгляд со спокойного лица Пашки на мерзко ухмыляющегося Макса, догадался, что это не шутка. Спорить не имело смысла.

— Сколько? — опустив голову, спросил я.

— Сотку всего лишь. Я сегодня добрый.

Я кивнул, не имея понятия, где достать деньги, но знал, что из подвала пора убираться, пока домой не вернулся отчим.

— Завтра вечером — край, — сказал Макс. — Понял?

— Да, — я посмотрел в его наглые глаза, и он ухмыльнулся:

— Но ведь можешь и отыграться. Прямо щас. Че скажешь?

Отыгрываться я не собирался: сотня могла легко превратиться в две.

— Нет, — ответил я. — Я так отдам.

— Дело твое, — Макс пожал плечами.

— Когда обратно пойдете? — спросил я. — Мне домой надо, отчим скоро придет.

— Мы тут еще побудем, — ответил Пашка. — Тебе показать выход?

— Да сам найдет, — Макс кивнул в мою сторону. — Не маленький же. Правда?

— Найду, — сказал я, вставая. — Тогда пока!

— Ага, давай! — ответил Макс, раздавая карты для новой партии.

Пашка кивнул мне на прощание, и я, включив фонарик вышел из каморки в темноту, которая будто бы стала гуще.

Боль в месте удара уже почти не беспокоила, но воспоминания были свежи, хотя их всеми силами и выгоняла из головы мысль о внезапном долге, образовавшемся неизвестно откуда. Эта мысль оказалась столь сильна, что я даже как-то позабыл о страхе перед темным подвалом, а когда, наконец, опомнился, обнаружил что стою в темноте и стучу по ладони фонариком с подсевшими батарейками. Я заплутал в этом лабиринте бесконечных труб и не помнил где выход. Фонарик в последний раз мигнул и уже не захотел включиться. Я прислушался, пытаюсь уловить голоса ребят, чтобы вернуться и спросить дорогу, но услышал только журчание воды в трубах. Я заблудился! Медленно, подобно кошке, подкрадывающейся к своей жертве, подступила паника. Я задышал глубже, рукавом вытер пот со лба. Нужно просто успокоиться: доберусь до стены, а дверь уже найду.

Я побрел дальше, всматриваясь в темноту и щупая руками воздух, чтобы не налететь на внезапное препятствие. Впереди совсем слабо светились окна подвала, похоже, на улице почти стемнело. Я просто шел прямо, зная, что, в конце концов, упрусь в стену, но спустя примерно пять минут заметил, что окна все так же далеко от меня, словно все это время я шагал на одном месте.

Я снова попытался вернуть к жизни фонарик, постукивая им по ладони и щелкая туда—сюда переключателем, но это ничего не дало. Я решил вытащить и вставить батарейки. Иногда это помогает, хоть и ненадолго. Отвинтил крышку и потрянул раскрытым корпусом в ладонь, но мое вечное невезение проявилось и тут. Одна из батареек вылетела из ладони и приземлилась на полу с глухим стуком. Выругавшись, я убрал разобранный фонарик и оставшуюся батарейку в карман, присел на корточки и принялся шарить по полу.

Бетон под рукой был теплым и влажным: тут же нахлынули отвратительные фантазии о гигантских тараканах и крысах, только и ждущих, чтобы схватить меня за руку. Пока я шарил по полу, случайно пнул что—то ногой, наверное, это была именно батарейка: предмет,брякнув,покатился. Я бросился на звук, едва снова не влетев головой в одну из труб, заметил в темноте отблеск и кинулся в ту сторону. Батарейка закатилась под толстую трубу, проходящую у самого пола. Я запустил под неё руку и нащупал уже не твердый бетон, а вязкую грязь. Батарейки нигде не было, и я решил плюнуть на это дело. Нужно скорее уходить, вставлю батарейку из своего будильника, чтобы отчим не заметил.

Едва я потянул руку назад — средний палец пронзила острая боль. Я закричал, рванул руку на себя, оцарапав кисть, и повалился назад, ударившись локтем о твердый бетон. По руке пробежали мурашки, палец задергалось. Я всмотрелся в темноту, но ничего не смог разобрать. Что это было? Крыса? Меня запугали ужасными историями об укусах крыс, и я тут же принялся придумывать страшные болезни, которыми эта тварь могла наградить меня. Поднявшись, я быстро зашагал вперед. Хватит с меня этих походов в подвал, больше в жизни сюда не спущусь!

На этот раз я быстро добрался до стены и заметил свет с улицы, падающий через щели в приоткрытую дверь, бросился вперед и вырвался на свежий воздух. Уже вечерело. Недолго думая, я прикрыл дверь и побежал к своему подъезду.

Под козырьком я встал и посмотрел на палец. Прямо в центре подушечки была глубокая круглая рана, из которой обильно вытекала кровь и капала на утоптаный снег. Палец распух и онемел. Похоже, это действительно была крыса. Будь мама дома, я бы все ей рассказал, но она уехала, а говорить отчиму, что меня укусили, пока я шарахался по подвалу — равносильно самоубийству.

Лучше сдохнуть от ужасной болезни, чем от его рук!

Я зашел в подъезд, вбежал на третий этаж и, открыв дверь ключами, вошел в квартиру. Прислушался. Отчима дома не было. Скинув пуховик и ботинки, я побежал в ванную, стараясь не закапать пол кровью, включил холодную воду и подставил под неё пострадавший палец, который тут же начало дико щипать и дергать. Я сжал зубы, и боль стала медленно отступать.

Пока промывал рану, взглянул на свое отражение в зеркале: шишка на лбу налилась и приобрела синеватый оттенок, не стоило и мечтать, что отчим её не заметит. Теперь мне точно крышка!

Завинтив кран, я вышел из ванной и направился на кухню, отыскал в шкафчике вату, зеленку и бинт, быстро обработал палец и перевязал его. Едва закончил с этим, услышал, как открылась входная дверь, а еще через секунду грозный голос отчима пробасил:

— Егор! Ты чё вещи свои тут разбросал?

— Привет! — крикнул я, тихо складывая бинт и зеленку обратно в шкафчик. — Сейчас уберу!

— Только бардак и умеешь наводить, — резко отозвался он. — Мигом сюда!

Я тихо закрыл шкафчик, поднялся и, спрятав пострадавшую руку в задний карман джинсов, вышел в прихожую.

— Ну! Чего ждешь-то?

Я подошел ближе, поднял свободной рукой пуховик и пристроил его на вешалке, отчим почему-то не обратил внимания, что я прячу руку, но заметил другое.

— Ну—ка, — он крепко ухватил меня за подбородок и резко развернул к себе с такой силой, что в шее хрустнуло. — Что это у тебя на башке?

— Шишка, — ответил я.

— Вишу, что шишка. Откуда?

— Подрался.

Он отпустил меня и принялся, посмеиваясь разуваться.

— Да брось заливать, подрался...

Я опустил глаза.

Отчим вдруг перестал смеяться и, снова схватив меня за подбородок, посмотрел в глаза.

— Правда подрался?

Я кивнул.

Отпустив меня, он снял рабочую куртку и повесил рядом с моей.

— И где ты, балбес, так умудрился куртку зачуханить?

— В подъезде же подрался, — соврал я.

— С кем?

— Не знаю, пацан какой-то, денег хотел.

— И чё? Уделал ты его?

— Ну да, — неуверенно ответил я.

Отчим залился мерзким хохотом.

— А чего руку прячешь? — спросил он. — Ну-ка, покажи.

Я показал забинтованный палец.

— А это откуда?

— В драке упал, зацепился за перила...

— Горе-боец!

Я промолчал.

— Ладно, — он похлопал меня по плечу. — Ну-ка, давай покажи, как бил.

Я недоуменно посмотрел на него, не зная, что ответить.

— Ну, давай, — подначивал он, подняв кулаки и, принимая глупое подобие боевой стойки.

— Не буду же я тебя бить.

— Почему нет?

— Ну... Ты же папка мой! — Конечно, никаким папой я его не считал, но знал, что ему нравится, когда я так говорю.

Он улыбнулся.

— Верно говоришь, батю трогать нельзя, — он добродушно похлопал меня по плечу. — Тогда давай я покажу тебе, как надо драться, чтобы больше шишек у тебя не было.

Я не успел среагировать, но даже если бы и попытался заблокировать удар, то вряд ли бы это спасло меня. Кулак отчима прилетел прямоком в солнечное сплетение, дыхание перехватило, я согнулся, не в силах даже застонать. Паркет перед глазами поплыл, размазываясь в грязно-коричневую кашу.

— Вот так надо бить, сученыш! А куртку свою не чисти, пойдешь прям так в школу. Чтобы больше в таком виде домой не приходил... За все платить надо.

Я не мог ничего ответить, да и не стал бы. Прислонившись к входной двери, прижал руки к груди, силясь вдохнуть.

— Хорош комедию разыгрывать, слабенько же стукнул, — сказал отчим уже мягче, видно понимая, что перестарался. Но своей вины он никогда не признавал.

Наконец мне удалось вдохнуть, в груди и спине отдалось горячей болью.

— Иди уроки учи, — приказал отчим. — Завтра в школу.

— Завтра выходной, — ответил я.

— Значит, иди почитай книжку или что ты там любишь делать. У меня дела тут.

Я оторвался от двери и пошел в свою комнату. Какие у него дела, я прекрасно знал: пока нет матери, он засядет за ноутбук и будет шарить по порно-сайтам. За этим делом я заставлял его уже не раз, когда мама уезжала из города, а в последнее время эти поездки случались все чаще, словно она специально

соглашалась на любые командировки, только чтобы не быть рядом с ним. И в этом я её прекрасно понимал. Вот только на время этих отъездов я оставался один на один с отчимом, и, если в те дни, когда мама была дома, он почти не обращал на меня внимания, словно я вовсе не существую, то, когда мы оставались вдвоем, он сразу же принимался за сомнительные методы воспитания, заключающиеся в постоянных оскорблениях и оплеухах. Раньше я думал, что глава семьи и должен быть таким — строгим, сильным, непоколебимым; что я сам виноват в чем-то и наказание заслуженно, но потом я понял, что он просто жалкий урод, и как это ни ужасно — молил Бога, чтобы отчим умер и мы с мамой остались вдвоем.

Уйдя в комнату, я сразу же разделся и залез под одеяло. Читать не стал. Больше всего хотелось скорее уснуть. Сегодняшнее происшествие в подвале дико измотало меня, да и попадаться на глаза отчиму совсем не хотелось. Именно из-за второй причины я решил не ужинать, не идти в душ и не чистить зубы. К счастью, отчима все это мало волновало. Как ни странно, палец почти не болел, лишь легко покалывало в месте укуса. Искренне надеясь, что не подхватил никакой заразы, я закрыл глаза. Сон пришел быстро.

Проснувшись, я долго смотрел в потолок, пытаюсь сфокусировать взгляд на люстре, но ничего не выходило. Мир вокруг плыл, как после вчерашнего удара отчима, а глаза ужасно резало. Однажды такое уже было со мной, когда я по неосторожности дунул на горстку рассыпанного перца и изрядная его доля попала в глаза.

Часто моргая и потирая веки пальцами, я сел на кровати. В груди отдалось болью. Опустив голову, я увидел крупный синяк, прямо по центру грудной клетки. Потихоньку зрение возвращалось к норме, но резь не проходила. Я встал и тихонько вышел из комнаты. Прислушался. Было тихо, похоже, отчим куда-то умотал или крепко спит. Первым делом я заглянул в его комнату. Простынь измята, подушка на полу, пепельница на тумбочке переполнена. Отчим ушел.

Я смело направился в ванную, включил теплую воду, посмотрел в зеркало и ужаснулся. Белки глаз сплошь покрывала сетка лопнувших сосудов. Большой палец, о котором я успел позабыть, сильно дергалось. Подняв руку, я не обнаружил ничего ужасного. Всего лишь небольшая припухлость и кровь слегка проступила под бинтом.

Боль быстро прошла. Я снова посмотрел в глаза своему отражению. Может, это всего лишь последствия удара? Я где-то слышал, что сосуды могут

лопнуть при недостатке кислорода. Однажды Димка из соседнего подъезда рассказывал, что его брата пытали менты. Надевали на него противогаз, зажимали шланг и давили коленом на грудь. После этого у Димкиного брата все глаза были красными. Ладно, плевать — пройдет само, никто от этого еще не умирал. Надеюсь.

Я забрался под душ и долго отмывался. Палец подергивало, но боль была вполне терпимой. Закончив мыться, я вылез из ванной, насухо вытерся, одел свежие трусы и вышел в прохладу коридора. Зазвонил телефон в прихожей. Решив, что это мама, я поспешил к аппарату и схватил трубку.

— Алло!

— Егор? — я сразу узнал Пашкин голос.

— Я.

— Здорово, Егорка! Узнал?

— Ага, привет, Паша.

— Пойдешь сегодня в каморку?

Меньше всего мне хотелось возвращаться в подвал, но я вспомнил о сотне, которую должен Максу и, хотя денег у меня не было, отказ вполне мог прибавить мне еще больше проблем. Я знал такие истории: если попробую «потеряться», Макс включит «счетчик», и я буду должен уже не сотню, а полторы или даже две, в зависимости от того, в каком настроении будет Макс. Лучше прийти и объяснить, что пока денег нет и отдам позже — других вариантов я не видел.

— Да, пойду, — неуверенно ответил я.

— Ну, это, я ща похаваю и выберусь, зайду за Максом. Ты давай через полчаса к моему подъезду подтягивайся.

— Ладно.

— Все, отбой тогда.

Я положил трубку. Мысли о долге тяжелым грузом повисли на шее. Денег у отчима не выпросить. Можно было бы рискнуть и украсть у него эту сотню, но дома он наличку никогда не держал. Придется объясняться с Максом и разговор, боюсь, будет неприятным.

Я отправился на кухню, поставил греться чайник и достал из аптечки бинт и зеленку. Размотал промокший бинт и осмотрел рану. Место укуса не уменьшилось, даже как будто стало больше. Рана по краям припухла.

Я слегка надавил на палец, и из раны выползла капелька белесого гноя. А за ним кое-что еще: блеснув, оно упало на пол, тихо звякнув. Я присел на корточки и поднял маленький предмет. Это был кусочек темного металла со следами ржавчины. Я осматривал его, пытаюсь сообразить, откуда он мог взяться в ране. Положив его на стол, снова надавил на палец. От внезапной

вспышки боли потемнело в глазах, я стиснул зубы и чуть усилил давление. В ране что-то зашевелилось, а затем показался край еще одного железного кусочка, куда больше предыдущего.

Стреляющая боль уже охватывала всю руку, прокатываясь волнами, но я не ослаблял нажима — давил все сильнее и сильнее. Наконец, железка вылезла из раны и упала на пол. Хлынула кровь, я бросился к раковине, включил холодную воду и подставил палец под струю.

Промыв, снова осмотрел рану, легонько потрогал, но больше в ней ничего не было. Смыв кровь, помазал рану зеленкой и забинтовал. Теперь уже болело все предплечье. Я поднял второй кусочек — размером он был с горошину, при этом почти идеально круглой формы. Если первый кусок можно было спихнуть на мусор, случайно залетевший в рану, то этот словно бы специально был помещен в неё. Конечно, все это отдавало бредом, но мне стало не по себе. Что, если я подхватил какое-то неизвестное заболевание? Никогда еще мне не приходилось слышать о болезни, при которой в ранах появляются железки. Все это очень странно.

Я выбросил оба кусочка в мусорное ведро, налил чай и уселся за стол, но пить совсем не хотелось. Голова кружилась, резь в глазах становилась сильнее, а боль захватывала все большую часть руки. Лучше было бы остаться дома... Нет, лучше было бы скорее идти в больницу, со мной явно что-то не так... Но если я не приду на встречу, то Макс точно не отцепится от меня, а о надежде обрести покровителя для защиты от других старших парней, вымогающих деньги в школе, можно забыть навсегда. Хотя Макс, по сути, сам вымогал деньги — чего только стоит этот возникший из воздуха долг?! Но лучше уж терпеть одного такого вампира, зная, что другие тебя не тронут.

Взглянув на часы, я заметил, что осталось пять минут до встречи. Так и не притронувшись к чаю, я поднялся и побежал в комнату, напялил вчерашнюю одежду, в прихожей нацепил пуховик, схватил шапку и выбежал за дверь. Запер квартиру и сбежал вниз по лестнице. Едва я оказался на улице, как почувствовал, что руку начинает отпускать, а резь в глазах слабеет, словно свежий воздух как-то благоприятно воздействует на меня.

Двор наш, как обычно, пустовал, словно все люди зимой закрывались дома, боясь выбраться на улицу. Только дворовый пес по кличке Шайтан вяло бродил по свежевыпавшему снегу, уныло его обнюхивая. У соседнего подъезда я заметил Пашку и Макса — они курили, стоя под козырьком. Завидев меня, Пашка махнул рукой. Я натянул шапку и направился к ребятам.

Подойдя, пожал им руки и Макс тут же спросил:

— Чего это у тебя с шарами?

— Не знаю, — ответил я, — может, попало что-то.

— Нифига они у тебя красные! — воскликнул Пашка, таращась на меня. — У меня такое, как курну, бывает. Ты того, что ли... Обкурился?

Макс заржал, и я тоже усмехнулся за компанию.

— Ладно, двинули, — сказал Макс и щелчком отбросил окуроч в стену, где тот взорвался сотней искр и упал в сугроб, тихо зашипев.

Мы спустились по растрескавшимся ступеням под козырек подвала. В нос тут же ударил острый запах мочи. Пашка достал ключ, неизвестно где и как раздобытый, отпер навесной замок, снял его, убрал в карман куртки и впустил нас внутрь. Зашел следом и прикрыл дверь. Я вдруг вспомнил про фонарик. Сунул руку в карман пуховика и нащупал металлический корпус. Повезло, что отчим не заметил пропажи, но и толку от фонаря с пустой батареей — никакого.

— Ты с фонарем? — спросил Макс.

— Забыл, — соврал я.

— Ладно, — отозвался он. — Путь знакомый.

Мы зашагали сквозь тьму, огибая переплетения труб. На этот раз я уже чувствовал себя увереннее, да и света через окна, кажется, проникало чуть больше, словно вчера темнота была какой-то искусственной или, может...

— Темно — пипец! — воскликнул Пашка. — Походу, те окна с краю тоже закрыли.

— Да там батя Семена все время машину свою ставит, — ответил Макс.

Нет, дело было не в свете: я вообще стал видеть как-то иначе. Темнота приобрела сероватый оттенок, а трубы слабо переливались синевой. Я потерял глаза, но это не помогло: мир вокруг стал совсем другим, более светлым и насыщенным, словно кто-то искусственно добавил яркости.

— А тут крысы водятся? — спросил я.

— А ты че, крыс боишься? — отозвался Макс и хихикнул. — Я не видал.

— Вряд ли, — сказал Пашка. — У нас тут достаточно чисто, и кошки постоянно по подвалу шастают.

Вскоре мы добрались до каморки. Пашка долго искал в темноте патрон (который я видел отчетливо). Наконец, он крутанул лампочку, и комната озарилась светом. Зрение вернулось в норму.

Как и вчера, мы устроились на скамейках, и Макс, закулив, тут же спросил:

— Сыграем?

— Давай, — отозвался Пашка.

— Я не буду, — ответил я.

— Боишься еще задолжать? — Макс засмеялся. — Как там, кстати, с моей сотней?

— Слушай, Макс... У меня сейчас совсем денег нет, подождешь до понедельника? Мама даст на обед, я тебе отдам сразу.

— Эх, Егорка, что же ты меня так расстраиваешь? — Макс покачал головой.

— Я-то думал — ты человек слова.

Макс, конечно, манипулировал: никакого слова я ему не давал, но спорить не имело смысла.

— Честно, в понедельник отдам, — ответил я. — Ну, правда!

— А тебе че, мамка денег не оставила? — Макс хитро взглянул на меня.

— Так она всегда отчиму оставляет, а он их пропивает. Я уже два дня одной лапшой питаюсь.

— Ладно, черт с тобой. В понедельник так в понедельник.

С плеч словно сняли тяжелую ношу. Хотя бы до понедельника.

Пашка закурил и предложил мне, я не отказался. Пока они играли, я разглядывал пошлые плакаты. Спустя пару партий мне это надоело. Было жарко, в животе урчало, хотелось есть и пить, а от выкуренной сигареты подташнивало. Вскоре, к моему счастью, Макс бросил карты на стол и сказал:

— Ладно, надо мне двигать до Маринки, вы как?

— Да тоже пойдем, — ответил Пашка. — Че тут тереться?

Я радостно кивнул, и мы засобирались. Свет выключили, и ко мне вновь вернулось странное зрение, но руку вдруг схватила страшная боль. Я не сдержал стога.

— Ты че, обоссался там? — спросил Макс и заржал. Пашка тоже хохотнул, а мне было не до смеха, казалось, руку раздирает изнутри что-то твердое и живое.

— Да просто нога затекла, — ответил я, сжав зубы.

— Да, хреново это! — сказал Пашка. — Жесткие мурахи, ага?

— Ага, — подтвердил я.

— Догонишь, короче, — ответил Макс и вышел из каморки. Пашка последовал за ним.

Еще пару минут я боролся с ужасной болью, а потом резко все прошло. Я выпрямился, выбежал из каморки и поспешил догонять парней.

Двигаться по подвалу теперь было легко — я видел каждое препятствие с невероятной четкостью. Вскоре заметил и спины ребят, которые уже были у выхода. Дверь открылась, и яркий свет на секунду ослепил меня. Никто не собирался меня ждать. Ребята вышли, и когда я подбежал к двери, она захлопнулась, и послышался звук запирающегося замка.

— Эй! Меня подождите! — крикнул я.

Замок щелкнул и за толстой дверью я услышал глухой голос Макса:

— Егорка, Егорка... Слово надо держать. Вот посиди теперь там и подумай о своем поведении, а в понедельник отдашь мне полторы сотни.

Вот и долг вырос.

— Макс, не гони! — закричал я, забыв о всяком страхе перед ним. Теперь меня охватил уже другой страх — остаться тут одному, среди этих жутких труб, пауков и крыс, одна из которых уже успела меня цапнуть.

Парни заржали.

— Выпустите, уроды! — закричал я. Оскорблял специально: пусть получу за это, но они хотя бы откроют дверь.

Вместо этого хохот стал громче, и я услышал, как парни поднимаются по лестнице. Я оглянулся в темноту подвала. Меня охватил ужас. Я стал долбить спиной в дверь и громко орать. Пусть меня услышат на первом этаже или на улице, все равно! Пусть расскажут отчиму, что я лазил по подвалам! Главное — выбраться!

Я орал так громко как мог, пинал дверь, плакал и, наконец, услышал чьи-то шаги, а потом голос Макса:

— Слышишь? — спросил он, видимо, обращаясь к Пашке. — Он там рыдает, как баба.

— Откройте, — сквозь плач попросил я. — Простите, что назвал уродами, откройте, пожалуйста.

— Херушки! — Макс заржал.

— Ладно, хорошо, — сказал Пашка. — Открой уже.

В замке зашуршало, и дверь открылась. Парни вошли в подвал, смеясь. Они смотрели на мое заплаканное лицо.

— Ну че, понял? — вдруг зло спросил Макс. — Урок тебе будет.

В голове возник голос отчима: «За все надо платить».

Что произошло дальше, я не сразу понял. Кипя от ярости, я бросился на Макса, который был в полтора раза

больше меня, и принялся лупить его по лицу больной рукой. Я бил его, но и одновременно бил своего отчима за все, что он мне сделал. Но куда там? Удары были слабыми и беспомощными. Однако Макс разозлился не на шутку. Зарычав, он толкнул меня на пол и уселся сверху.

Удар!

Еще удар!

В челюсти хрустнуло. Воя от злости, я пытался сбросить его, но он был

**Даже когда всё разрушено
или потеряно, мечты,
будущее и книги остаются
в ваших руках**

vk.com/club13979065

слишком тяжелым.

— Макс, хватит! — крикнул Пашка.

Но Макс не останавливался, продолжая уродовать мне лицо. Нос хрустнул, но боли я уже не чувствовал. Собрав всю свою злость, я дернулся, высвободил руку и ударил Макса в живот, как мне показалось, довольно слабо. Но он вдруг перестал бить, захрипел и повалился на меня.

Я попытался выбраться из-под внезапно вырубившегося Макса, но ничего не выходило: обездвиженный, он лежал на мне, и я не мог понять, почему не получается двинуть рукой, которой я его ударил.

Подоспел Пашка, схватил Макса за плечи и рванул его, но и у Пашки ничего не вышло. Макс лишь завалился на бок, но этого хватило, чтобы я увидел, почему мой удар оказался для него фатальным. Из рукава моей куртки выглядывал вовсе не кулак с забинтованным пальцем. Из него выходила толстая железная труба с ободранной теплоизоляцией — и уходила в живот Макса, из которого мне на джинсы капала кровь.

Пашка тоже увидел это и, по—девичьи вскрикнув, попятился назад. Я напрыгя и оттолкнул от себя бездыханное тело трубой, в которую превратилась моя рука. Макс завалился на бок. Странно, но никакой боли я не чувствовал — наоборот, силы возвращались ко мне, они наполнили все мое существо, бурля внутри неудержимой злобой и странной жадой, которую я никогда ранее не испытывал. Труба словно бы зудела: испробовав вкус крови, она желала еще. Эта ужасная мысль пугала, но в то же время я ощущал невероятный прилив сил и сладкого наслаждения, которое отдавалось теплом где-то в животе. Я поднялся и посмотрел на свою новую руку. Пашка тоже смотрел на неё, боясь двинуться. Наверное, он хотел убежать, но то ли страх, то ли искреннее непонимание приковали его к месту.

— Егор, не надо, — прошептал он. — Это Макс все придумал... заранее. Я его отговаривал, клянусь тебе!

Кажется, Пашка был готов заплакать, а я продолжал разглядывать трубу со странной смесью восторга и ужаса. Она начиналась в локте, вытягиваясь из рукава примерно на шестьдесят сантиметров. Куда делась моя настоящая рука, я понять не мог. Похоже, каким—то образом она превратилась в этот абсолютно новый орган. Я чувствовал, что это не просто кусок железа, не обычная труба, каких полно в подвале. Теперь это часть меня. Часть нового меня.

Пашка все-таки совладал с собой и бросился бежать. Догонять его я не стал. Оглядел мертвого Макса. Я не хотел убивать его, но все же чувствовал теперь невероятное облегчение. Однако что-то было не так: я находил нечто чуждое в этом торжестве над поверженным противником, словно радовался не совсем я.

Было ясно, что Пашка позовет кого-то на помощь, и я поспешил на улицу.

Поднявшись по лестнице, увидел улепетывающего Пашку — он бежал почему-то не домой, а прочь со двора.

Я замер, не зная, что теперь делать. Возвращаться домой нельзя, но и оставаться тут я тоже не мог. Неподалеку от нашего двора был лес, за которым начинались железнодорожные пути, для грузовых поездов. Туда я и направился.

Я бежал, утопая в снегу, не замечая еловых веток, которые лупили по лицу. В ботинки набился снег и вскоре, совершенно выбившись из сил, я застрял по пояс в сугробе. Стоял, вдыхая морозный воздух, и только теперь до меня дошло, что я наделал. Убил человека. Горячие слезы потекли по лицу. Я поднял руку-трубу и смотрел на неё, все еще не веря, что со мной такое приключилось. Почему? За что? Что за тварь укусила меня в подвале, что теперь вместо руки у меня этот железный обрубок? Это было похоже на кошмарный сон. Бред сумасшедшего.

Я сильно замерз и уже не чувствовал пальцев ног и здоровой руки. Передохнув еще немного, я начал пробираться дальше через сугроб и, наконец, вышел к расчищенной площадке рядом с рельсами. Упал на холодный снег и смотрел в серое небо, чувствуя, как холод от металла переходит дальше на руку. Казалось, замерзают даже кости.

Наверное, лучше было бы остаться здесь. Лежать тут, пока не окоченею. Это все, что я заслужил. Макс, конечно, был уродом, но он не заслужил такой смерти, как и я не заслужил эту трубу вместо руки.

Я ведь не хотел его убивать. Правда, не хотел! Я просто разозлился. Испугался. Ну почему это должно было случиться со мной? За что?!!

Проклятая труба! Проклятый отчим! И все эти пацаны со двора и школы... Просто останусь лежать тут, замерзну насмерть и больше не будет всего этого. Все равно мне теперь «труба»!

Я нервно захихикал и повторил это вслух, обращаясь к замерзшему небу.

Но холод давал о себе знать, очищая мысли от ненужного и заставляя мозг работать. Я сел и поднял трубу, которая теперь казалось невероятно тяжелой.

Может... может, я как-то смогу вернуть свою руку обратно?

Здрав рукав, я осмотрел место соединения.

Половины правой руки у меня не было, предплечье и окровавленная труба соединялись железным раструбом с облупившейся красной краской, а из—под раструба торчали обрывки уплотнительной нити. Зрелище было пугающее. Я вонзил трубу в снег и закричал. Нужно избавиться от неё. Пусть я останусь калекой на всю жизнь, но только не с этой хреновиной вместо руки. Я подергал раструб, он сидел плотно. Затем мне пришла одна идея.

Я знал, что даже зимой поезда тут ходят, а рельсы регулярно чистят. Нужно просто дождаться поезда, положить трубу под колеса и все, дело сделано.

Поезда пришлось ждать долго. Казалось, я раньше умру от холода, чем услышу заветный стук колес. Но вот, наконец, из—за поворота показался тепловоз — он медленно, никуда не торопясь, полз по рельсам.

Мне вспомнилось, как летом мы с парнями клали монетки на рельсы, а после получали тонкие металлические пластинки. Однако эта шалость не шла ни в какое сравнение с тем, что я собирался сделать сейчас. Вполне возможно, моя идея была безумной.

Колеса могут лишь помять трубу, но избавиться от неё совсем не выйдет.

Поезд подходил все ближе, а я продолжал прикидывать в голове варианты, постепенно склоняясь к мысли, что ничего не выйдет. К тому же я допустил большую оплошность, не спрятавшись заранее. Видимо, одинокий, неподвижный мальчик на снегу привлек внимание машиниста, поскольку тепловоз зашипел и начал сбавлять скорость. Объяснять незнакомому человеку, что я тут делаю и что у меня с рукой, желания не было, а потому я поднялся и бросился в лес по уже протоптанной дорожке.

Я чувствовал себя последним дураком и, пока бежал, придумывал новые варианты, как же избавиться от трубы. Можно попробовать распилить расступ ножовкой по металлу. У отчима была такая, но если он уже вернулся домой, то беды не миновать. Я вспомнил, что сегодня должна приехать мама, и, может, если она дома, то я смогу ей хоть как-то объяснить, что случилось?

Выбравшись из леса и добежав до стены дома, я медленно побрел, пряча трубу в рукаве. На углу остановился и оглядел двор. По-прежнему пусто. Шайтан мирно спал под козырьком первого подъезда, похоже, холод его совершенно не беспокоил.

Я выждал несколько секунд и побежал через двор. Бросил короткий взгляд на открытую дверь подвала. Где-то там все еще лежал Макс. Я подумал, что до него уже добрались крысы. Может, прямо сейчас они обедают его лицо, и он превращается в нечто еще более ужасное, чем я.

Я влетел в подъезд, взбежал на этаж и не без труда открыл дверь ключом. Орудовать левой рукой было крайне неудобно. Постарался войти тихо, но дверь предательски закрипела.

— Егор! — тут же послышался из кухни пьяный голос отчима, который, похоже, успел изрядно набраться. Мои надежды незаметно войти в квартиру и взять ножовку рухнули в один миг.

— Да, это я. Мама уже вернулась?

Отчим слабо засмеялся, громко шмыгнул носом и выкрикнул:

— Не вернулась мамаша твоя и уже не вернется!

Эти слова ввели меня в ступор. Постояв несколько секунд на месте я, не разуваясь, пересек прихожую и вошел в кухню. Отчим полулежал за столом,

сжимая в руке наполненную рюмку, тут же стояла пустая бутылка водки и банка из-под шпрот. В пепельнице дымилась сигарета.

— Слышь! — отчим повернулся и посмотрел на меня мутными глазами. — Ты это...

Он пробубнил что-то невнятное, перевел взгляд на трубу. На мгновение его лицу вернулась осмысленность. Он усмехнулся и спросил:

— Ты нахера это притащил?

Меня переполняла ярость к этому жалкому существу. Снова я ощутил то же странное чувство, что испытал в подвале. Будто труба зудела и просила, чтобы я пустил её в ход.

— Где мама?! — выкрикнул я.

— Да не придет мамаша твоя, — ответил отчим, опустил рюмку и поднялся со стула. Его тут же повело в сторону, и он вцепился в край стола. Пустая бутылка завалилась на бок, покатилась к краю, но я успел перехватить её и поставить обратно.

— Где мама? — повторил я.

— Звонила, — он пожал плечами. — Сказала, извини, мол, но не вернусь я. Попроси у сына прощения. — Отчим громко заржал. Смеялся, пока в горле не заклокотало, затем зашелся в хриплом кашле и потянулся к сигарете. Я отодвинул от него пепельницу.

— Ты че творишь, сученыш?!

Алкоголь явно отнял у него силы — он нормально закричать не мог, оставалось лишь вяло возмущаться.

Я смотрел на него, разрываясь от ярости, негодования, обиды. Я не хотел ему верить, но видел, что он не врет.

— Повтори! — крикнул я.

Отчим будто бы вмиг протрезвел. Лицо его залилось краской, и он заорал:

— Че тебе надо?! Уехала мамка твоя к мужику другому! Все! Нет у тебя мамки! Бросила она нас! Понял?!

— Сука! — прошептал я.

— Еще какая, — согласился он.

— Нет! Ты сука! Все из-за тебя!

— Ты сейчас получишь, паскуда! — он двинулся на меня, едва держась на ногах.

Я выставил трубу перед собой. Отчим остановился и непонимающе посмотрел на неё, потом оглядел меня. Похоже, только сейчас он заметил мое избитое и явно опухшее лицо, красные глаза, грязную одежду в пятнах крови.

— Егор, что случилось?

— Хочешь знать, что случилось? — я усмехнулся. — Сейчас узнаешь!

Я сбросил пуховик, стряхнул его с себя, под ним была только футболка... И

отчим все увидел.

Он в ужасе смотрел на руку-трубу, то открывая, то закрывая рот.

— Вот что случилось! — спокойно сказал я. — Просто еще раз подрался. И знаешь, на этот раз я и правда победил!

Я взмахнул трубой и со всей силы ударил по столу. Дерево затрещало. Рюмка перевернулась, выплеснув вонючую водку на стол. Бутылка, ранее спасенная мной, полетела на пол и звонко разбилась. Испуганный отчим повалился следом за бутылкой, даже не вскрикнув. Застонал, перевернулся на спину и в ужасе посмотрел на меня уже совсем трезвыми глазами. Я шагнул к нему.

Он отползал к батарее, глупо елозя ногами по полу, кряхтел, пытаясь что-то сказать. Может, хотел извиниться, а может, просто в очередной раз назвать меня сученышем. На языке вертелись оскорбления. Столь многое я хотел высказать этому человеку, но не мог. Труба по-прежнему жутко зудела, и я знал, что если сейчас не уйду, то ничем хорошим это не закончится.

Оставив перепуганного отчима лежать у батареи, я торопливо вышел из кухни и вернулся в прихожую. Отыскал в шкафу с инструментами ножовку и пару запасных полотен. Устроившись на полу, принялся трясушимися руками пилить раструб. Первое полотно сломалось очень быстро. Я заменил его и повторил попытку, но это было бесполезно, металл не поддавался. Вскоре все полотна были пущены в расход, а раструб остался едва оцарапанным.

В ярости отшвырнув ножовку, я остался сидеть в тишине. Вскоре до меня донеслись тихие всхлипывания. Отчим плакал на кухне. Почему? Может, радовался спасению, понимая, насколько был близок к смерти, а может, чем черт не шутит — жалел меня.

Как бы там ни было, выйти из кухни или завести разговор он не решался. В конце концов, мы с ним оказались в одной лодке. Мама бросила нас обоих.

Я вернулся на кухню и уселся на пол, рядом с отчимом, прислонившись спиной к холодильнику. Голова разболелась, а труба, которой я до этого так легко манипулировал, вдруг стала невероятно тяжелой. Я заплакал. Жалел самого себя, Макса, отчима и даже маму, что так подло предала меня. Я смотрел на жалкого мужчину у батареи, который прятал лицо в руках и боялся даже посмотреть на меня. Я до сих пор не верил, что это не сон и все происходит по-настоящему.

Время шло. От моих ботинок на полу натекла целая лужа. Я ждал, что с минуты на минуту в квартиру завалится Пашка в компании друзей, своего отца или даже ментов, но почему-то никто не приходил. Может, он в ужасе убежал, сам не понимая, куда и теперь бродил по городу, пытаясь, как и я, осознать случившееся.

Немного успокоившись, я поднялся и вышел в прихожую, взглянул на себя

в зеркало.

Выглядел я лучше, чем себе представлял, разве что нос был неестественно повернут в сторону, да правая часть лица немного припухла. Глаза оставались все такими же пугающе красными. Я поднял трубу: она стала как будто чуть длиннее.

Постепенно во мне крепла мысль, похожая на озарение. Возможно, самая важная мысль в моей новой жизни: мне никогда не избавиться от трубы.

Теперь она часть меня. Даже если я смогу каким-то образом убрать её, она появится снова. Я ударил зеркало и осколки его звонко осыпались на пол.

Жалость ушла. Ей на смену пришло другое, уже знакомое чувство. Теперь я с радостью принимал это тепло и жажду, с которыми прежде пытался бороться.

Открыв дверь, я вышел на лестничную площадку, покидая свой дом навсегда. Я знал, что делать дальше. Мне теперь один путь — в подвал, но перед этим они все ответят за то, что сделали...

Каждый из них.

Теперь им всем — труба.

ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ

Автор о себе: «Родился 24.05.1989 г. в Беларуси, в городе Новополоцке. Детство провел там же. Сейчас — инженер-строитель. Работаю в Минске. Много путешествую по стране. Что-то писать начал еще в школе. Первый успех случился недавно: мой рассказ вошел в „Самую страшную книгу-2016“».

Гетман в последнее время плохо спал. Ему снились сны. Страшные, беспокойные и тревожные, они возвращали его в годы юности. Почти на тридцать лет назад, когда он был молод и полон сил. Когда он был одним из тех рыцарей, кто подавил мятеж Сеченского. В своих снах он видел эшафот. Наспех сколоченная из свежей древесины шибеница, под которой стояли четверо приговоренных к смерти. Казнь состоялась на закате того же дня, когда отгремело сражение, в котором были разбиты основные силы мятежников. Приговор был вынесен прямо на поле боя, среди непогребенных трупов, когда еще не развеялся пороховой дым, а отовсюду были слышны стоны раненых и умирающих.

Всем четверым уже надели на шею петли, когда глава мятежников Андрей Сеченский подал свой голос.

— Будьте вы прокляты, — прогремел он хриплым басом, — слуги ляхов! Лживые, продажные шлюхи! Шавки короля! Рабы Римского Папы! Продавшие свою веру и свой народ за польское золото!!!

Выкрикнув это, он горько зарыдал. Израненный и окровавленный, одетый в простую рваную рубаху, без доспехов и знаменитого древнего меча своего рода, он больше не внушал страха своим врагам. Теперь враги обступили его со всех сторон, ожидая казни. Сеченские вели свой род еще от Всеслава Полоцкого, древнего могучего князя, по легендам, оборотня и чародея. У Андрея не было наследников, сегодня прерывался его род. Горю его не было предела. Однако, собравшись с силами, он снова выкрикнул:

— Завещаю душу свою! Не будет мне покоя на том свете, пока все ваши выблядки до десятого колена будут топтать эту землю!!! Вы еще признаете меня, принесете присягу! Будете служить мне!!!

Рядом с ним кричали и проклинали сегодняшних победителей его ближайших сподвижники, воевода полоцкий Казимир и князя Александр

Чинский и Иеремия Сухомлевич. Все четверо сыпали проклятия на головы присутствующих, короля и Папы. Однако палач вскоре прервал их, все четверо закачались, дергаясь и хрипя, в веревках, которые скрипели и стонали под их весом. Налетевшие вороны выклевали висящим мертвецам глаза, изуродовав и без того синюшные опухшие лица. Каждую ночь снились гетману эти пустые изорванные кровоточащие глазницы.

Теперь ему было пятьдесят четыре года, он облысел и мучился близорукостью, подагрой и ревматизмом, которые усугубляла теперешняя мерзкая, холодная и дождливая погода. Гетман ехал на своем вороном жеребце в центре колонны небольшой армии, которая пробиралась через полесские болота вглубь темного дремучего леса. В этих землях такие леса называются пущами, отличные места для разбойников и мятежников, чтобы скрыться. Гетману было не привыкать подавлять княжеские мятежи и крестьянские восстания, он сделал на этом свою военную карьеру. Злые языки даже называли его цепным псом короля.

Во главе колонны шел эскадрон крылатых гусар на великолепных турецких лошадях, быстрая, подвижная и мощная кавалерия, отлично подходящая для стремительных атак. За гусарами шествовали пять сотен закованных в броню тяжелых кирасиров, грозная непобедимая сила. В одном из сражений в Пруссии гетман был свидетелем того, как сотня таких всадников обратила в бегство почти тысячное пешее войско. В центре колонны находился сам гетман со своим оруженосцем и адъютантом Валком, смышленным пятнадцатилетним парнем, выходцем из обедневших дворян. Валк сейчас, хоть и старался не подать вида, посинел и трясся от холода. В руке он нес огромное красное знамя с белым королевским орлом, которое, намокнув под дождем, походило больше на бесформенную тряпку на длинном древке. Рядом с гетманом ехал десяток наемных тевтонцев.

Каждый рыцарь привел с собой оруженосцев и слуг. Суровые и молчаливые в своих роскошных доспехах, тевтонцы выглядели, скорее, ожившими статуями, чем живыми людьми. За ними ехали три сотни рейтар, конных стрелков. Замыкала колонну пехота, рота королевских мушкетеров в сто двадцать человек, тащившие на плечах тяжелые мушкеты, и почти тысяча пеших бойцов, ландскнехтов и швейцарцев. В хвосте тащились телеги с припасами и три новехоньких пушки, любезно предоставленные князем Радзивиллом на благо теперешней военной кампании. Сам князь с основными силами остался в Пинске, дожидаясь вестей от гетмана.

Итого в распоряжении у гетмана была не слишком многочисленная по теперешним меркам, но хорошо обученная и сильная армия. В чистом поле, против видимого врага, она представляла бы собой грозную силу. Однако

здесь, в этих мерзких болотах, не стоила почти ничего, когда враг не видим, а под каждым кустом и за каждым деревом может прятаться вонючий крестьянин с самопалом или арбалетом. Это была далеко не первая подобная кампания у Гетмана, и он прекрасно знал, что хорошо организованные крестьянские армии могут представлять собой непобедимую силу, особенно когда в их главе стоят мятежные князья. Такие восстания нужно топить в крови еще в зародыше, что и собирался сделать гетман.

Спереди раздался стук копыт по грязи: возвращались разведчики из дозора. И действительно, через мгновение показались пятеро всадников из местных татар. Татары жили в этих краях еще со времен правления великого князя Витовта, который заключил союз с опальным золотоордынским ханом Тохтамышем. Союз этот, однако, вылился в резню на Ворскле, но татары остались здесь жить до сегодняшних дней. Карим, лидер разведчиков и единственный, кто мог сносно говорить по-польски или по-литовски, обратился к гетману.

— Впереди лагерь, пан гетман, — сказал он. Его конь ржал и танцевал под ним, будто чего-то испугавшись, — там стоит разрушенная башня, вокруг частокол, рвы и телеги. В лагере люди, несколько тысяч. Знамен нет.

Остальные четверо разведчиков согласно закивали, наверняка, даже не поняв, что сказал их главный. Гетман молча выслушал и мотнул головой. Услышав новости, колонна оживилась: люди устали брести по грязным дорогам через леса и болота и сейчас находились в радостном предвкушении предстоящей битвы. Через некоторое время отряд вышел на обширное поле, прекрасно подходящее для сражения. Густой лес здесь заканчивался, поле плавно уходило вниз. Туда, где стояла полуразрушенная каменная башня. Вокруг нее расположился военный лагерь, окруженный прочным частоколом и гуляй-городом из телег и повозок, снаряженных огромными щитами с проделанными в них бойницами для стрелков и копейщиков. Даже был выкопан ров, стенки которого щетинились заостренными колями.

Все это гетман рассмотрел в подзорную трубу, прекрасную и незаменимую вещь для его ослабевшего зрения. Труба это была его трофеем, который он нашел в вещах убитого им шведского рыцаря в одном из северных походов.

Заметив приближающееся войско, в лагере закопошились люди. Они бежали с оружием в руках, занимая позиции возле телег и щитов. Из лагеря они не выйдут, поэтому придется брать его штурмом. Гетман спокойно и хладнокровно раздал приказы своим людям. Армия выстроилась на поляне широким полумесяцем, пехота и стрелки — в центре, кавалерия на флангах. Валк, как мог, размотал королевское знамя, но толку было мало, все равно оно висело на древке мокрым бесформенным куском материи. Куда лучше смотрелся штандарт литовского князя, воткнутый в землю возле самых копыт гетманского коня.

— Скорее всего, ими командует Вольский, — сказал гетман своему оруженосцу, — если так, то это большая удача. Мы закуем его в цепи и доставим в Варшаву. Его четвертуют, а я лично отправлю его мерзкую голову в Витебск либо Могилев: еще не решил, где она будет смотреться лучше. Для урока местным князьям. Я пообещал королю, что отучу их бунтовать!

Уже почти сто лет, как эти земли находились под властью короля, но до сих пор стычки не прекращались. Местные православные князья считали себя угнетенными и поднимали мятежи чуть ли не каждый год. Это выливалось в кровопролитные столкновения и междоусобицы, которым не было конца. Это ослабляло некогда мощную державу, являясь огромной угрозой, поскольку мятежники часто шли на союз с внешними врагами, чаще всего с Москвой. А тамошние цари уже давно с вожделением смотрят на эти земли. Даже местный люд все чаще стал называть себя «белорусами», таякая об этом на своем собачьем языке.

Вперед выкатились три тяжелых пушки и дружно громыкнули, послав на вражеский лагерь чугунные ядра. Даже привычные к стрельбе боевые кони испуганно заржали, люди, наоборот, закричали от радости, когда пушки сделали еще несколько залпов, пробивая бреши в укреплениях лагеря и сея смерть и панику в рядах неприятеля. Гетман махнул рукой — войска двинулись.

Впереди, выстроившись ровным красивым квадратом — любо-дорого смотреть — ехали три сотни рейтар, держа наготове взведенные пистолеты. По обе стороны от них шла пехота, справа — ландскнехты, слева — швейцарцы. И те и другие пылали взаимной ненавистью. В сражении их нужно было держать на разных участках, дабы в горячке боя они не начали резать друг друга.

Ландскнехты наступали широкой толпой, выкрикивая по-немецки ругательства в сторону врагов. В своих ярких пестрых нарядах, широких шляпах с перьями и бантами, они напоминали циркачей. Но в бою это были свирепые бойцы, дисциплинированные и грозные солдаты. Они крутили над головами устрашающего вида двуручные мечи, за ними шли мальчишки, стуча в барабаны и играя на дудках. Самые опытные и отчаянные бойцы держали в руках фламберги — длинные мечи с волнистыми лезвиями, способные разрубать самые прочные доспехи, оставляя страшные незаживающие раны. Швейцарцы шли молча, построившись в ровные шеренги. На них были знаменитые двухцветные одежды, железные шлемы и нагрудники. Их строй ошетинился длинными пиками и тяжелыми алебардами. Вслед за пехотой медленно наступали кавалеристы, кирасиры и гусары, а также тевтонские рыцари. При штурме конница будет ждать момента, чтобы сделать окончательный и сокрушительный удар. Пушкари и пешие мушкетеры остались на своих позициях. Пушки продолжали стрелять, ядра со свистом проносились над головами наступающих.

Рейтары перешли в галоп. Приблизившись к вражеским укреплениям, они начали стрелять. Первые ряды всадников, выстрелив по врагу, прятались за спины своих товарищей, перезаряжая пистолеты. Затем стреляла следующая линия, повторяя маневр. Так создавалась непрерывная стена огня. Всадники действовали слаженно и организованно. Осажденные не отвечали. Видимо, у них не было стрелков. Гетман наблюдал в трубу, как перепуганные крестьяне разбегаются, пытаясь спастись от меткого огня рейтар. Возле лагерных укреплений скопилось уже приличное количество мертвых тел. Отстреляв свой боезапас, рейтары повернули лошадей назад, за спины наступающей пехоте.

Теперь настало время рукопашной. Ландскнехты и швейцарцы ринулись в атаку. Они без труда преодолели ров и бросились на защитников лагеря. До Гетмана долетали звуки битвы, звон клинков, крики и ругань. Атакующие быстро смяли оборону противника. Отогнав крестьян от укреплений, стали раздвигать соединенные между собой телеги. Затем обрушили стены частокола, перекинув бревна через ров и настелив на них щиты с телег, сделали импровизированный мост. Один из офицеров — ландскнехтов, взобравшись повыше, стал махать красным флажком на высоком древке. Гетман увидел это в свою подзорную трубу и дал сигнал к кавалерийской атаке.

Загудели трубы, железная лавина всадников ринулась в образовавшуюся брешь. Кирасиры, обнажив кавалерийские сабли и тяжелые палаши, скакали в авангарде, выстроившись клином. Десяток бронированных тевтонцев составляли острие этого клина, прикрывшись щитами и выставив вперед длинные смертоносные пики. По флангам их прикрывали гусары.

Гетман видел, как защитники попытались построить стену из копий, но их было уже или слишком мало, или им не хватило мужества и дисциплины. Конница на полном скаку врुбилась во вражеские ряды, сея хаос, панику и смерть. В лагере началась резня. Битва закончилась быстро. Гетман удовлетворенно улыбнулся и сложил подзорную трубу. Он обернулся к своему оруженосцу.

— Пойдем, Валк, — с улыбкой сказал он парню, — настало время победителей. Сейчас я покажу тебе, как с достоинством нужно принимать свой триумф.

Ему нравился этот мальчишка. Своих детей у гетмана не было и он относился к Валку, как к сыну. Оруженосец был умным, внимательным, в меру молчаливым и бесстрашным юношей. Гетман видел в нем большое будущее. Он может стать великим рыцарем и прославленным полководцем.

— Конечно, нынешняя охота за чернью не очень похожа на что-то действительно серьезное, — продолжал Гетман, — но потерпи, мальчик мой. Ты только учишься. Я участвовал в действительно великих сражениях и громил достойных врагов. Герцога Мальброкского, хана Тимрея, Сулеймана-Пашу,

московских воевод Шуйского и Родионова... Андрея Сеченского...

Он смущенно замолчал. Снова на ум ему пришел Сеченский, мятежный князь, объявивший себя королем. Вот как раз победой над ним гетман ни сколько не гордился.

Когда они медленной рысью приблизились к покоренному лагерю, битва уже закончилась. Ландскнехты добивали раненых и выискивали у мертвецов что-либо ценное. Недаром они славились по всей Европе как грабители и мародеры. Гетман не видел в этом ничего плохого — каждый имеет право на трофеи. Преодолев ров по мосту из бревен и щитов, они въехали в лагерь. Перед ними открылась картина бойни. Землю усеяли изувеченные мертвые тела. Грязь под копытами коней стала темно красной, в воздухе витал так хорошо знакомый гетману сладковатый аромат смерти. Победители оживленно переговаривались и радостно кричали, вскидывая вверх оружие, приветствуя своего командующего.

В центре лагеря столпилась горстка выживших защитников. Дюжина человек — не больше. Все — грязные бородатые деревенские мужики, одетые в изодранные лохмотья, с ног до головы покрытые кровью и грязью. Они обреченно смотрели в землю под ногами.

— Ну, что, холопы, — весело обратился к ним гетман, — добились свободы? Просите пощады!

Ни один из мужиков даже не шелохнулся.

— Гордые... Ну, хорошо.

Возле самой каменной башни рос большой раскидистый дуб. Гетман кивнул на него, обращаясь к своим солдатам.

— А что, ребята! Покажем черни их место? Вон на том дубу, так? Аль я не прав?

— Прав! Прав! — послышалось отовсюду.

Спешившиеся кирасиры схватили мужиков и поволокли их к дереву. За ними бежали швейцарцы, разматывая непонятно откуда взявшиеся веревки. Мужики не кричали и не сопротивлялись, наоборот, покорно тащились за своими убийцами. Как будто они сами хотели поскорее умереть. Вот это выдержка, похвалил их про себя гетман, дай Бог мне так достойно держаться перед лицом смерти. Вскоре все пленники повисли на суках дуба, украшая дерево своими телами, как жуткую рождественскую ель. Увидав эту картину, солдаты одобрительно захохотали, даже суровые тевтонцы заулыбались.

Вдруг ряды пеших расступились, и из толпы на своих лошадях выступили пятеро разведчиков-татар. Они тоже участвовали в битве, под драными халатами носили кольчуги, в руках сжимали окровавленные кривые татарские сабли. Карим тащил на аркане еще одного пленника. Увидев его, гетман заулыбался.

— Так-так, — приветственно сказал он, — неужто это мой старый знакомец,

Ольгерд Вольский? Профессиональный бунтовщик и наемник...

— Не путай меня со своими головорезами, — ответил пленник, — они дерутся за твое золото. Я же, с недавних пор, — за идею.

Сказав это, Вольский улыбнулся. Улыбка была кровожадная и мерзкая, показывала выбитые зубы. И вообще, глядя на этого человека, гетман невольно задавался вопросом: как он еще жив? Вольский сильно хромал и был заметно горбат, и тело его, и лицо покрывали уродливые шрамы. На месте левого глаза зияла дыра, заросшая покрытой рубцами кожей.

— И давно ты стал идейным? — спросил гетман. — Раньше ты воевал за того, кто даст больше.

— Это раньше, все так. Но теперь я служу тому, кого искал всю свою жизнь. Истинному королю.

— Еще один самозванный король? Знали мы таких не раз. Да только все они уже давно в могиле, и не без моей помощи.

— О да, гетман. Ты цепной пес королевства, это знают все. Но мой король другой. Скоро ты с ним познакомишься. Когда он придет сюда со своим великим войском.

Гетман нахмурился. Вольский был ценным пленником, а значит тот, кто за ним стоит, обязательно захочет его отбить. Он наклонился к Валку и прошептал:

— Отправляй голубя в Пинск. Пусть Радзивилл идет к нам со всеми своими силами.

Валк кивнул и удалился исполнять. Гетман еще раз порадовался за своего оруженосца. Какой же толковый парень. Он снова обратился к Вольскому:

— О каком войске ты говоришь? Вот все твое войско, — он обвел руками лагерь, — кто-то лежит под копытами наших коней, а кто-то уже висит на суку, сам видишь!

— Э нет, гетман. Им еще только предстоит встать в наши ряды. С каждой битвой наша армия только множится, скоро мы вас будем грабить и убивать, и ничего нам за это не будет!

Он выкрикнул это с вызовом и угрозой, как будто не он, а кто-то другой стоял сейчас связанный и поверженный среди врагов. «Да он полоумный!» — сделал вывод гетман. Говорить с ним не о чем. Пленника связали и бросили в башню, где сохранился сырой, темный, заваленный землей склеп.

Следующие часы гетман провел, раздавая приказы. Вернуться до темноты в Пинск они уже не успеют, обратная дорога будет еще тяжелее для воинов, измотанных долгим переходом сюда и последовавшей битвой. Придется укрепить лагерь и ждать, когда подойдет Радзивилл со своим войском.

Если этого не случится ночью, утром они выйдут ему навстречу. К вечеру закончился дождь и на землю опустился густой непроницаемый болотный

туман, который подсвечивала луна, показавшаяся из-за туч. Солдаты восставили частокол, очистили ров и снова скрепили между собой телеги, установив на них щиты с бойницами, возле которых теперь посменно дежурили мушкетеры и копейщики. Там же стояли пушки. В лагере развернулись шатры, горели костры, слышались разговоры и смех. Лагерь неприступен, гетман был в этом уверен. Трупы погибших защитников свалили в кучу за пределами лагеря и сожгли, облив маслом. Даже сейчас они еще тлели, разнося тошнотворный запах гари. Повешенные пленники остались висеть на сучьях дуба. В назидание местной черни, думал гетман.

К поздней ночи его сморила усталость. Оруженосец Валк приготовил для него комнату на верхнем этаже каменной башни. Комната была маленькая, холодная и сырая, как монашеская келья, с крохотным окошком. Постель ему сегодня заменит брошенная прямо на каменный пол солома. Гетману было все равно: большую часть жизни он провел в военных походах и часто засыпал в грязи, снегу и даже на поле боя, среди раненых и убитых.

— Мужчина не должен привыкать к роскоши, — наставлял он оруженосца, — комфорт убивает в нем воина, делает добрым и ленивым. Настоящий рыцарь перед битвой должен быть голодным и злым. А к битве нужно быть готовым всегда.

Перед сном он заглянул в склеп к пленнику. Дуб, на котором повесили пленников, низко опустил свои ветви у входа в башню. Один из мертвецов загораживал проход. Отодвинув труп и осветив себе факелом путь, гетман увидел Вольского — тот сидел на земляном полу, прикованный за шею короткой цепью к колу, вбитому в стену. На ноги ему набили деревянные колодки, встать без посторонней помощи пленник не мог.

— Никак пан гетман решил побеспокоиться о моем здоровье? — с улыбкой спросил Вольский, щурясь от яркого света.

— Ты нужен мне живым. В Варшаве предстанешь перед королевским судом.

— А почему же только в Варшаве? А в Вильно? В Витебске? В каждом городе королевства дают солидную сумму за мою голову. Даже святые отцы от Рима до Москвы не прочь со мной побеседовать. В компании палача, разумеется...

— С какой это стати? Ты, никак, заделался иконоборцем? Али гугенотом?

— Святая церковь на западе и востоке предала меня анафеме. Римский Папа и московский Патриарх в один голос называют меня еретиком и дьяволопоклонником. Уж тут-то их мнения сходятся. Но мне на них плевать, я обратился в новую религию...

— Неужто подался к татарам?

— Э, нет. Я молюсь своему богу, самому справедливому. Он не забывает никого из своих детей, приходит ко всем. Имя ему — смерть.

Гетман сплюнул под ноги.

— Ты и впрямь еретик. Я помню тебя молодым...

— А помнишь Сеченского, гетман? — прервал его Вольский. — Тогда мы с тобой были на одной стороне. Помнишь, как его казнили? Как он проклял нас всех, обещая вернуться? Тогда я не обратил внимания на его слова. Я был молод, красив, я был отважным благородным рыцарем, блистал на балах и турнирах. Юные девы истекали соками, мечтая о моих ласках. А потом я попал в наемники. Я воевал за того, кто больше даст. Меня ранили десятки раз.

Каждый оставлял на моем теле отметину: немецкие рыцари, бунтующие холопы, королевские солдаты, янычары и башибузуки, ратники московского царя, казаки и татары. Подо мной однажды убили коня, он рухнул и сломал мне ногу, с тех пор я хромаю. Один мадьярский рыцарь выбил меня из седла, сломав мне спину, с тех пор я горбат. Но я все еще жив. Я бывал во многих застенках, там я молил о смерти. В Варшаве меня пытали водой, в Вильно каленым железом, в Бранденбурге поднимали на дыбу, в Москве рвали ногти. Палач в Данциге выжег мне глаз раскаленным кинжалом. Рядом стоял священник—инквизитор и молился за мою бессмертную душу. Но я жив. Зачем, спрашивал я себя. Зачем я живу?..

Гетман слушал молча. Вольский сидел неподвижно, запрокинув голову назад. В тусклом свете факела он был мало похож на человека.

— Помнишь Сеченского, гетман? — снова спросил он. — Он-то нас всех хорошо запомнил. Всех, кто стоял тогда на поле возле его эшафота. Я только недавно это понял, когда присягнул своему королю. Ты тоже скоро будешь с ним, никто не может ему противиться...

— Ты ополоумел, — ответил гетман. — Ты встретишь свою смерть на плахе или на костре. Это я тебе обещаю. Тогда ты пожалеешь, что до сих пор оставался жив.

Оставив пленника, гетман поднялся к себе. Валк подал ему скудный ужин, который приготовил на костре, разведя его прямо на каменном полу комнаты. Они быстро поели, гетман завалился спать. Ему снился качающийся на веревке мертвец. На плече его сидел огромный черный ворон и клевал его в глаза. На их месте зияли рваные кровавые дыры. Мертвец улыбался.

Гетман проснулся в холодном поту от того, что кто-то тряс его за плечо. Рядом стоял Валк, его верный оруженосец.

— Беда, гетман, лагерь вот-вот возьмут!

— Почему заранее не разбудил?!

Он вскочил и потянулся к оружию.

— Это началось внезапно, они будто из-под земли явились!

Гетман застегнул пояс с мечом и бросился к окну, откуда раздавались крики, выстрелы и звон клинков. Лагерь горел. Повсюду метались фигурки

вооруженных людей, испуганно ржали лошади. Шатры и знамена пылали. Враг был внутри лагеря.

— Это местные мятежники! Они знают проходы в болотах и лесах. Хотя бы отбить Вольского.

Гетман побежал вниз по каменным ступеням. Валк следовал за ним, сжимая в руке саблю. На лестнице сидел татарин Карим. Сидел неподвижно и бормотал что-то на своем басурманском языке. Гетман попытался его растряссти, но тот никак не реагировал. В глазах татарина пылал ужас, гетман мог поклясться, что Карим молится. Оставив разведчика на месте, покинули башню. Ветки растущего возле входа дуба хватали за одежду. Выпутавшись, гетман оглядел пылающий лагерь. Валк что-то кричал ему в спину, но он не мог разобрать что.

— К оружию, братцы!!! — закричал гетман во всю мощь, — все ко мне! К башне! Пикинеры — в стенку! Кирасиры — по коням, обойдем их вокруг и ударим в тыл.

Никто его не послушал. Солдаты метались вокруг, как безумные, крича что-то каждый на своем языке, напоминая гетману стадо перепуганных овец. Валк вопил, оставшись где-то позади, у входа в башню. Гетман не мог разобрать, кто же на них напал. Лагерь был ярко освещен пожаром, но врагов он рассмотреть не мог. Мелькали только какие-то тени, которых будто и сам огонь боялся.

Одно было ясно — враг уже внутри. Не спасли ни ров, ни прочный частокол, ни огневая мощь мушкетов и княжеских пушек. Гетман видел своих солдат и не мог поверить, что совсем недавно считал их лучшими бойцами во всем королевстве. Они даже не пытались сражаться. Они спасали свои жизни. Но смерть косила их нещадно. Перед гетманом предстала картина бойни. Изуродованные тела, пронзенные мечами и стрелами. Частокол пик с насаженными на них головами.

— Что ж вы, братцы? — гетман был готов зарыдать от отчаяния и осознания своей беспомощности, своего разгрома. Про себя он тихо добавил:

— Кто вас убивает?

К нему подковылял раненый ландскнехт. Он тяжело опирался одной рукой на грозный двуручный меч, в другой сжимал короткий клинок—кошкодер. Он приблизился к гетману и с суеверным ужасом произнес по-немецки с сильным саксонским акцентом:

— Дас... тотен...

В следующее мгновение возле раненого ландскнехта возник темный силуэт. Он сделал быстрое движение, голова немца отделилась от тела и с тихим стуком упала на землю. Из раны хлынула кровь, несколько капель попали на

гетмана. Обезглавленное тело рухнуло. Убийца приблизился к гетману, в руке он сжимал длинный клинок, с кончика капала кровь. Гетман стоял лицом к огню и не мог толком рассмотреть нападающего, на него надвигалась сплошная темная фигура, от которой, однако, воняло так, что кружилась голова и подкашивались колени. Гетман отступил на шаг и выхватил меч из ножен, заняв позицию.

— Я мог бы биться с тобой с закрытыми глазами, по запаху, — крикнул он нападающему, — от тебя смердит так, будто ты родился в свинарнике!

Однако воняло от противника совсем не свиньями. Это был запах, хорошо знакомый гетману, запах сражения, битвы и смерти. Такой смрад стоит над полем боя, когда хоронят погибших воинов. Противник не ответил: он быстро подошел еще ближе и занес меч для удара.

— Гетмана не трогать!!! — раздался за спиной знакомый голос, — Он должен дать присягу королю!

Гетман обернулся на крик и увидел Вольского — его уже освободили его сообщники. Теперь он стоял возле входа в башню, сжимая в руке меч. Он стоял гордо и прямо, насколько позволяла сломанная когда-то спина. Рядом с ним метался оруженосец Валк. Мальчишка запутался в низких ветвях дуба и кричал что-то невразумительное. На мгновение гетману почудилась безумная вещь: что это один из висельников вцепился в его оруженосца мертвой хваткой и не отпускает. Валк снова попытался вырваться, тогда Вольский метнулся к нему и пронзил парня насквозь одним мощным ударом меча в живот. Валк, наконец, выпутался из ветвей дуба и замертво рухнул на землю.

Гетман закричал и бросился на Вольского с мечом. Тот без труда парировал его удары. Несмотря на свою хромоту и многочисленные увечья, Вольский был превосходным бойцом. Он двигался ловко, грациозно и почти бесшумно, как лесной кот, чего трудно было от него ожидать. Зато в свирепости он не уступал разъяренному зубру или медведю-шатуну. Его удары были мощными и точными, атаки яростными и стремительными. Гетман только и успевал защищаться. Вольский теснил его от башни, вел туда, куда хотел. Только сейчас гетман по-настоящему почувствовал, насколько он стар. Краем глаза он отметил, что битва в лагере уже закончена. Гетманское войско разгромлено и перебито, теперь черные зловонные силуэты победителей обступили дерущихся плотным кольцом, безмолвно наблюдая за поединком. Кое-где еще в ужасе скулили раненые, но их быстро добили, прекратив мучения. Теперь зловещая ночная тишина нарушалась только звоном двух мечей и усталым, сбивающимся дыханием гетмана. Его противник даже не запыхался и будто вовсе не прилагал никаких усилий.

Подпрыгнув, Вольский совершил великолепный пируэт. Его меч описал

красивую дугу и мощным ударом выбил клинок из ослабевших рук гетмана. Следующим приемом он подрезал противнику ногу, не сильно, но чувствительно. Гетман вскрикнул и рухнул на колени. Он закрыл глаза и прошептал про себя молитву. Что ж, прекрасная смерть, достойная рыцаря и воина.

— Я обещал тебе встречу с истинным королем, — услышал он над собой голос Вольского, — но сначала необходимо пройти церемонию. Ведь вы, рыцари, так любите красивые обряды.

Гетман открыл глаза. Теперь лагерь был освещен мертвенным неземным светом, благодаря которому он смог рассмотреть нападавших. Это была армия мертвецов.

Тесной толпой стояли они вокруг в ржавых доспехах, обратив на него пустые глазницы. Некоторые слизывали со своих выщербленных клинков еще горячую человеческую кровь. Тысячи сгнивших истлевших лиц — непобедимая бессмертная армия.

— Лучшие воины, которых знала эта земля, — прочитал Вольский его мысли, — восстали по зову своего короля. Над ними не властно время, не знают они иных богов, кроме всемилостивой смерти — ни Христа католического, ни православного, ни иного, ни Аллаха, ни Иеговы. Вставай, брат, сейчас ты вступишь в ряды самых прославленных рыцарей.

Вольский осторожно помог подняться раненому гетману. Тот посмотрел на каменную башню. Мертвецы, повешенные на дубу, шевелились. Они дергали руками, сталкивались и раскачивались на своих веревках, как будто играя.

Вольский повел гетмана вглубь толпы. Мертвецы почтительно расступались перед ними, некоторые даже неуклюже кланялись, над головами их реяли изодранные полотнища прохудившихся знамен. От них смердело гнилью, разложением и болезнями. Проржавевшие доспехи стучали друг о друга, рваные кольчуги открывали гниющую плоть.

Вольский вывел хромающего гетмана на небольшой круг свободной земли, образованный стоящими мертвецами. В центре круга вкопали огромный деревянный крест, в два человеческих роста высотой. На кресте висел распятый голый мертвец: из разорванного живота торчали мерзкие веревки кишок. Мертвеца обезглавили, а к его телу пришили огромную козлиную голову.

Кто-то в черном монашеском одеянии стоял спиной к гетману и обмывал распятому ноги зловонной жидкостью из стоящего на земле ушата. Мертвец на кресте шевелился, козлиная голова смотрела на гетмана. Ее глаза моргали.

Монах повернулся к подошедшим. У него не было нижней челюсти, вниз свисал длинный почерневший язык. Лоб и щеки покрывали темные чумные волдыри, которые пульсировали и лопались, истекая белесым гноем. Из темноты послышался стук копыт. От этого звука у гетмана все внутри похолодело,

он закричал.

— Тише, — прошептал ему на ухо Вольский. — Король едет... На колени!

Гетман покорно опустил на землю. Ему было уже все равно. Перед ним возник всадник, оседлавший огромного разлагающегося коня. Мертвое животное грозно фыркало и било копытами. Из конского брюха вываливались внутренности, это был почти голый конский скелет, покрытый остатками гниющей плоти. Всадник с головы до ног был закован в темную, тронутую ржавчиной броню. Шлем с массивным решетчатым забралом украшали длинные потрепанные перья. На плече всадника восседал огромный черный ворон, пронзительно каркавший. Этим рыцарем мог быть только Андрей Сеченский, гетман в этом не сомневался. Самозванный король сдержал обещание, и теперь все будут ему служить. Шею рыцаря поверх доспехов стягивала петля истлевшей веревки, конец которой свисал на широкий нагрудник.

В костлявой руке мертвеца-монаха появился длинный кривой нож. Он срезал с ноги распятого на кресте мертвеца круглый лоскут сгнившей кожи, распятый дернулся, козлиная голова с интересом наблюдала за происходящим. Монах подошел к коленопреклонному гетману, держа обрезок на вытянутой руке.

— Открой рот, — шепнул Вольский, — это плоть Господа твоего.

Гетман повиновался. Монах сунул кусок ему в рот. У гетмана перехватило дыхание. Он согнулся, и его вырвало. Монах поднял руку к лицу и раздавил несколько чумных волдырей, гной брызнул фонтаном. Этой слизью он начертил на лбу гетмана крест.

Сеченский спешил и подошел к гетману, с тихим шорохом вынув из ножен свой знаменитый клинок. Древний варяжский меч, принадлежавший когда-то Всеславу Полоцкому, оборотню и колдуну. Сталь опасно блеснула в лунном свете. Забрало шлема поднялось, гетман увидел то, что всегда видел в своих кошмарах. Лицо мертвеца. Синюшное и раздувшееся. Щеки и губы сгнили, обнажая кривые черные зубы, застывшие в вечной ухмылке. Вместо глазниц — рваные, кривые, сочащиеся гноем раны. Однако за ними жило что-то великое и могущественное, гетман видел это, теперь он жаждал этому служить. Ворон на плече рыцаря радостно каркнул и вцепился клювом в гниющую плоть на лице мертвеца, вырывая куски. Рыцарь опустил на плечо гетмана лезвие своего меча. Даже сквозь одежду тот чувствовал его холод и тяжесть.

— Теперь ты помазанный рыцарь! — радостно воскликнул Вольский, — Слуга и защитник истинной веры!

Из тьмы появились еще двое мертвецов. Оба — разодетые в яркие рваные костюмы и скоморошьи колпаки с бубенцами. Один тащил перед собой на ремне огромный барабан, сжимая в руках две тяжелые кости. У другого под мыш-

кой была волынка, он держал ее мундштук в порванных губах и раздувал мех. Они заиграли протяжную зловещую мелодию. Стоящие вокруг мертвецы начали приплясывать в такт. Мертвый рыцарь стянул с руки латную перчатку и протянул ее гетману ладонью вниз.

— Целуй ручку королю! — приказал Вольский. — Клянись в верности!

Гетман коснулся губами мертвой руки короля и поднял гла-

за... И не оторвал взгляда от изорванных глазниц, даже когда между лопаток вонзился чей-то холодный меч. Мертвые воины подняли вверх оружие и зловеще пронзительно завывали. Козлиная голова, пришитая к распятому телу, открыла рот и громко заблеяла...

С тех пор шествует по этим землям непобедимое войско. Армия под рваными знаменами. Ратники в ржавых доспехах. С каждой битвой ее численность только множится. Не знают они ни страха, ни пощады. Сокрушают они любую армию и любую церковь. Падают под их стопой империи и королевства. Покрываются тленом золотые короны и монашеские рясы. Рано или поздно преклоняется пред ними любой кесарь, рыцарь и простолюдин, ибо исповедуют они единственную праведную веру и молятся единственному справедливому Богу — Смерти. Несут они перед собой голод и чуму. А во главе доблестной армии скачет на мертвом коне великий и непобедимый король. Король—висельник.

СОЛНЫШКО
ОТВЕДЕТ
БЕДУ

СЕРГЕЙ ЕМЕЦ

Автор о себе: «Мне тридцать лет. По образованию инженер-программист, работаю системным администратором, иногда немножко музыкантом и сценаристом. Пишу с двадцати двух лет, имеется ряд публикаций (Журнал „Порог“, „Фантаскоп“, альманахи „Махаон“ и „Полдень XXI Век“, сборник „Русский фантастический“ издательства „АСТ“»).

На рассвете мальчик вышел из леса.

Сел в брошенную кем-то на дороге машину, — дверь ее была открыта. Закрыв дверь; звук увяз в тишине салона. Потом показалось — что-то мешает, стесняет движения. Задумался. Понял, что мешает рваная куртка и неловко освободился от нее.

На переднем пассажирском сидении лежала банка арахиса. Заметив ее, мальчик набросился на жестянку, сорвал крышку, порезав пальцы, начал запихивать пригоршнями в рот соленые орехи, давясь и почти не прожевывая.

Боль в груди притихла, но сделалась рваной, тошнотворной. Кровь с пальцев капала на колени. Мальчик с трудом проглотил арахис, нахмурился, вспоминая, что делать дальше. Он протянул руку, пытаясь нащупать ключи в замке зажигания. Вместо этого наткнулся на кнопку стартера. Несколько минут внимательно смотрел на нее, а потом зло рассмеялся. И смеялся, пока не потекли слезы.

Он вытер их изрезанными пальцами, оставив на щеках кроваво-грязные разводы.

Потом он сообразил, где находится навигатор, включил его. Разобраться с интерфейсом тоже удалось быстро. Достал из кармана шортov клочок бумаги, развернул и заторможено взгляделся в написанное там название.

С пятой или шестой попытки он верно ввел данные; навигатор нарисовал маршрут. До места назначения было всего девять километров. Мальчик вспомнил, что скорость пешехода равна четырем километрам в час, — дойти можно за несколько часов, если бы он был способен идти. Все, что могло болеть, болело и ныло.

Мальчику стало обидно. Он зажал ладони в коленках.

Нет, только не сейчас, нельзя сдаваться. После леса, после всего.

Девять километров. Почти по прямой, а там поворот, но можно остановиться,

пройтись. Всего ничего.

— Из положения Р надо перевести ручку в положение D, выжав тормоз, — внятно сказал он, вспоминая. — Чтобы остановиться, надо нажать тормоз. Чтобы ехать дальше — отпустить. Ехать быстрее — педаль... Ехать...

Пару минут он тупо смотрел на руль.

— Ехать, — решительно кивнул он и поглядел на пустое пассажирское сиденье рядом. — Да?

Словно дождавшись одобрения, он снова кивнул, коснулся царапин на голом животе. Вцепился в руль. Ноги не доставали до педалей; он привстал. Чтобы руль не загораживал обзор, пришлось вытянуть шею.

— Выжать тормоз, — он сглотнул. — Тормоз слева. В положение... Да пошел ты, Ромка, я все помню. Не ори... Не ори на меня.

Он стукнул кулачком по магнитоле. Защелкали диски, потом заиграла идиотская музыка.

Мальчик выкрутил громкость почти до упора.

Он плакал.

Дядя Саша протянул ему кусок мяса. Димка помотал головой.

Ромка лежал поодаль. Димка не смотрел в ту сторону.

Глаза слезились. По спине холодными мурашками бежал страх.

— Ты не бойся, — сказал дядя Саша.

Димка кивнул. Он хотел не бояться.

— Он нестрашный.

Дядя Саша улыбнулся. В свете костра его улыбка была настолько жуткой, что Димка спрятал лицо в коленки. Ночь с каждой секундой становилась все более невыносимой. Скорее бы утро, безмолвно плакал Димка. Скорее бы утро. Серое небо уже не страшное, красно солнышко отведет беду. Трещал костер, выл ветер. Димка прислушивался — ему казалось, что он слышит, как дышит Ромка.

К горлу подкатила тошнота.

Я справлюсь, — подумал он. И его тут же вырвало.

— Хорошо, — одобрил дядя Саша. — Желудок умнее головы. Его хоть тошнит иногда.

— Воды... можно? — спросил Димка и сам себя не услышал.

Дядя Саша услышал.

— Нельзя.

— Вы и меня?..

— Посмотрим, — добродушно сказал дядя Саша, откусив мясо. — Ты пока ты, в тебе их нет.

Димке подумалось, что дядя Саша ест Ромку.

Это было не так, но его снова вырвало. Он посмотрел туда, где лежал Ромка. Я нестрашный, — как будто говорил он, не двигаясь, лежа с открытым ртом. Из горла Димки вырвался скулящий писк.

Размазав по лицу слезы, мальчишка всхлипнул и посмотрел вверх. Небо было серым.

— Еще чуть-чуть и пойдем, как рассветет, — пообещал дядя Саша; его глаза странно блестели. — Красно солнышко отведет беду. Они солнышка не любят, боятся. И меня боятся.

Димка тоже его боялся. Сильнее всего сейчас он боялся дяди Саши и нестрашного Ромку.

— Он-то, Ромочка, рядом сейчас. Жалко его тут бросать. Сожрут они его, сожрут. Ну, чего молчишь?

— Похоронить... надо, — прошептал Димка.

Он не хотел хоронить Ромку. Он хотел убежать.

Но в лесу были Пустые. Было темно. Здесь хотя бы костер.

— Надо, надо, — недовольно отмахнулся дядя Саша, ударил по своей тени бухом топора. Димка помнил: это для того, чтобы Пустых отгонять. — Ты молчи, я не тебе. Ромочка, что молчишь?

Димка посмотрел на Ромку. Тот лежал с открытым ртом. Он кричит, урод, сволочь ты, он кричит, — хотелось заорать Димке. Но он сидел, уткнувшись носом в коленки, и только всхлипывал.

В лесу раздался хлопок, затем пьяный смех, издевательский вой.

Димка накрылся курткой.

— Совсем плохо, — сказал дядя Саша. Димке показалось, что он плачет. — Ромочка, отгони их. Помоги. До рассвета дотянем, похороним. Ты не серчай, что убил. Я не тебя убивал, их. Дима. Дима, вылезай из-под куртки, я твои глаза должен видеть.

Это Димка тоже помнил. По глазам дядя Саша знает, — выпили тебя Пустые или нет.

Но сбрасывать куртку ему не хотелось. Он выглянул, закутался.

— Вон он, Димка, — дядя Саша показал куда-то в темноту леса.

Димка быстро глянул туда.

Из темноты на него внимательно смотрели чьи-то глаза.

Димка зажмурился и прижался лицом к коленкам.

— Бойтся. А чего бояться? Не волнуйся, я Димку им не отдам. Тебя не отдал, глупыш, и его не отдам. Мы до озера дошли, жаль, что ты умер, дальше-то

легче, легче. Ты зря такой смурной... Димка вон, видишь, тебя боится. Серое небо, заступник лес да святой огонь, солнышко приведи, отведи беду, серое небо, заступник лес да святой огонь...

Бормотание дяди Саши стало трудноразличимым. Димка всхлипнул. Вокруг, в темноте за костром, светились десятки глаз — таких же, как у того, что дядя Саша назвал Ромкой. Димка уже не мог бояться сильнее, он просто смотрел на них и молча всхлипывал.

А потом они исчезли. Дядя Саша накрыл Ромку покрывалом, и Ромки не стало. Те бугорки под одеялом могли быть чем угодно, — корнями, поленом, рюкзаком. Это был не Ромка.

Его уже здесь не было.

Димка закрыл глаза. Ему хотелось умереть.

Он словно сквозь вату издали слышал: «Дима?», а потом его поглотило тупое красноватое небытие.

Вот бы не проснуться, — подумал он.

Проснулся он от холода. Ему показалось, что прошло несколько минут с момента, когда он заснул. Но встать удалось с трудом — все тело затекло.

В голове что-то шумело, глаза болели. Высохшие слезы неприятно стягивали лицо. Вокруг был туман. Рядом с тлеющими угольками сидя спал дядя Саша. Хорошо, подумал Димка. Это мне приснилось. Ромка живой. Вон он спит.

Он посмотрел на Ромку, накрытого одеялом, и все вспомнил.

Сегодня было не страшно.

Сегодня было очень больно. Как на третий день в лесу, когда Ромка с тоской сказал, глядя на огонь:

— Маму жалко.

Тогда Димка понял, как бывает по-настоящему больно.

Мальчик отвел взгляд от мертвого Ромки, отошел от лагеря, — утром Пустые не ходят, солнышко отведет беду, — добрался до оврага. Расстегнул шорты, приспустил их и начал справлять малую нужду. В утреннем полумраке оказалось, что руки у него очень грязные. Это из-за дров, — понял он.

Закончив, Димка застегнулся и, пошатываясь, пошел к озеру.

В воде плавали мелкие рыбешки. Когда мальчик коснулся воды пальцами, они бросились врассыпную, но потом вновь собрались в стаю и уплыли. Димка помыл руки, умылся. Под ногой что-то треснуло, — это он наступил на ветку. Испугавшись этого звука, Димка едва не упал в озеро, съехал ногой к

воде, но удержался.

Они были в лесу уже почти неделю. Из города уехали на машине. Дядя Саша учил их водить. Ромка быстро научился, а у Димки с этим не заладилось. Дядя Саша только вздыхал, но снова и снова терпеливо объяснял, что и как надо делать. Из положения Р надо перевести ручку в положение D, выжав педаль...

Потом машина сломалась. Пришлось пробираться через лес, — так было безопаснее, говорил дядя Саша. За эту неделю он стал издерганным и злым. И очень жестоким.

Вчера Димке хотелось, чтобы дядя Саша убил его, а не брата. Ромка почти не боялся, он был старше, смелый и сильный. А я боюсь, — думал Димка, — и без него перепугаюсь до смерти. Димка не понимал, куда делся тот — хороший и умный — дядя Саша. Может, он сам уже Пустой? Может, он их сюда завел, чтобы убить?

Хорошо, что сейчас утро. Днем можно идти. Днем не страшно. Лес когда-нибудь кончится. Но сегодня эта мысль не радовала. Сегодня было очень больно.

— Солнышко, солнышко, дай день, воды да хлеба... — шепотом начал он молитву, но слова застревали в горле. В футболке было холодно; Димка пожалел, что не взял куртку.

Возвращаться в лагерь не хотелось.

Там спит дядя Саша и мертвый Ромка.

Димка ненавидел и боялся.

Его начала бить дрожь. Глянув на дрожащие пальцы, он почувствовал, как внутри зарождается смех. Затем его стошнило какой-то слизью. Показалось, что он умирает. Это было одновременно и смешно, и страшно.

— Сол... солн-н-ныш... ко, да-дай...

Молитва не помогала.

Мальчик лег, обхватил себя дрожащими руками и посмотрел на небо.

Солнышко было скрыто тучами.

— Посмотри мне в глаза.

Димка покорно встретился взглядом с дядей Сашей. Тот кивнул.

— Хорошо. Еще одну ночь пережили.

— Долго еще?

— Еще чуть-чуть.

Еще одной ночи не выдержу. Димка вздрогнул.

Куртка, покрытая росой, не согревала.

— К озеру, значит, ходил?

— Ага.

Потом Димка упал, потому что дядя Саша врезал ему по лицу. На секунду мир стал красным, шум в голове усилился. Рот наполнился горячей кровью.

— Я тебе сколько раз говорил — без меня никуда не ходить?!

Димка молча поднялся.

— Я спрашиваю.

— Много.

— Не слышу!

— Много!

— Так куда ты поперся, сукин сын?

— Умыться.

— Ты сейчас кровью умоешься.

Что-то упало рядом с металлическим звуком. Еще до того, как Димка посмотрел в ту сторону, он понял. Нет, только не это. Я не смогу.

— Не надо...

— Ты предлагал его хоронить?

— Нет... Не...

Димка разревелся.

— Рой яму.

Он убьет меня, понял Димка. Сейчас я вырою яму, а он убьет меня. Сначала Ромку, а теперь меня. Лучше уж Пустые, чем он.

Димка взял лопату. Он ослаб, но нужен один—единственный удар по голове. Это убьет дядю Сашу. И все кончится.

А что потом? Вечером в лесу снова загорятся огоньки, в сумерках начнут тенями бродить Пустые, и они сожрут его. Димка понял, что выхода нет. Со всех сторон плохо. Он бросил лопату, закрыл лицо ладонями.

— Плакса. Девчонка.

Говори, что хочешь. Говори, что хочешь.

Понемногу Димка успокоился. Сел на покрытую листьями землю, обхватив руками ноги. Он пытался вспомнить лицо Ромки, но у него не получалось. Только лицо — с открытым ртом пустого, нестрашного Ромки, которое было очень страшным.

— Жаль, что они не тебя сожрали, а Рому, — услышал Димка.

Жаль, что мы тебе поверили и пошли с тобой, — подумал он. Жаль, что ты убил его. Жаль, что я живой. Но вслух он выдавил из себя лишь короткое:

— Жаль.

Он сейчас под одеялом, подумал Димка. Было холодно.

Мальчик почувствовал на своих плечах руки дяди Саши. Ему захотелось сжаться, исчезнуть, провалиться сквозь землю, только чтоб дядя Саша его не

трогал.

— Ну прости, Дим. Прости.

То же он говорил Ромке, когда всадил ему нож в живот. Прости, Ромочка, прости. Пожалуйста, не надо, говорил брат. Димка с силой вытер глаза ладонью.

— Я все понимаю. Но и ты меня пойми. Пожалуйста. Мне хуже, чем тебе. Ночи нелегко даются. Они меня боятся, но мне все труднее их отгонять. Ты их не слышишь, а я слышу. Сашка, говорят, знаешь, говорят, кто тебя защищает? Я их штук сорок убил. Я им не отдам тебя. А ты, дурачок, один по лесу ходишь. И Рома умер что, просто так? Чтобы ты им отдался?

Утро, хотел сказать Димка. Пустые ночью только. Вы сами говорили.

Но промолчал.

— Пойми, Рома стал бы одним из них. И через него Пустые добрались бы до тебя. Ты его любишь, поэтому на все пошел бы, и тогда... Сегодня уже все, уже озеро, сегодня тебя солнышко увидит.

Димка тронул разбитую губу пальцами.

На пальцах осталась кровь.

— Я сорвался, прости. Они на нас сильно давят. Не уходи никуда без меня.

Дядя Саша отошел, взял лопату из рук мальчика. Димка сел к нему спиной, глядя в лес и слушая, как лопата ударяется о землю. Неужели зароет Ромку, как собаку, подумал он, чувствуя, как в груди что-то колет на вдохе. Димка вспомнил, как в школе они столпились в кучу у двери кабинета, где их заперли, когда прозвучала тревога, слушали, что происходит за дверью, вспомнил, как они пахли все вместе. Потом всех одноклассников забрали родители, а за Димкой пришел Ромка. Теперь его нет.

Теперь никого нет. Всех сожрали Пустые. Их глаза видно в темноте.

И только теперь до него дошло: тревога случилась, когда они были в школе. Пустые — не только ночью.

Открытие было простым и очень обидным. Вранье, вечно вранье. Папа в командировке надолго. Завтра придем посмотреть, как ты играешь. Пустые не ходят днем. Солнышко отведет беду.

Одно вранье.

Пусть тогда и меня убьют, решил Димка. Все равно. А дядя Саша пусть зароет меня рядом с Ромкой.

Он провел рукой по темным волосам.

— Дядь Саш.

— Что, Дим?

— А кто тебя защищает?

Димка смотрел в лес, слушая, как лопата ударяется о землю.

Ответа он не дождался.

Днем похолодало еще сильнее. Пошел дождь.

Димка смотрел на небольшой холмик земли, на который падали тяжелые капли. Хотелось расплакаться, но слез не было. По щекам стекал дождь, а Димке было все равно. Он молчал, глядя на могилу Ромки. В голове было пусто, лишь изредка сквозь боль возникали какие-то обрывки мыслей. Иногда в грудь как будто впивались иглы. Димка задерживал дыхание, потом осторожно выдыхал, — тогда иголки в груди кололи не так больно.

Школа, видеоигры, футбол, плакаты с Рэнди Ортоном на стене, любимые книжки — остались в какой-то другой жизни. Димка-В-Лесу понятия не имел, зачем все это нужно. Он задумался о том, сожрали тени Рэнди Ортона или нет. Ему стало смешно.

Дядя Саша хмуро смотрел на мальчика, но ничего не говорил. Он ходил злой все время, пока шел дождь.

Кеды Димкины промокли, ноги чуть не до колен забрызгало грязью. Он посмотрел на свои руки. Между пальцами стекала вода, они дрожали. «Зачем выходить из леса?» — спросил Димка у дрожащих пальцев. Зачем, если я здесь стал другим?

Ему казалось, что его тоже начали жрать, что от Димки-До-Вторжения не осталось ничего, кроме тела. Но у Димки-В-Лесу дрожали руки, кололо в груди на вдохе. Димка-До-Вторжения ничего подобного не чувствовал. Он, тот, кто он сейчас, — никому не нужен.

Димка вспомнил, как они с братом убегали из города. Как Пустые смотрели им вслед, как шли за ними. Он не видел их, но знал, что они рядом. «Дим, это дядя Саша», — в голосе Ромки звучала гордость тем, что он знает дядю Сашу. «Он поможет, он умеет...». Он убьет тебя, Ромка. Вот и вся помощь.

Молитва звучит так: «Солнышко, солнышко, дай день, дай воды да хлеба, заступник лес да святой огонь, схорони от пустых, от черных, от глаз во тьме». Это Ромка научил, они как-то ночью еще до вторжения ее читали. Было страшно, жутко — не так, как в лесу ночью, а как-то по-веселому жутко. Только что это за молитва, от которой жуть берет?

Солнышко.

Да бред это собачий. Вранье. Нет и не было никакого солнышка.

Есть только дождь и дрожащие пальцы.

Минуту спустя Димка понял, что улыбается.

Ему это все надоело. Он развернулся и встретился взглядом с дядей Сашей. На мгновение Димку обожгло надеждой на то, что тот, увидев в его карих глазах

пустоту, всадит ему нож в грудь, туда, где и так колет. И все это кончится.

Дядя Саша только кивнул в ответ.

— Все в порядке?

— Все в порядке, — эхом отозвался Димка, чувствуя, как дергается левый глаз.

Дождь кончился.

Дядя Саша снял с Димки промокшую куртку, закутал мальчика в одеяло. Спустя полминуты до Димки дошло, что это за одеяло. Он хотел сбросить его, но в нем было тепло, а Димке уже осточертел холод. Ромка был накрыт не той стороной, которой я касаюсь одеяла, решил он. Его передернуло. То ли от холода, то ли от собственного лицемерия.

— Костер не разжечь. Плохо.

Димка кивнул.

— Ты сегодня ничего не ел.

Димка кивнул.

— Надо поесть.

— Не хочу.

— Надо. Рому помянуть.

Это Димке не понравилось. Он нахмурился, но взял протянутый кусок хлеба и начал медленно его жевать. Эта поляна, этот холмик, овраг, куда он утром мочился, озеро — все это казалось Димке невыносимым.

— Надо идти, дядя Саш.

— Дима. Сегодня надо побыть здесь.

Димка воспринял это спокойно. Только дрожь стала сильнее.

— Рома тут будет еще три дня. Он нам нужен, без него я не смогу тебя защитить. Надо, чтобы солнышко тебя узнало. Дима. Послушай меня, Дима. Дима!

Из рук выпал недоеденный хлеб.

«Да что со мной?» — удивился Димка. На мгновение он словно увидел себя со стороны, — маленький, дрожащий мальчишка, зрачки которого до предела сужены. Надо идти, вроде бы сказал дядя Саша. А, может, и не сказал, но Димка понял: надо.

К озеру он шел спокойно.

Мне плевать, думал он. И это было правдой.

— Не сюда, — услышал он. — Левее, там, где песок.

Остановившись у самой воды, мальчик поднял взгляд на серое небо. Покрытое тучами, оно казалось выжженной холмистой землей. Димка чуть не упал: ему показалось, что сейчас он оторвется от земли и свалится на эти

серые холмы.

— Раздевайся.

Димка покорно сбросил одеяло. «Он меня им накроет. Как Ромку». Медленно расшнуровал мокрые кеды, снял их и поставил рядом с одеялом. Дядя Саша его не торопил. Димка снял носки, стал босыми ногами на берег; песок обжигал холодом. Следом на покрывало упали шорты.

Он оглянулся.

Дядя Саша кивнул.

Мне плевать, снова подумал Димка. Снял трусы и, скомкав, выбросил их подальше. Все настолько просто, что хоть кричи. Он взялся за крестик, вопросительно посмотрел на дядю Сашу. Тот неопределенно покачал головой.

— Это оставь, если хочешь.

Димка подумал и решил, что хочет.

Было странно стоять голышом под серым небом. Он улыбнулся, потому что где-то там на выжженных серых холмах тоже стоял голый пацан: интересно как его зовут? Хорошо бы Ромка. Димка посмотрел вниз, на свое тело, поджал пальцы на ногах, потому что под них забивался холодный песок. Озноб пропал, в голове была вязкая каша.

Он смотрит на меня, понял он.

— Иди в воду.

Несколько мгновений Димка пытался сообразить, кто это говорит. Потом вспомнил. Левая рука задрожала, он закашлялся. Но покорно пошел в воду.

Она оказалась удивительно теплой. Плескалась под ногами, лизала икры.

— Стой.

Димке хотелось войти в воду поглубже, но он остановился.

— Не на час, не на день, не на месяц, не на год, а навек и на всю жизнь, солнышко, узри своего сына Дмитрия, дай ему свой лучик, поцелуй его, дай ему силу...

Димке почудился в лесу какой-то вой. Те, которые днем не ходят, зло подумал он. Те, которые боятся солнышка.

— ...и возмутися вода от облак, сыдоша с воды на тридесять поприщ окаянных, нечистых, пустых...

По озеру пошла рябь. Затем вода стала ощутимо толкать мальчика. Димка хотел оглянуться, но не стал. Голос дяди Саши стал сильнее, громче, а вой из леса повторился уже ближе. Они днем не ходят, сказал он себе снова, но тут же понял: они все идут сюда.

Димка невольно взялся рукой за нательный крестик.

— Многие есть их родов и тварей, ведомые и неведомые пакости, зло... зло... Заткнитесь!

В голосе дяди Саши прозвучала невыразимая боль.

— ...пакости, зло и действия творимы. Прокляты будете солнышком, видимые сыном его Дмитрием, слышимы... зло... зло творю, ругаю, горжусь, ненавижу!!!

Димка вздрогнул.

— Ненавижу, детей гублю, плоть и душу отнимаю!

Дядя Саша страшно рассмеялся. Димка не выдержал и обернулся.

Они стояли на берегу всей уродливой толпой. Димка видел их полупрозрачные тела. Пустые были похожи на ненастоящих, карикатурных людей, словно эти видели человека лишь на картинках и теперь старались походить на него. Их мимика тоже была чужой, не человеческой — казалось, Пустые одновременно двигали всем лицом, плакали и улыбались, злились и горевали, смеялись и хмурились. Мальчика затошнило.

Пустые пили дядю Сашу.

Он умирал.

— Солнышко, — зашептал Димка, зажмурившись, — солнышко, дай день, дай воды да хлеба, заступник лес да святой огонь, схорони от пустых, от черных, от глаз во тьме. Отче наш, иже еси... Солнышко...

Когда он открыл глаза, на берегу никого не было.

Его живота касался луч солнца, прорвавшийся сквозь облака.

Чуть позже, когда Димка дрожал на берегу, окончательно распогодилось. Димка пытался заставить себя что-то делать и куда-то идти, но сил хватило только на то, чтобы выйти из воды и сесть на берегу. Он не знал, что делать. Он не знал, куда идти. Ему было все равно.

Хотелось домой. Хотелось проснуться в своей комнате, на верхней кровати, чтобы все это оказалось только сном. Рассказать Ромке. Он бы потом что-то нарисовал, он умеет. Но Ромка мертвый, а Димку ночью сожрут.

Это нечестно, глядя на воду, подумал мальчик.

Надо идти. Собрать вещи и бежать.

Еще минуту, решил Димка. Еще минутку посижу и пойду.

Было тепло.

Или холодно?

Димка не знал.

Шли минуты.

Уже вечером, когда солнце уже садилось за холм, к Димке подошел дядя Саша и сел рядом.

— Почему не оделся? — с трудом спросил он.

Димка не ответил.

— Не ушел, значит.

— Нет.

Дядя Саша печально улыбнулся.

— Я отбилсь, Дим. Посмотри мне в глаза.

Димка покорно посмотрел. В глазах дяди Саши мелькали тени, чувствовалась пустота. Это по-настоящему испугало Димку, он отвел взгляд.

— Ты видишь. Теперь и тебя солнышко знает, только смысла никакого, ничего тебе передать уже не успею.

— Не убивайте... пожалуйста, — вырвалось у мальчика.

«Пожалуйста, не надо», — говорил брат.

Рядом с Димкой упал тяжелый нож в кожаных ножнах.

— Это не тот. Тот я закопал... с ним; так положено. Бери. Будешь умным, сам зарежешься. Но ты не зарежешься, потому что трус. Тебя жрать будут, а ты и не пикнешь. Пустой из тебя получится — загляденье.

Димке захотелось зарезать дядю Сашу. Прямо сейчас. Он взял нож двумя руками, вытащил из чехла и смотрел, как солнце отражается от клинка, пока не понял — не сможет.

— Хочешь жить?

Мальчик промолчал.

— Хочешь жить, спрашиваю?

— Да.

— У тебя два дня. Я сначала с тобой пойду, прикрою, но потом отстану — убью их, сколько смогу, а там... ну ясно, короче. Два дня Рома будет тебя охранять. Иди даже ночью. С ним Пустые тебя не тронут. Человека не бойся, людей тут нет, ну а если волки — даже лучше будет, Пустым не достанешься. Если будет совсем туго, бей по земле вот так, рукоятью, — отстанут ненадолго. Если почувствуешь, что кто-то как будто гладит по затылку, тогда... Нет, это сложно, не запомнишь. Тогда лучше нож в горло. Они будут с тобой говорить — не слушай... Ох ты, черт...

Дядя Саша замолчал, поморщился от боли.

— Погоди, я посмотрю, — он закрыл глаза, протянул руку к лесу, словно пытаясь что-то нащупать. — Да... да. Там будут машины, когда дойдешь. Ты же помнишь, как машину водить?

— Н-нет.

— Ну конечно, можно было и не спрашивать, — лицо дяди Саши стало злым. — На кой я вообще с тобой связался? Вы же ни черта не помните, ничего не умеете, разве что с ясными, улыбающимися мордочками вешать лапшу на уши мамашам. Они, Пустые, думаешь, зря столько ждали? Как бы не так. Я даже не про наговор на три креста; простейшие вещи не умеете сделать, ничего, — только кнопки нажимать. Хотите пить — нажали кнопку, вот вам банка с пойлом, которым только трубы чистить. Постирать — кнопка. Еда — достал пакет, кинул в микроволновку, нажал кнопку. Даже в футбол поиграть, пострелять, — это любой пацан любит, — и то на компьютере нажать пару кнопок, и все довольны. Ни дров нарубить, ни костер развести, мясо пожарить, дичь убить... Вы, по-моему, даже читать разучились. Зато гордости сколько! Торжество науки! Прогресс! Свой хер в веб-камеру на весь мир показывать — вот он ваш прогресс, и цена ему такая же. Где теперь ваша наука, а? Сильно тебе твой мобильник с десятком игрушек помог? Ты сейчас сидишь на футболке, — это кто на ней? Человек-Паук? Где Паук? Победил врага? И взяли, понятно, людей тепленькими. Человека жрали, он умирал, а остальные смотрели и жили дальше. Никто и не замечал, что их, Пустых, было все больше и больше. Вторжение... Придумали тоже! Они не с других планет, как твои ученые орали, они отсюда! И куда как пораньше людей появились. Люди их однажды загнали куда следует, и они долго, терпеливо ждали. Дождались. И победили. Блицкриг, т-твою мать. Одно дело бороться с волками, совсем другое — с комнатными собачками. Ни одна из таких шавок не выживет, Дима. Ох, Дима, Дима... Ты — щенок. Рома был волчонком, но глупо, так глупо отдался им... Эх! Он ведь из-за тебя подставился. Любил тебя.

Димка молча слушал. Это было бессмысленно. Но он слушал. Он весь был пропитан нереальностью настолько, что его уже ничто не удивляло. Димка не хотел ни с чем бороться, не хотел мстить, не хотел ничего знать. Силы оставались лишь на то, чтобы беспомощно жить.

Дядя Саша замолчал. Снова поморщился, пригладил бороду.

— Как мне еще объяснить, что все, кончилось детство? Ты понимаешь, что должен прийти, а не сидеть на берегу и хныкать, а? Что мне еще тебе сказать, чтоб ты перестал себя жалеть? Не наревелся еще?

— Наревелся, — Димка вздохнул.

— Страшно? — вдруг спросил дядя Саша, неприятно улыбнувшись.

Димка кивнул.

— И мне страшно. Ладно, делать нечего. Слушай дальше и постарайся запомнить. Если услышишь вой — пальцы вот так сделай, — понял как? — и в ту сторону махни. И не останавливайся. Если заметишь какого-то человека, кроме

меня или Ромы, отвернись, перекрести. Только не глядя! Посмотришь — пропадешь. Не паникуй, делай все так, как я сказал. Хотя какой-то шанс. Все понял?

— Да.

— Не слышу!

— Да!

— Одевайся.

Правая рука мальчика крепко сжимала нож.

Он начал одеваться. Одной рукой делать это было трудно, но выпустить нож Димка не решался.

— Футболка? С Пауком-то? С героем!

Мальчик, пропустив мимо ушей насмешку, влез в кеды, посмотрел на футболку. Смятый Паук выглядел жалко.

— Не хочу.

— Надень куртку, ночью холодно. И возьми вот...

Дядя Саша протянул руку и положил в карман куртки сложенный листок бумаги.

— Тебе туда. Там еще остались те, для кого мир сложнее кнопок. Они помогут, если доберешься. Я написал там.

— Дядь Саш. Я доберусь, — вдруг неожиданно для себя сказал Димка.

Дядя Саша вздохнул.

— Верю, Дим, — его тон изменился. — Хотя знаю, что не доберешься. Пока будешь идти, молись постоянно. Молитвы знаешь?

— Про солнышко.

— Это наговор. Молитвы знаешь?

— Не. «Отче наш» только.

— Вот оно как, — в голосе дяди Саши было удивление. — Откуда?

— Мама научила.

— Молодец твоя мама. Эй, только не плачь.

— Хорошо, — кивнул Димка.

И все-таки заплакал, но взял себя в руки, вытер слезы левой рукой.

Дядя Саша посмотрел на нож в правой руке мальчика. Наклонился и завязал ему шнурки.

— А они... Те люди, дядь Саш. Они помогут?

— Не знаю. Их, волков, всего горстка. Но остались те, кого Пустые не могут сожрать. Должны, должны остаться. Они тоже... Даже собаки огрызаются, если их бить. Если... Короче, найти их надо. Мы, люди, уже победили один раз когда-то. Все может быть.

Он с трудом поднялся. Сделал шаг к Димке, обнял его.

— Все, Дима. Прости меня за все, прости, пожалуйста. Ты меня ненавидишь,

наверное, и правильно. Когда-то поймешь, что иначе было нельзя — если выдержишь эти два дня. Ты не знаешь... Ты представить себе не можешь, что тебя ждет, когда они на тебя со всех сил навалятся.

— Не хочу представлять, — буркнул Димка. — Хочу жить.

— Мало жить. Надо дойти.

— Я дойду, дядь Саш.

Солнце почти село. В лесу темнело очень быстро, ночью не было видно даже собственных рук. Димка решил, что сейчас это и к лучшему.

Дядя Саша вздохнул и отстранил мальчика.

— И правильно. Идем, Дима. Солнышко ответит беду.

— Солнышко ответит беду, — эхом отозвался Димка. Улыбнулся.

Рядом с ним молча стоял нестрашный Ромка.

ЛАРИСА НЕСТЁРКИНА

Лариса Нестёркина закончила факультет журналистики Ростовского государственного университета. Работала в различных печатных изданиях и на телевидении. Полтора десятилетия трудилась режиссером Московского Киноцентра, снимала документальные фильмы в России, Турции, Греции, ОАЭ, Хорватии. Ее фильм «Изберите жизнь» был участником международного кинофестиваля в Монте-Карло. В настоящее время живет в Новороссийске и сотрудничает с электронным СМИ. Писать рассказы начала два года назад, и это стало поддержкой в трудный жизненный период. Издала две книги, печаталась в сборниках, журналах. Неожиданно для себя перешла от романтических рассказов к ужастикам и не жалеет об этом.

Как я узнала об этом загадочном маяке, светящем в ночи в далеком Мраморном море? Маяке, освещающем путь не только кораблям, но и людям, желающим пройти по дороге между прошлым и будущим? Да просто кто-то шепнул на ухо...

Об этом маяке не говорят вслух: то ли боятся взглянуть, то ли стыдятся, что верят в него. А я поверила сразу. Может потому, что так давно пишу тебе письма, что пора бы их отправить.

Я знаю, что если брошу письма в обычный почтовый ящик, они не дойдут до тебя. Они вернутся с пометкой «Адресат выбыл». Да, ты выбыл из моей жизни так же, как и из жизни вообще. Тебе не напишешь и не позвонишь. Телефон не устает повторять: «Абонент недоступен». Не-до-ступен. Мои ступни не дойдут. А этот маяк... Он дал мне надежду — так же, как и многим другим людям.

Когда именно маяк стал почтовым ящиком? Пожалуй, в тот самый день, когда стал хранителем чужих мыслей и чувств.

Тот день полвека назад. Каким он был?

В маленьком прибрежном поселке еще живут люди, которые помнят его. Три десятка рыбацких домишек все еще там, разбросанные на каменистом высоком берегу в трех километрах от башни маяка, возвышающейся над морскими волнами. Три десятка семей, живущих в них, все так же добывают себе

пропитание рыбной ловлей. Опытные рыбаки с продубленной морской солью кожей в тот день, полвека назад, когда все и случилось, были еще мальчишками...

В тот день к маяку приехали из соседнего города несколько десятков школьников вместе со своими учителями. Они стояли на берегу, о чем-то возбужденно тараторили и смотрели на маяк. Потом появились водолазы. Они вытащили из машины и погрузили в лодку большую овальную емкость, а затем поплыли к маяку.

Поселковых мальчишек распирало любопытство — они хотели знать, что находится в железном контейнере. Они не верили взрослым, которые говорили, что в контейнере лежат письма в будущее. Кто в здравом уме будет прятать письма на дне моря?

А водолазы сделали именно это — похоронили контейнер на морском дне, намертво закрепив его у подножия маяка. Ах, сколько раз потом мальчишки ныряли с площадки маяка, пытаясь дотянуться до таинственного контейнера. Они гордились тем, что рядом с их поселком хранится самый настоящий клад, и уж будьте уверены, — они когда-нибудь доберутся до него!

Они ныряли и ныряли, но клад опустили слишком глубоко. Однажды один из них все же сумел подобраться совсем близко, но пробыл там, на глубине, лишь пару секунд — легкие разрывались от нехватки воздуха. И все же он увидел надпись, нацарапанную на контейнере: «Вам, потомки!» Кто они, эти потомки, которым просто так, за здорово живешь, достанется все это богатство?

Годы летели, неслись вскачь. Мальчишки не заметили, как превратились в стариков и сами стали этими потомками. Теперь они считали годы, ожидая назначенного срока: капсулу должны были поднять со дна моря и вскрыть ровно через полвека после ее погружения. Теперь они верили, что там действительно лежат письма в будущее. Умудренные жизненным опытом, они понимали, что письма сами являются кладом, — и более ценным, чем сокровища.

Пять десятилетий море убаюкивало белые конверты, плавно качая их в штиль и будоража во время штормов. Что-то произошло за эти годы. Стабильность времени, застывшего в капсуле, нарушилась. Оно стало двигаться зигзагами — одновременно в двух направлениях. Одни минуты и часы, подгоняемые нетерпеливыми письмами, которые только и мечтали, чтобы их вскрыли, продолжали двигаться в будущее. Другие минуты, прислушиваясь к тем письмам, которые смаковали ушедшие мгновения, устремились назад, в прошлое. Прошлое и будущее сошлись в поединке, существуя одновременно в одни и те же мгновения. Временные вихри закружили вокруг маяка. В результате не осталось места для настоящего. Письма шептались или о том, что уже произошло пять десятков лет назад или о том, что будет через полвека. Какую строчку письма не возьми, она — или прошлое, или будущее. И благодаря

этому круговороту времени стало возможным невероятное: маяк превратился в почтовый ящик не только для потомков, но и для тех, кто остался навсегда в прошлом.

Люди верят в то, во что хотят верить. Они охотно поверили тому чудаку, который первым принес на маяк письмо к умершей жене. Он прошел во время отлива по каменистой косе, ведущей от берега к маяку, открыл тяжелую железную дверь у подножия башни и поднялся по внутренней винтовой лестнице. Листочек, исписанный ровными строчками, он прикрепил скотчем к стене на вершине лестницы. Сначала все посмеивались над ним и больше других — его лучший друг. Но чудак держался молодцом: он не обижался, а просто верил, что его умершая жена придет однажды и заберет письмо. И ведь нельзя отказать ему в логике! Если за письмами, написанными полвека назад, придут адресаты из будущего, то почему не может за письмом, написанным сегодня, придти адресат из прошлого?

Через месяц он снова прошел по косе на маяк и... не нашел своего письма. Он не поверил другу, который сказал, что письмо унес ветер. Он знал: его унесла жена. И он не смеялся над другом, когда тот однажды тоже понес на маяк письмо к своей умершей матери.

Вскоре все стены внутри маяка снизу доверху заклеили письмами и фотографиями.

Когда море расступалось, открывая косу из гальки, вереница людей вступала на нее. Открыв железную дверь, они медленно поднимались по каменной спиральной лестнице, выискивая на стенах свободные места. Достав из-за пазухи пузырьки с клеем, покрывали стены белыми листочками и — фотографиями... Как будто беспокоились о том, чтобы пришедшие за письмами узнали свой земной облик. Немного постояв на лестнице, словно надеясь случайно столкнуться с адресатом, они возвращались на берег, то и дело оглядываясь назад. А потом, спустя некоторое время, на стенах маяка вновь появлялись свободные места. То ли за письмами приходили адресаты, то ли их уносил ветер. Думайте, как хотите...

Я не сразу пришла на маяк, а только, когда однажды надежда покинула меня. Сначала я искала тебя везде, где мы с тобой бывали раньше. Мой путь не менялся — след в след за нашими следами, оставленными в прошлом. По пыльным дорогам, по берегам морей и озер, по пляжам и сосновым рощам.

Вот я иду по маленькому мостику через бурный горный ручей. Солнце слепит глаза и гладит горячей ладонью мою макушку. И вновь, как в прошлом, у меня кружится голова, и я сажусь на деревянные доски, свесив ноги вниз. Мои коротко стриженные волосы топорщатся сосульками — это ты льешь мне на голову воду, спасая от солнечного удара. Ты? Я оборачиваюсь — тебя нет рядом.

Рассвет в горах начинается рано, может быть потому, что они ближе к солнцу? Мы любим его первыми лучами с высоты птичьего полета. Ложась золотыми нитями на водную гладь, они раскрашивают мраморные прожилки моря яркими цветами. Мы молчим: зачем слова, когда в мире такая гармония? Я и сегодня стою молча на берегу тихого Мраморного моря, очарованная его красотой.

Помнишь тот магазинчик в Пирее? Мне все лишь нужна была шляпа от солнца. Ты превратил ее покупку в целое представление. Оставив меня в машине, зашел в магазин. Ты брал с витрины одну за другой шляпы и выносил их на крыльцо, показывая их мне.

— Эта? — спрашивал твой взгляд.

— Нет! — смеялась я.

— Эта?

— Нет!

Ты всегда был романтиком и немного театральным режиссером — ты придумывал красивые сцены в самой жизни.

Я побывала везде, но так и не нашла тебя. И настал тот день, когда я сдалась. Написав тебе письма, я перевязала их розовой ленточкой и пошла к маяку.

Я медленно поднималась по ступенькам лестницы, разыскивая свободное место на стене. Писем было много, наверное, за ними давно никто не приходил. Строчки, строчки... Множество строчек о невыносимой тоске, о горькой печали, о ледяной бессоннице в ночи, о неугасающей любви. И лица на фотографиях — веселые и грустные, старые и молодые.

Свою фотографию я увидела, уже стоя на верхних ступеньках. Под снимком были прикреплены несколько исписанных листочков. Полоска скотча держала еще одну вещь — тонкую серебряную цепочку с кулоном из бирюзы. Я не сразу поняла... Сперва протянула руку, сорвала верхний листок и прочитала:

«Я сделал этот снимок в аэропорту, когда мы прощались. Через несколько минут ты поднялась по трапу самолета, а еще через полчаса он разбился, разлучив нас навсегда. Время не лечит раны, по крайней мере, мои. Они слишком глубоки. Я пишу тебе и верю, что ты придешь за моими письмами. А еще я твердо знаю, что ты ответишь мне. Назначенные полвека скоро закончатся, и маяк передаст письма из прошлого в будущее. Но разве ты сейчас не в моем прошлом? Напиши мне. Маяк сделает для нас исключение и сохранит твои письма вместе с другими на дне моря. Вот увидишь. Я приду за твоими письмами через много лет. И я найду их здесь».

Не знаю, сколько времени я стояла каменным столбом и смотрела на свою фотографию на стене...

Когда-то в детстве я очень боялась фотографироваться. Отворачивалась от

объектива фотоаппарата, думая, что если ему удастся меня сфотографировать, я останусь только на фото, навсегда исчезнув из реальности. Этот момент настал — теперь я существую только на этой фотографии.

Я бессильно опускаюсь на лестницу, и листочки, перевязанные лентой, выскальзывают из моих рук, рассыпаясь по ступенькам. Я ловлю их, собираю в стопку, один к одному, и обматываю цепочкой с бирюзовым кулоном. Ты всегда дарил мне украшения с бирюзой и продолжаешь дарить их мне даже мертвой.

Если бы я была жива, то сейчас на письма капали бы слезы. Но я мертва с того самого дня, когда мы расстались в аэропорту.

Я сижу на бетонной площадке у основания маяка. От берега меня отделяют несколько километров. Волны с глухим рокотом бьют о каменные плиты, рассыпаясь каскадом брызг. Зеленые водоросли прилипли к бетону, делая маяк похожим на заросшее мхом дерево.

Днем я вижу людей с белыми конвертами, идущих к маяку по каменистой косе. Ночью я вижу безмолвные тени, скользящие по лестнице маяка и исчезающие вместе с письмами на рассвете.

Мне не одиноко — со мной разговаривают письма, запечатые в контейнере. Они устали ждать тех, кто их прочитает, и рассказывают мне о своих тайнах. Я слушаю их на рассвете, слушаю на закате. Иногда я прошу их помолчать и перечитываю твои письма. И хотя я знаю их наизусть, мне приятно касаться листочков, которые ты держал в своих руках.

Я не знаю, сколько дней и лет я здесь нахожусь. Я не чувствую времени.

Просто однажды заметила, что глаз прожектора маяка погас и теперь подслеповато смотрит на зеленые оливковые рощи на холмах, на белые корабли на горизонте, на стаи пролетающих птиц. Круглая башня маяка покрыта трещинами и выбоинами: дождь и ветер оставили на ней глубокие шрамы. Железные поручни внутренней лестницы заржавели. Полоска косы, появляющаяся во время отлива, перестала быть дорогой надежды.

Последний раз люди приходили к маяку, когда поднимали со дна моря контейнер с письмами в будущее. В тот день, когда это будущее наступило.

Сотни людей, вновь приехавших в рыбацкий поселок, смотрели, как из холодной глубины поднимают контейнер, как его открывают, доставая на свет из полувекового плена множество писем.

В тот день для многих сообщения из прошлого принесли жизненно важные слова. Люди плакали и смеялись, открывая конверты прямо здесь, на берегу. И на все это смотрели старые рыбаки — те, что полвека назад ныряли на дно моря, надеясь дотянуться до клада. У них были мокрые глаза — то ли от

слез, то ли от ветра.

Стопку исписанных бумаг, перехваченных серебряной цепочкой с кулоном, забрал высокий седой старик. В его все еще ярко-синих глазах тоже стояли слезы. Эта стопка писем стала загадкой для всех: никто не мог понять, как в контейнер, замурованный полвека назад, попали письма, которые писались в течение всех этих пятидесяти лет? Но ты понял. Ведь ты верил, что я напишу тебе ответ.

Все ушли. Остались только мы со старым одиноким маяком. Не видно белых кораблей на горизонте, теперь их путь определяет другой, новый маяк. Лишь маленькие лодки поселковых рыбаков проплывают мимо...

Я вновь и вновь перечитываю твои письма. Кто я? Я — листок жасмина, упавший на землю. Я — утренняя роса, растаявшая под рассветными лучами. Я — густой туман, рассеянный восходом. Я — стремительный ветер, затихший вдали. Я — туча, рассыпавшаяся на тысячи капель. Я — пустота. Я — никто. Но, не смотря на это, я существую. Я живу в твоих письмах.

Бури сменяются штилями, алые рассветы — багровыми закатами. Я перебираю пожелтевшие бумаги. Мне некуда спешить. Впереди — вечность.

Плещутся волны, вновь и вновь ласково шепча слова любви, замершей в пространстве между прошлым и будущим, любви, не подвластной ни смерти, ни времени; любви, спасающей мир.

— Ш—ш—ш—ш... Ш—ш—ш—ш... Ш—ш—ш—ш...

АНДРЕЙ ФЁДОРОВ

Автор о себе: «Двадцать девять лет. Писательский стаж скромный — три года. Публикации еще скромнее: сборники „Настоящая фантастика“, „Аэлита/010“, альманах „Черновики мира“, журналы „Космопорт“, „Уральский следопыт“. Злостный любитель сетевых конкурсов: „Креатив“, „Астра блиц“, „Surname“».

Может быть, совесть — источник морали...

Р. Акутагава

ЛЮДОЕДЫ

Дом притаился неподалёку — у оврага, за околицей деревни. За- росли окружали его со всех сторон: если не знать, куда идти, прой- дёшь мимо. Староста знал и уверенно шагал по едва заметной тро- пинке. Наконец, раздвинув ветки, он увидел двор и поленницу у почерневшего от старости сруба. Дверь открылась, на порог вышел высокий, костлявый детина с блестящим безволосым черепом. Ничуть не удивившись появлению старика, он заговорил первым:

— Здравствуй, Грод.

— И тебе, Ксим, не хворать. Вот, держи! — И старик протянул свёрток.

Хозяин, не принимая гостинца, посмотрел вопросительно.

— Благодарность, — пояснил Грод. — Мальчишка уже на ноги встал, скоро, видать, поправится.

Хозяин молча кивнул, принял подношение и положил его на лавку у крылечка.

— Что, не развернёшь даже?

Ксим пожал плечами:

— Зачем?

Староста нахмурился:

— Сколько лет знакомы, а всё никак тебя не пойму. Не то колдун, не то мо- нах иль отшельник.

Ксим молча смотрел водянистыми глазами сквозь собеседника и куда-то дальше, сквозь спутанные заросли.

— Бирюк я, — наконец отозвался он.

— Бирюк и есть, — хмыкнул старик. — Живёшь один, ни с кем не знаешься...

Ну, да дело твоё.

Разговор не клеился. Староста Грод побряхтел, взглянул на небо и сказал:

— Костями чую: дождь будет. Надо всем сказать, чтоб дома сидели... Ладно, Ксим, бывай.

Заросли с шелестом сомкнулись за спиной старика. Бирюк взял сверток и кинул его в рассохшуюся бочку чуть поодаль. Чего двор захламлять.

Грод не ошибся. Вечером набежали тучи, громыхнуло, засверкало. Холодная весна, наконец, пролила слёзы по ушедшей зиме. Одеться бы потеплее, да залечь на печи. Бирюк же, наоборот, засобирался.

Поверх просторной рубахи надел прочную кожаную накидку, взял сумку и волокуши из кожи и веток. Вышел наружу, приняхался, кивнул и пошёл в лес. Пахло мятой и кровью. Сегодня в деревне кого-то не досчитаются. Значит, пора работать.

Тела Ксим нашёл быстро. На небольшой опушке верстах в двух от деревни. Трое: два парня и девушка. Ей досталось меньше всех, но, видимо, хватило. А парни выглядели ужасно даже в тусклом свете луны. Один перекушен почти пополам, у другого изжёваны ноги, а в боку — широкий нож. Поморщившись, Ксим через ткань рубахи взялся за рукоять и выдернул лезвие. Покосился на испачканный кровью нож. Тащить эту дрянь домой? Нет уж. Отбросил в сторону — авось пригодится кому. Возиться в грязи бирюку не хотелось, потому особо и не осматривался.

Далеко за полночь Ксим перетащил тела к дому. Открыл погреб, осторожно спустил трупы на пол. Один из парней оказался ещё жив. Бирюк осмотрел его, приняхался, хмыкнул и вышел из погреба. Пусть полежат, а заняться ими можно и с утра. Заперев погреб, вернулся в дом: поспать лишним не будет.

Но выспаться ему не дали.

За час до рассвета ночную тишину вспорол дикий визг. Накинув рубаху, Ксим выскочил во двор и опешил. Дверь погреба — настесь, а рядом, вжавшись в бревенчатую стену, — девушка. Та, из убитых.

Наверное, она и визжала. И было от чего. На тропинке, саженях в десяти от дома, стояло нечто. С виду конь, но сквозь него в лунном свете проглядывала листва. Но и без того Тварь не спутать с лошадьё: белёсые глаза без зрачков, светящаяся шерсть со змеистым узором. Ксим и раньше встречал Охотников, но так и не сумел привыкнуть. Особенно к тому, что ноги чудищ чем ниже, тем больше напоминали дым, а к земле и вовсе исчезали. Уголки губ «лошади» дрогнули, обнажив ряд клыков. Тварь улыбалась.

— С-с-сдрас-ствуй, падальщ-щик.

— Привет и тебе. Решил явиться, не дожидаясь дождя?

- Я приш-шёл вс-сять с-своё.
- Ты получил.
- С-саметс-с. Ещё ж-шив! И с-самка!

Ксим поморщился. Этого ещё не хватало. Дед когда-то говорил: «Охотников уважай, они нас кормят. Но и спуску не давай, если что. Мы не слуги и не рабы».

Бирюк поднял глаза на Тварь:

- Мальчишка? К утру умрёт сам.
- Мой! Мой!..
- Дождя нет. Ты знаешь порядок, Охотник. А мальчишка умрёт и так.

Шерсть Твари заискрилась.

- С-самка!
- На ней нет твоих следов.

Тварь громко зашипела. На траве и листьях вокруг неё вспыхнули тысячи оранжевых огоньков.

- С-с-мееш-шь перечить, падальщ-щик?!

Ксим нахмурился.

- Я в своём праве.

Снова раздался визг, но теперь точно визжала Тварь, а не девка. Призрачный конь мотнул башкой, огонь искрами осыпался с листьев и погас.

- Пожалееш-шь.

Порыв ветра швырнул Ксиму в лицо капли с деревьев, небо прорезала беззвучная молния, и Тварь исчезла. В сердцах ругнувшись, бирюк подошёл к девушке. Та мелко дрожала и тарасилась на место, где стояла Тварь. Ксим принюхался, внимательно осмотрел лицо.

- Живая, значит, — буркнул он. — Надо же...

Затем спустился в погреб и на этот раз выругался от всей души. Изжёванный труп дёргался, выгибался, пытаясь перевернуться на живот. Глаза — точь-в-точь, как у Твари — буравили Ксима.

- Э, нет...

Бирюк подошёл к ожившему трупу. Занёс руку. Его пальцы вытянулись, почернели и заострились, стали острыми когтями. Мертвец зарычал, дернулся, тогда Ксим и ударил. Тело подбросило и разорвало пополам. Куски плоти шлёпнулись на пол. «До завтра долежит», — решил Ксим и повернулся ко второму. Парень был отравлен ядом Твари, но умирать не хотел, боролся за жизнь, отказываясь верить, что шансов нет.

— Извини, человек. Я хотел, чтобы ты сам сумел перейти на ту сторону, к предкам. Но если пойдёт дождь, Тварь вернется. Прости за мой выбор...

Бирюк знал, что умирающий не слышит его, но произносил нужные слова. Те, что должно выслушать на пороге смерти. Когтистая лапа взлетела и упала,

вонзившись в тело. К чему длить мученья парня? Ксим вытер ладони и исподлобья осмотрел погреб. Второго мертвеца придётся отдать в деревню — его убил не Охотник. А первый... Не должен он был так быстро ожить. Близость Твари пробудила его, а теперь поди морочиться с приправами. Бирюк вышел из погреба, запер дверь на замок и не сразу сообразил, что девчонка исчезла.

Первыми заговорили инстинкты.

«Она всё видела! Она всё расскажет! Догнать! По свежему запаху!»

Ксим взял себя в руки.

«Ну, догоню. И что?»

Да, девчонка, похоже, всё видела. Да, она может разболтать всей деревне, и тогда быть беде. Люди не шибко привечают тех, кто их убивает. Или даже добивает. Но с другой стороны — ночь, охотничий вой, призрачная лошадь, у девчонки разбита голова. Кто ей поверит? Может, не в своём уме? И вообще, что она с двумя дружками делала ночью в лесу? И почему у одного в боку оказался нож? Ни Твари, ни он сам железом не пользовались...

Взвесив все «за» и «против», Ксим решил обождать до утра. Ночью к нему вряд ли кто рискнет прийти, а утро вечера мудренее. Но с ужином стоило поторопиться в любом случае.

Когда Ксим закончил разделывать мясо, уже почти рассвело. Потроха бирюк закопал, крупные кости бросил в котёл, а остальное сложил в бочку, пересыпал солью и поставил под гнёт. Никуда не денется.

Затем занялся подбором нужных трав. Кое-что есть в запасе, но большую часть пришлось собирать в огороде. Изрядно перемазавшись сырой землёй, бирюк всё же собрал нужный букет. Оставалось лишь сварить мясо. И, конечно, прибраться. Мало ли...

Он успел закончить до прихода старосты. Ксим почуял старика ещё на подходе. Громко постучавшись, Грод вошёл в дом, уселся на лавку и глубоко вздохнул.

— Вся деревня слышала вой.

Ксим промолчал.

— Ночью пропали трое, — продолжил староста. — Потом Агнешка, племянница моя, вернулась. Мы уж и не чаяли. Голова — раскровенена, вся в синяках, не помнит ничего... Эх... Так что, есть кого схоронить?

— Есть, — Ксим поднялся с лавки. — Пойдём.

Скрипнула дверь погреба, потянуло приторно-сладковатым душком. Староста

пошатнулся, но устоял.

— Всё так плохо? — спросил он у бирюка.

Тот кивнул, и они спустились вниз. Пока глаза привыкали к темноте, старик молчал. А затем ахнул. Зрелище не из приятных. Грод глухо произнёс:

— Крут. Это Крут...

Имя мертвеца бирюка не волновало.

— Агнешкин жених, — продолжил Грод. — Пятнадцать лет девке, как раз замуж. Добрый парень... был. Ему отец собирался долю свою отдать... Старший сын ведь, и семья хорошая... Вдвоём они и пропали... Крут и брат его меньшей — Гней. Не думал, что доведётся их хоронить.

Когда-то дед говорил Ксиму: «Наши предки взяли от людей облик, но не сердце. Да и на что оно нам?»

Бирюк промычал что-то неразборчивое, что при желании можно было принять за сочувствие. Но, похоже, староста просто пытался выговориться. Они постояли ещё с минуту и вышли наружу. Грод уже успел взять себя в руки.

— Вот что, Ксим. Давай — как обычно. Тело отнеси к развилке. Парни заберут. Сам знаешь, к тебе соваться они побаиваются.

Бирюк кивнул:

— Сделаю, отец.

Грод вздрогнул.

— Знаешь... Не называй меня так. Аж мороз по коже. Я к тебе ещё ребёнком бегал, в деревню звал... Какой уж там отец... Ладно, бывай.

И старик ушёл. Ксим отнёс труп к ближайшей развилке, а когда вернулся, почувствовал зверский голод. Котёл, целый котёл густого теплого варева! Бирюк достал ложку, выловил кусок мяса, попробовал. Пахло хорошо. Но на вкус... Сладости много. Ксим поморщился и потянулся за драгоценной солью, пошатнулся и прямо на него рухнул пол. А затем — тьма.

Очнулся в лесу под деревом. Темнело, по небу бродили тучи. В глазах двоилось, шумело в голове. Он не сразу сообразил, что тело двигается само по себе. Рука поднялась и почесала бороду. Бороду? Бирюк с удивлением понял, что на подбородке появилась какая-то жидкая поросль. Странное ощущение. И тут тело напряглось, а рука сама собой взлетела в приветствии:

— Таки пришёл! — насмешливо сказал Ксим. — А я думал, трусишь.

— Захлопни пасть, выродок! Скорее ты в мамку обратно влезешь, чем я испугаю тебя. Понял?

Парня бирюк узнал сразу. Утром он сам волок по тропе его труп. Крут, жених Гродовой племянницы. А бородатый — небось, брат? Как там его, Гней,

что ли? Ксим похолодел: его занесло в воспоминания мертвеца.

— Ой-ой, какой злой, — расхохотался бирюк, — так и норовишь мамку вспомнить.

— Ты мне зубы не заговаривай, — рыкнул Крут. — Где Агния? Что ты с ней сделал?!

— Здесь, не бойсь. Ничего я ей не сделаю. Если только ты...

И тут на лоб Ксиму упала капля дождя. Оба парня вздрогнули, когда из лесу донёсся пронзительный визг. Крут рванулся вперёд, схватил брата за грудки и встряхнул:

— Где она?!

— Я здесь! — послышалось справа, и из-за дерева вышла бледная Агния.

Лицо Крута прояснилось, отшвырнув брата, он подбежал к невесте:

— Пойдём отсюда!

Снова визг, куда ближе. Сверкнула молния, дождь усилился. Ксим поднялся на ноги, прищурился и побежал вслед за Крутом. Тот нагнал девушку, схватил её за руку:

— Быстрее, бежим!

— Нет! — Ксим поразился, сколько ненависти было в его голосе. — Ты её не получишь!

Теперь он нагнал брата, схватил за плечо. Короткий удар в бок — под правую руку. И тогда бирюк вспомнил про нож в теле. Страшно закричал раненый. Обернулся, оттолкнул брата, и Ксим повалился на землю, успев заметить, как парень с размаха бьёт девушку по лицу. А затем налетела Тварь. Чавканье, утробный свист и скрежет зубов, от которого Ксима чуть не вывернуло. Зная, что не выживет, он вскочил и побежал.

Во тьме не разглядишь деревья, корни, торчащие из-под скользкой земли. И страшное — сзади. Быстрее! Пёс с девочкой, пёс с братом, он мёртв! Мёртв... Бежать! Бе...

Не вышло. Удар в спину, и Ксим, налетев на дерево, рухнул в грязь. Когда сумел разлепить веки — прямо в лицо уставились два неярко светящихся глаза.

Тут Тварь вцепилась ему в горло, и он не смог даже крикнуть.

Бирюк открыл глаза. Пошарил взглядом по потолку. В первую секунду захотелось взвыть от боли, но быстро прошло. Ничего не болит — нечему болеть. Это только видение. Ксим поднёс руку к глазам, сжал и разжал кулаки, провёл пальцами по подбородку. Лицо собственное, тело слушается. Бирюк лежал на полу, привыкая к телу. Такое чувство, словно нашёл давно потерянную вещь. За долгие годы бирюк ещё ни разу не нырял в память мертвецов так

глубоко. После Тварей в телах почти не остаётся эмоций, обычно Ксиму доставались разве что лёгкий страх или огрызки тоски. «Надо будет выбросить это мясо. Или... Выварить как следует», — подумал Ксим, закрыл глаза и расслабился.

— И часто с тобой такое случается?

Бирюк мгновенно оказался на ногах. Рука в замахе — когти наружу! Но не ударил. Перед ним на лавке сидела давешняя беглянка — Агния. Чужой запах бил в ноздри, призывая к действию, а Ксим никак не мог понять, почему не учуял его раньше. И злился.

Девушка рассматривала его с интересом и, как показалось бирюку, с вызовом.

— Одна пришла? — прохрипел Ксим.

Гостья усмехнулась.

— Я всё видела! — заявила девчонка, и бирюк понял: одна.

Это хорошо. Ксим огляделся, отряхнул одежду. Испытанный ужас понемногу отпускал. Когти сами собой втянулись. Он тряхнул головой, стараясь прогнать застрявшую в ней мусть кошмарных воспоминаний.

— Ты меня слышишь? — оказывается, всё это время девчонка что-то говорила, спрашивала.

— Нет, — буркнул Ксим.

— А я всё видела! — повторила Агния. — И всё знаю! Ты убил Крута, ты служишь Твари! Ты людоед!

Девчонка-то всё помнит. Но раз в дом пока не ломится толпа деревенских с вилами и кольями, значит, никому не сказала. Ксим открыл дверь.

— Уходи.

Девушка не шелохнулась.

— Я знаю, что у тебя в бочке засолено, — она ткнула бирюка в грудь тонким пальчиком. — И из чего твоя похлебка — тоже знаю!

— Знаешь, — задумчиво повторил Ксим. — Иди рассказывай. Заодно, как втроём в лесу оказались. Почему брат брата зарезал. Уж не из-за тебя ль?

Агния побледнела.

— Откуда ты...

— Оттуда, — перебил Ксим. — Коли надо чего, выкладывай. Коль без дела — пошла вон.

Агния вздрогнула, но осталась сидеть.

— Вон! — повысил голос бирюк.

— Не кричи на меня! — прошептала девушка. — Ты... Ты убил Крута!

— Его убила Тварь, — ответил Ксим. — Но на самом деле виноват тот, кто потащил его в лес. Я только добил. Избавил от мучений, если по-вашему.

— Ты, — Агнешка упрямо тряхнула головой. — Ты...

— Что я?

— Что ты чувствуешь?

Ксим удивлённо взглянул на девушку. Было в этом вопросе столько жадного интереса, будто вся жизнь Агнии зависела от него.

— Отвечу, и ты уйдёшь?

Агния закивала.

— Ничего не чувствую. Делаю, что должен.

— А как же совесть?

— Совесть — это спор с самим собой. Я с собой не спорю. И с тобой не собираюсь.

Бирюк выставил незваную гостью за порог и захлопнул дверь. Со злостью стукнул по ней кулаком. Даже сам удивился. Побродив по дому, Ксим уселся на лавку и прислушался к себе. Злость, страх плескались в душе. «Бойся отравиться чувствами, — учил его дед, — для нас — это самый страшный яд».

Успокоиться, глубоко вздохнуть. Ещё раз... Ещё! Не помогло.

Весь день бирюк старался занять себя делом: вываривал мясо, собирал травы, рубил дрова. Под вечер навёл порядок в погребе и бане. Ничто так не приглушает чувства, как усталость. Довольный, Ксим едва дотащился до лавки и уснул, кажется, ещё до того, как лёг.

И вот опять...

Бирюк отчётливо понимал, что это сон. Но всё равно было страшно. Он вновь очутился на той поляне. Сумерки, дождь. Перед ним стояли оба брата — уже такие, какими он их нашел в лесу. Рядом испуганно жалась к дереву Агния.

— Отдай её мне, брат, — прошамкал Гней. Вообще непонятно, как он ухитрился стоять и тем более говорить. Крут спокойно кивнул, схватил за руку девушку и толкнул к окровавленному брату. Тот зашипел и растворился в воздухе, так что девушка просто свалилась на землю и осталась лежать в грязи.

— Отдай её мне, брат! — Гней снова стоял возле Крута, но уже с другой стороны.

— Ну ш-то, падальщ-щик? Мне тот, что справа, а ты восмеш-шь второго?

Ксим повернулся на голос и чуть не вскрикнул. Рядом с ним стояла Тварь и дружелюбно скалилась.

— А как же девка, — хотел было спросить бирюк, но не стал. Вдруг Тварь её не заметит? А лошадиная морда улыбалась всё шире. И в какой-то момент Тварь начала смеяться. Вот только вместо смеха из её пасти раздался тот самый жуткий визг. Бирюк зажал руками уши и...

Проснулся. Полежал, прислушиваясь к тишине. Затем резко встал. В этот раз нюх не подвёл: к избушке кто-то приближался. Не староста, не Агния — чужой.

Тук-тук!

— Лекарь! Мастер лекарь!

Ксим распахнул дверь. За ней стоял запыхавшийся мальчонка лет десяти. Бежал от самой деревни, наверное. Ещё не рассвело толком, значит, что-то серьёзное.

— Мастер лекарь! Беда! Староста послал...

— Говори толком! — прикрикнул бирюк.

— Агнешка умирает!

Не дослушав, Ксим схватил сумку с травами и инструментами, висевшую рядом с дверью как раз для таких случаев.

— Веди!

Дошли быстро. Долговязый Ксим шагал так резво, что мальчишке пришлось его догонять. Проходя мимо домов, бирюк не раз и не два замечал приоткрытые двери и выглядывающих людей.

— Какой дом?

Мальчишка указал вперёд и припустил бегом:

— Я привёл его! Привёл!

Из дверей одного из домов выскочил староста: борода растрёпана, в глазах — ужас. В следующий миг Ксим понял, почему. Внутри кричала Агния. Кричала громко, исступлённо. Ксим оказался у дверей раньше мальчишки. Оттолкнув столпившихся родственников и соседей, зашёл, пересёк несколько комнат и оказался в нужной. Там на кровати, лёжа на спине, билась рычащая девушка, в которой сейчас он не узнал бы Агнию. Рядом стояли мужчины и крепко держали её за руки. В углу комнаты тихо скулила, зажимая кровотокающую щёку, женщина, наверное, мать.

— Лекарь... сделай что-нибудь, — напряжённо просипел один из мужчин, и Ксим принялся за дело. Послал мальчишку за горячей водой для настоя. Вытащил из сумки несколько пучков сон-травы, что и медведя свалит. Но тут понял: не поможет, не успокоит. В комнате явственно ощущался сладкий запах. Тонкий, как струйка дыма от погасшей лучины, за кровью не сразу и различишь.

— Выйдите все, — изменившимся голосом приказал Ксим. Мужики неуверенно переглянулись.

— Живо! — бирюк перехватил запястья Агнии и, когда дверь закрылась, наклонился поближе к больной. Никаких сомнений. Запах шёл изо рта. Сегодня ночью Агния ела сваренное им, Ксимом, мясо Крута.

— Зачем, девочка, зачем? — пробормотал бирюк.

Она отравлена ядом Твари. Как с ним бороться, бирюк не знал, с такой бедой сталкиваться ещё не доводилось. Для него самого яд безвреден, а людей, выживших после встречи с Тварью, обычно не находилось. Надо же,

как глупо! Девочка выжила, но отравилась мясом. Глупо! Что делать? Агния выгнулась и зарычала. Глаза закатились, мышцы свело судорогой. Времени оставалось мало. Острым когтем он разрезал ей запястье. Девушка вскрикнула и обмякла. Ксим быстро достал небольшую ступку, дал крови стечь в неё. Замотал рану тряпкой. Потом вонзил коготь себе в руку. Широкий разрез, и в ступку потекла его кровь, гораздо темнее, чем у девушки. Она должна немного помочь, но в чистом виде может убить Агнию. Так же, как кровь девушки убьёт его, Ксима. Бирюк смешал содержимое, затем раскрыл девушке рот и влил туда часть. Но сама она из кошмара не выберется. Нужен противовес. Так что Ксим поморщился и допил остаток.

Видение накрыло без всякого перехода. Вот только что стояла изба и тут же — жёлто-синее марево Агнешкиного бреда. Сначала он увидел себя. Только почему-то глаза чёрные, без зрачков и радужки, во рту — клыки, а на руках — кровь.

«Таким она меня видит...»

Затем возникла знакомая поляна. Ярко-красный медяк солнца коснулся горизонта, обещая ветер. Агния у большой сосны разговаривает с Гнеем.

Миг, и Ксим в теле девушки. Парня не узнать. Что общего у этого русоволового молодца с мертвецом из погреба? Редкая борода, хитрые глаза.

— Обоим хорошо будет. Не станет он брать тебя в жёны. Я договорюсь.

— А тебе что с этого?

— Я своё получу, — кривая ухмылка Гнея пугает.

Но желание не идти замуж за Крута куда сильнее, и она соглашается.

— Стой здесь и жди, — велит парень, пощипывая бороду. — Позову, когда мы промеж себя всё решим. Ясно?

Девушка кивает. Гней отходит на десяток локтей и садится под деревом. Ожидание даётся Агнии тяжело. Плохие предчувствия и стыд жгут душу. Не хочет, не желает она замуж за Крута. Но и позора боится, если помолвку разорвут.

Неожиданно на полянке появляется Крут, осматривается и идёт прямо к брату. Они о чём-то разговаривают. Крут зол, его брат весел. А если всё пойдёт не по гневовой задумке? Как уберечься от злобы Крута? Парень горячий. Может и зашибить ненароком. Порывы ветра колышат ветви деревьев, а затем раздаётся визг.

Это может означать только одно.

— Где она?! — Голос Крута стремится ввысь к мрачному небу, но в нем не только злость. Что же ещё? Досада? Забота? Беспокойство? Он беспокоится за неё?

И Агния понимает: по-настоящему бояться стоит только Тварь. Девушка отзывается и выскакивает из-за дерева. Парень отшвыривает брата, страх на его лице сменяется облегчением.

— Пойдём отсюда!

Значит, он ей ничего не сделает? Крут подбегает к ней, обнимает за плечи:

— Ты в порядке, слава богам... Я б ради тебя и долю не пожалел бы...

Долю? Агния не знает, о какой доле идёт речь. Визг Твари бьёт по ушам, и парень вздрагивает. Одно это вселяет в девушку ужас.

— Быстрее, бежим!

Но сзади раздаётся вопль:

— Нет, она тебе не достанется! — и Агния уже знает, что речь не о ней.

Словно подтверждая её мысль, Крут тихо говорит:

— Отцовская доля покоя не даё...

В этот момент Гней бьёт брата в бок, и последние слова Крута тонут в крике боли. Агния цепенеет. Она не может сдвинуться с места и только наблюдает, как расплывается тёмное пятно на рубахе её жениха. Тот с рёвом отталкивает брата — Гней кубарем отлетает и остаётся лежать на земле. А Крут поворачивается к ней. Его лицо искажено болью, но он улыбается.

— Тварь не трогает спящих. И беспамятных...

Да, люди такое болтают. Агния судорожно кивает.

— Живи, Агнешка, — грустная улыбка, а затем сильный удар.

Последнее, что услышала девушка, — предсмертный вопль парня, которого догнала Тварь.

Перед глазами тёсовый потолок. В воздухе запах Агнии. «Кажется, начинаю привыкать», — с улыбкой подумал Ксим. Улыбка далась с трудом, не улыбка даже — так, лицо судорогой свело. Девушка, сидевшая на табурете у двери, встрепенулась и подошла.

— Ты проспал три дня. Думали, не выкарабкаешься. Тебя сюда перетащили, чтоб ты тихо помер, никого с собой не утащил. А ты бредил. Говорил, говорил... — она немного помолчала. Затем всё-таки взглянула Ксиму в глаза: — Ты знаешь, да?

Он кивнул, а затем спросил:

— Зачем мясо взяла?

— Ну, ты его ешь... и... — зашептала Агния, помолчала. — Стыдно мне, понимаешь? — почти выкрикнула она. — Не любила я его! На верную смерть привела, а он... Он мне жизнь спас!

— Так бывает.

— Нет, не так! А я... Я не хотела замуж за Крута! И даже говорила: «Тьфу, чтоб ты пропал!» И мясо съела... Думала, такой, как ты, стану. Совесть уйдёт... Не ушла.

Она подняла заплаканное лицо и взглянула на бирюка:

— Что же мне делать?

Ксим покачал головой.

— Не знаю.

— Знаешь! Ты же всё видел... Что мне делать, скажи?!

Бирюк пустыми глазами смотрел на девушку и молчал. Затем протянул руку и погладил её по голове.

— Знаешь, Агния, я не чувствую, как люди. А те чувства, что есть... Меня не учили идти против них. Чтобы стать, как я, нужно родиться мной. А я не знаю, что такое совесть. Правда.

Ксим немного помолчал, затем продолжил:

— Но я серьёзно отравился. Так что, кажется, понимаю, что у тебя на сердце. Мне даже жаль тебя, но... Пройдёт время, и я забуду, каково это — быть человеком. А ты... Ты справишься со своей печалью. Или не справишься, но тоже забудешь.

Агния поджала губы и вздохнула. Видимо, ждала совсем другого, но Ксиму нечего было ей сказать.

— Вот, значит, как. Тогда прощай, Ксим, — шепнула Агния. — Может, ещё свидимся.

— Прощай.

Они вышли из дома, девушка торопливо зашагала прочь. Бирюк не стал её удерживать.

На развилке Агния остановилась: одна тропка вела в деревню, другая — в лес. Она пошла в сторону деревни.

Ксим провожал её взглядом, пока тонкая фигурка не исчезла из виду, затем вернулся в дом. Нужно собрать инструменты. Вымыть ещё раз погреб. Сделать что угодно, чтобы унять тоску. Отравление рано или поздно пройдёт. А жизнь — нет. Всё будет, как прежде.

Однажды, когда солнце спрячется за кроны деревьев, он снова почует запах крови и мяты.

ЛЮБОВЬ СМУЛЬСКАЯ

Родилась в Киевской области, с 7 лет живет в городе Иванове, где окончила школу, а затем филологический факультет Ивановского государственного университета. Сфера интересов: искусство, литература. Печаталась в местной периодике.

НОВОГОДНЕЕ

Сегодня город
разбит на секторы праздника.
Фанфары огней,
Петарды и шорох хвои...

Эй, кто там с пушистой ёлки
ослабился — дразнится?
Да это же праздник!
Кто ещё цел — беги!

...Эти игрушки
будут расстреливать нас ночами,
Лучами,
Поодиночке...

БЕЗ ЧЕЛОВЕКА

Фреска

Над этим домом
Проплывало столько дней,
И вечеров, и утр,
Что полиняла крыша.
И смена положения ветвей
Считалась временем.
Дожди стучали тише,
Смывая очертания вещей...

Никто не знал,
Что значат эти травы.
И древний храм
Был скопищем камней.
Быть может, тех,
Что из застывшей лавы...
И в рыжих пятнах -
Крови или дней -
Ступени...

ОЛЕНЬ В ЗАЛЕ

Олень в зале
С пойманными глазами:
Сквозящими, как озёра...
Связать Им тебя не позорно ли?..

Как солнце искало зрачков
Твоих, осенённых ленью,
Когда негативом снов
Была твоя тень оленья
И с ветвями рогов
Сплетались ветви деревьев...

Застыв, как на гобелене,
Через мгновение — в Вене!

Свистели рога, когда
Врезаясь в громаду ночи,
Ты шлифовал бока
Ветром, лающим гончей!
Кровь пела в сухих ногах.

А утром клубились леса
Туманом дурманных зелий
И осыпалась в прах
Бахрома театральных елей.
И иней сквозил в глазах...
...И иней присыпал ресницы...
Как зеркала твои глаза,
Олень в зале музея...

МАРИЯ АРТЕМЬЕВА

МЕТАФОРА И ЕЁ ТРОПЫ

*(Продолжение статьи «Метафора — это...»**RedRum, ноябрь-декабрь 2015 г., электронная версия)*

Если бы Карл Линней, который пытался описать все разнообразие животного мира Земли с помощью простых и понятных классификационных таблиц, неожиданно увидел, что его «брюхоногие», «хордовые» и «беспозвоночные» беспрестанно скрещиваются между собой, рождая в странных союзах многочисленное, не похожее на родителей потомство или немыслимые сиюминутные химеры, или создают мощные конгломерации, объединенные коллективным разумом... В общем, всеми силами: брюхами, ногами, лапами и ложноножками бегут куда подальше от созданных специально для них уютных полочек и коробочек, на которых им следовало бы разместиться... Несчастный Линней мог бы просто тронуться умом. Как и любой другой на его месте.

К чему это мы? Да к тому, что в филологии проблема классификации еще сложнее, чем в биологии, потому что язык, речь, мышление — вещи взаимосвязанные и живые. Если ли на свете что-то подвижнее мысли? Схватить мысль — задача отнюдь не проще, чем поймать быструю частицу в каком-нибудь коллайдере. Схватить, запечатлеть, описать.

Философы и филологи занимаются этим со времен античности. (Кстати, знаете ли вы, что для древних греков эти два слова имели, по сути, одно значение? Корень «фило» — «люблю»; «софия» — мудрость, ум, «логос» — слово и мысль одновременно, то есть, сознание. Фактически, философы и филологи занимались одним предметом: изучали мыслительный аппарат — разум.)

Пытаясь систематизировать различные художественные приемы и средства выразительности речи, в течение веков ученые втискивали всевозможные языковые явления в узенькие рамки терминологии.

И двигались примерно тем же путем, каким шел Карл Линней и его коллеги-биологи. Академическое наследие, завещанное нам языковыми «естествоиспытателями» — изобилие довольно путаной терминологии в учебниках риторики и основ стилистики.

С этой академической точки зрения — метафора есть троп.

ТРОПЫ

«Троп» — (греч. *tropos* — поворот), оборот речи. Современные учебники русского языка относят тропы к «лексическим средствам выразительности речи». (В отличие от фигур — синтаксических средств выразительности речи.)

По утверждению античного автора Квинтилиана: *«Троп есть изменение собственного значения слова или словесного оборота, при котором получается обогащение значения. Как среди грамматиков, так и среди философов ведется неразрешимый спор о родах, видах, числе тропов и их систематизации».*

Здесь стоит обратить внимание на слова — «обогащение значения». Современная филология и семантика как раз стараются исследовать выразительные средства речи и языка в их неразрывной связи с мышлением, то есть — изучая смыслы.

Перечислим основные виды тропов: *метафора, метонимия, синекдоха, гипербола, литота, эпитет, сравнение, ирония, антономасия, металепсис, перифраза, эвфемизм* и др.

Если со всей дотошностью вникнуть в определения тропов, можно заметить, что в основе каждого из них так или иначе лежит лексическая метафора — метафора как художественный образ, созданный путем приращения смысла к основному слову. Это может быть сравнение, сопоставление, ассоциация по свойствам и признакам предметов, отдельным или общим, перенесение свойств или замена одного предмета или явления на другие и т.д и т.п.

Метафора — это способ художественного мышления, поэтому деление тропов на виды и роды — весьма условно.

Возьмем, к примеру, такой распространенный вид тропа, как сравнение. Этому тропу детей учат еще в школе. Сравнение — троп, в котором приращение смысла к основному слову производится путем сопоставления его с другим по общему признаку. Как правило, в сравнениях используются вспомогательные слова «будто», «словно», «подобно». И это — единственное, чем сравнение отличается от эпитета — весьма формально.

Если написать: «старость подобна осени жизни» — это будет сравнение. Если вспомогательное слово опустить и написать: «старость — осень жизни» — это будет эпитет.

Эпитет определяет основное слово, добавляя к его значению новые качества так же путем сравнения, прямо («серый день») или в переносном смысле («холодный взгляд») или вовсе придавая слову противоположное значение («образованность дикаря»). Без использования вспомогательных слов.

Если перифраза заменяет слова иносказательным описанием («Тот, кого нельзя называть»), то эвфемизм — делает то же самое, что перифраза, но заменяет

слово неприличное или табуированное («Пятая точка»). Легко заметить, что и в том, и в другом случае могут использоваться сравнения слов по признакам, отдельным или общим, и слова могут употребляться как в прямом, так и в переносном значении.

Все определения тропов знать надо. Для общего развития. Это полезно так же, как хождение по музеям, изучение там любопытных экспонатов... Главное — не особенно при этом задумываться.

А то вдруг вскочит в голову вопрос: разве ирония не может быть выражена гиперболой, а эвфемизм разве не есть в некоторых случаях сравнение? И все! Все спуталось в доме Облонских...

Вот что это было сейчас — перифраз, сравнение, ирония? Прежде всего — это была цитата :) Но в контексте данного текста — иронический перифраз, основанный на сравнении ситуаций.

Для любопытствующих мы приведем ниже список определений наиболее известных тропов с классическими примерами. В качестве иллюстрации к тому, о чем мы тут рассуждали — попробуйте самостоятельно подобрать примеры к каждому из описанных там тропов.

А мы между тем добрались до самой сути в исследовании метафоры. Потому что на нашей сцене появился «контекст» — та самая штука, которая объясняет, собственно говоря, основной механизм действия метафоры.

Но об этом — в следующий раз.

ТРОПЫ

АЛЛЕГОРИЯ (греч. *allegoria* — **иносказание**) — передача отвлеченной мысли, идеи или понятия путем создания сходного художественного образа (лев — сила, власть; правосудие — женщина с весами). По смыслу — сильно разросшаяся метафора. Для создания аллегории используются не только фразы, но и целые литературные произведения. В связи с чем некоторые авторы относят аллерию не к тропам, а к фигурам речи.

АНТИФРАЗ — употребление слова в противоположном смысле. («герой» (вместо — «трус», «мудрец» — вместо «тупица»).

АНТОНОМАСИЯ (латинское *pronominatio*) — замена собственного имени заимствованным прозвищем. (Вместо «Сципион» — «разрушитель Карфагена»).

ГИПЕРБОЛА (греч. *hyperbole* — **преувеличение**) — разновидность ЭПИТЕТА, основанного на преувеличении («реки крови», «море смеха»).

ГРОТЕСК (франц. *grotesque* — **причудливый, комичный**) — изображение

людей или явлений в фантастическом, уродливо-комическом виде и основанное на резких контрастах и преувеличениях. («Взъярённый, на заседание врываюсь лавиной» (В. Маяковский))

ИНВЕКТИВА (позднелат. *invectiva oratio* — **бранная речь**) — резкое обличение, осмеяние реального лица или группы лиц; разновидность сатиры. (Известное стихотворение Лермонтова «На смерть поэта» является инвективой — обличительной речью, обвинением). Часто относят к фигурам речи.

ИРОНИЯ (греч. *eironeia* — **притворство**) — насмешка, выраженная иносказательно. В контексте слово или фраза приобретают противоположный высказанному смысл, либо ставящий его под сомнение. («Где уж нам, дуракам, чай пить?» Ильф и Петров). Иронию часто относят не к тропам, а к фигурам речи.

КАТАХРЕЗА (греч. *katachresis* — **злоупотребление**) — сочетание несовместимых по значению слов, образующих некое смысловое целое («поедать глазами»). Разновидность оксюморона.

ЛИТОТА (греч. *litotes* — **простота**) — противоположность гиперболы; эпитет, использующий намеренное преуменьшение («мужичок с ноготок»). Другое название литоты — мейосис.

МЕТАЛЕПСИС (латинское *transumptio*) — замена слова другим по его сходству с одним из значений этого другого слова. («Десять жатв прошло...» М. Ломоносов. «Жатва» — подразумевает «лето», а «лето» — «год»).

МЕТАФОРА (греч. *metaphora* — **перенесение**) — троп, содержащий в себе скрытое образное сравнение или перенос свойств одного предмета или явления на другой на основании общих признаков («работа кипит», «лес рук», «тёмная личность»). В метафоре, в отличие от сравнения, слова «как», «словно», «как будто» опущены, хотя подразумеваются.

МЕТОНИМИЯ (греч. *metonymia* — **переименование**) — замена одного слова или выражения другим на основе сходства в переносном смысле («пенящийся бокал» — вместо «вино пенится в бокале»; «лес шумит» — вместо «листва деревьев шумит»).

ОКСЮМОРОН (греч. *oxymoron* — **остроумно-глупое**) — интригующее сочетание противоположных по значению слов. («живой труп»).

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ (оно же — **прозопопея, персонификация**) — вид метафоры; перенесение свойств одушевленных предметов на предметы неодушевленные («река играет», земля проснулась).

ПЕРИФРАЗА (греч. *periphrasis* — окольный оборот, иносказание) — замена одного слова описательным выражением, передающим смысл («царь зверей» — вместо прямого названия — «лев»).

САРКАЗМ (греч. *sarkazo*, букв. — рву мясо) — особенно презрительная, язвительная насмешка; высшая степень иронии. («Впал в административный восторг...» — Ф.Достоевский).

СИНЕКДОХА (греч. *synekdoche* — соотнесение) — троп и вид метонимии, называние части вместо целого или наоборот («бить немца»).

СРАВНЕНИЕ — слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому, одной ситуации — другой. («сильный, как лев», «сказал, как отрезал»). В отличие от метафоры — обязательно присутствие вспомогательных слов «как», «как будто», «словно», «подобно» и др.

ЭВФЕМИЗМ (греч. *euphemismos*, от *eu* — хорошо, *phemi* — говорю) — замена неприличных или грубых слов и выражений более деликатными (вместо «беременная» — «готовится стать матерью», вместо «толстый» — «полный»).

ЭПИТЕТ (греч. *epitheton* — приложение) — образное определение, художественно характеризующее кого-либо или что-либо («парус одинокий», «роща золотая»).

Мария Артемьева и авторы
проекта «Самая страшная
книга» представляют:

Темная сторона сети

спрашивайте в книжных
магазинах!

БАНЯ

Дежурный по рубрике:

Александр Матюхин

Автор препарируемого текста:

Дмитрий Стебловский

Сережа, хрипло дыша, мчался школьным двором.

Сердце стучало, в боку кололо, однако он не мог остановиться. Иначе ему конец. Он мысленно проклинал Артема, который вчера вечером подбил его пробраться на чердак женской бани, чтоб подглядывать за купанием работниц с завода. «Сто процентов можно сиськи увидеть» — подстрекал он товарища.

Час назад, когда солнце уже клонилось к закату,

ребята тихонько перелезли через старый дощатый забор и, гуськом перебегаая меж деревьями, приблизились к старой бане, что находилась возле школы. Баня обслуживала работников с завода фосфатных удобрений.

По словам Артема, через щель в потолке **там** можно было увидеть

все душевые кабинки.

По пожарной лестнице мальчики **вылезли**

наверх.

Стараясь не шуметь, **глотаая пыль,**

они поползли на животах к заветной дырке. Вот она, обозначенная слабым пятном света, исходящим снизу.

Заговорщицки переглянулись, услышав шум воды.

Притихли, стукнулись лбами и начали заглядывать в дыру в потолке.

И тут же замерли от испуга.

Сережа даже немного письнул в штаны, но внимания на это не обратил.

Первое предложения вышло кривым. Рассказ построен на темпе, беге, движении, а тут сразу сбиваешься на запятых. «Сережа мчался через школьный двор» — на мой взгляд, выглядело бы ровнее и правильнее. Глагол «мчался» указывает на динамику, про дыхание тут лишнее. Ну и, забегая вперед, никакого школьного двора в итоге не было. Он бегал по территории бани.

Опять же, «мчался школьным двором», конечно, слегка литературно, но лучше «через школьный двор» или «по школьному двору» — русский язык привык к конкретике, чтобы слушатель (читатель) сразу видел картинку.

Много местоимений и вводных моментов, которые сильно сбивают начальный темп. Рассказ короткий, он должен быть хлестким и быстрым. Читателю, как правило, не интересно, колело в боку или нет. Ключевые моменты: мчался, страх, что-то произошло. Про Артема, баню и сиськи я бы вообще убрал — ниже все равно рассказывается тоже самое, только другими словами

Если этот абзац не удалять, то надо подправить: либо «вчера вечером», либо все же «час назад»

Лучше написать «вечером» или, «незадолго перед закатом»

Слишком много лишней информации, которая никак не играет на текст. Если забор еще как-то оправдан, то про завод удобрений — зачем? Для атмосферы ничего не дает. Если автор хотел намекнуть, что этот завод — причина того, что произошло, то надо это сделать как-то более явно

И вот тут логичнее было бы добавить про «сиськи»)

Наверное, все же, «залезли» или «поднялись»

На крышу бани — так точнее

Лишнее

Как минимум с улицы вечером можно увидеть, что в бане горит свет.

Кривое предложение. Много последовательных глаголов, не играющих на темп. Переглянулись, услышав, притихли, стукнулись, начали заглядывать. С точки зрения стилистики очень неровно. Ну и словосочетание «начали заглядывать» само по себе неверное. С учетом происходящего дальше, логичнее написать «заглянули»

Очень «детское» предложение. Персонажи и так не сильно двигались — это раз. Можно придумать что-то более изящное — это два. Звучит как будто автор не придумал перехода между двумя абзацами и воткнул штамп, прилетевший в голову

Понятно, что хотел сказать автор, но звучит снова «по детски».

Среди большого помещения, обложенного старым кафелем, происходило какое-то страшное и кровавое действо.

Вокруг тела, дергающегося в смертельной агонии, скопилась куча голых уродливых существ. Они жрали, рвали беднягу, разрывали его плоть и сосали кишки, что гирляндами свисали с их цепких пальцев.

Твари обладали женским телами, груди тряслись от их движений, однако ребята

уже и забыли о своем возбуждении.

Они почувствовали себя маленькими и захотели домой.

— Это они сторожа дядю Васю жрут, — прошептал Артем. — Вон его берцы — как всегда, в говне.

Сторож был нормальным дядькой, всегда угощал их сигаретами и рассказывал пошлые анекдоты. Они даже песенку о нем составили: «Дядя Вася — добрый человек, у него в кармане чебурек». Веселый и свой в доску мужик. Сейчас дядя Вася выглядел совсем не жизнерадостно.

Существа хорошо справлялись — половина скелета белела при свете тусклой лампочки.

Только Сережа подумал о том, чтобы петлять отсюда, как Артем, сволочь, в лучших традициях дешевых ужастиков, отпрянул от зловещей картины вниз, вскочил и споткнулся об какой-то хлам. С визгом упал, бешено дергая ногами.

Снизу послышался радостный

и хищный вой.

«Они слышали нас» — понял Сережа.

Забыв о товарище, он на четвереньках метнулся к выходу.

Не слез — сполз по металлической лестнице, больно ударяясь коленями.

Только ноги коснулись земли, парень помчался к воротам.

Позади сопел и хныкал Артем.

Вроде бы должны быть кабинки. Т.е. помещение может и больше, но если его занимают душевые кабинки, то «среди» помещения уже сложно скопиться существам.

Не указано, что за тело (человеческое? Раз в бане есть не только люди, то уже необходимо уточнять), живое или нет. Где оно лежало (стояло? Сидело?). Этим абзацам как раз очень не хватает живых описательных штрихов, создающих атмосферы. Только что был темп — теперь резкий переход в кошмар.

У них его и не было — об этом нигде ранее не упоминалось.

Снова «детская» фраза. Она явно лишнее. Лучше постараться описать их эмоции другими словами

Свежие кости не белые, тем более в тусклом (подозреваю- желтом) свете. Неудачная фраза, лучше заменить

Очень кривое предложение. Его нужно разрезать и сократить. «Отпрянул от зловещей картины внизу» — такие фразы вообще надо искоренять. Чем проще описательность действий — тем лучше для динамики. Опять ошибка в употреблении глаголов. Подумал, отпрянул, вскочил, споткнулся, упал, дергая — это все в двух коротких предложениях. Подумайте, как написать тоже самое, но изящнее.

И отдельно правило употребление «о» и «об»

Ни разу не слышал радостный вой

Лишнее предложение. Автор объясняет читателям очевидную вещь.

На крыше не бывает выходов, я подозреваю. Лучше подправить.

Они перелезли через забор. Логичнее было бежать туда, откуда пришли. Про ворота ранее речи не было.

Однако там их ожидали.

Окровавленная морда с горящими глазами выткнулась из прорехи в заборе и натужно завывала.

Через верх перевесились

скользкие розовые тела, жадные стоны зазвучали в унисон.

Назад! К школе!

Но снова, когда, казалось, спасение было близко, их встретила толпа чудовищ, тряся когтями и грудями.

Сергей понял, что вдвоем они не спасутся. Он замер, резко повернулся к Артему и толкнул его в грудь.

Тот упал, недоуменно посмотрел на друга и заревел.

— Ты у меня когда-то машинку украл, — пробормотал Сережа и, не оглядываясь, бросился наутек.

За спиной раздался душераздирающий крик, который резко оборвался, сменился чавканьем и хрустом.

Рваные тучи разошлись, оголив кровавый полумесяц, задул пронизывающий северный ветер. Его завывание гармонично сплелось с удовлетворенным рычанием, раздающимся из темного угла, куда не доставал лунный свет.

Лишнее. Прямой переход к существам, перелезающим через забор более логичен и играет на темп.

Кривая фраза. Через какой верх?

К какой школе? Они же были на территории бани завода и до школы не добрались

Тоже кривая фраза. Спасения близко не было. Судя по действиям, они просто бегали к забору и обратно, к бане.

Непонятно, почему такой вывод. К тому же, упоминалось, что Сергей и до этого не думал о друге. т.е. посыл понятен — Сергей решил пожертвовать другом, чтобы отвлечь внимание чудовищ от себя (кстати, заезженный такой штамп), но подан он очень криво и внезапно. Надо переделать.

Вот это кстати, хорошо.

Понятно, что хотелось закончить в таком духе, но лучше перед этим упомянуть, что Сергей все же сиганул через забор или что-то в таком духе. Остается ощущение недосказанности в любом случае.

ВАСИЛИЙ РУЗАКОВ

ХОРРОР-РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ?

С точки зрения многих читателей, в России хоррора нет, и не было — примерно как секса в СССР, по знаменитому утверждению некой участницы телемоста времен перестройки. Тем не менее, в отечественной литературе он мог бы появиться едва ли не раньше, чем в мировой.

Берясь за разговор о самом понятии «хоррор», часто чувствуешь себя собакой из известного анекдота: все понимаешь, но сказать ничего не можешь. Вроде бы все знают, что такое «литература ужасов» и могут показать примеры, но никто не может внятно сформулировать четкое определение. Еще сложнее точно указать корни жанра и начало его зарождения.

В самом деле: представьте себе, что читаете книгу, в которой речь идет об аристократическом поместье, в которое по ночам вламывается чудовище и пожирает людей — причем это продолжается до тех пор, пока не находится мужчина, способный дать противнику отпор. Скажите: хоррор это или нет? А если нет, то почему?

Между тем, книга, о которой идет речь — англосаксонская поэма «Беовульф», классика мировой литературы.

Иногда, если говорить честно, вообще складывается впечатление, что хоррор — не жанр как таковой, а прием. Возьмите «Собаку Баскервилей» Конан Дойля: по многим формальным признакам (жуткая атмосфера, намерение напугать читателя и т.п.) — это чистейшие готические ужасы. И даже то, что объяснение у событий оказывается рациональным — ничего не меняет: во «Франкенштейне», например, тоже все объясняется наукой. Даже если представления Мэри Шелли о возможностях этой самой науки расходятся с нашим опытом и убеждениями.

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА...

Любопытно, что в англоязычных источниках (изученных значительно лучше отечественных) обязательно отмечается две особенности: хоррор происходит

от сказок и мифов — если, конечно, мы говорим о его мистической ветви, а не о психологических триллерах. И, во-вторых, — он часто сближается с фэнтези, особенно с так называемым «темным фэнтези». Иногда даже высказывается мысль, что то ли хоррор — поджанр фэнтези, то ли наоборот.

Но тут возникает второй важный вопрос: а когда, в таком случае, миф и сказка становятся хоррором? Или фэнтези, если уж на то пошло? Относится ли к ним «Франкенштейн»? А «Беовульф»?

Мне кажется, именно сближение хоррора с фэнтези дает ключ к пониманию вопроса. Миф превращается в фэнтези, когда из достоверного для слушателя рассказа о реальном событии становится ностальгической историей в духе «а вот раньше деды не на самолетах, а на драконах летали». Точно так же миф становится хоррором, когда рассказывает о чудовищах, в реальное существование которых мало кто из слушателей верит. Вряд ли многие из читателей «ужастиков» всерьез боятся столкнуться с вампиром или оборотнем.

Именно здесь и проходит водораздел: для тех англосаксов, которые слушали «Беовульфа» от бардов, Грендель и драконы были непреложной реальностью — может быть, они и не сталкивались с ними в реальной жизни, но верили, что их деды (или прадеды) с ними встречались.

На этом и остановимся, как на «рабочем», пусть и не исчерпывающем определении: хоррор — это рассказ о мистических событиях, призванный напугать слушателя, не смотря на то, что он, слушатель, по-настоящему не верит в реальность этих событий.

Ким Ньюман, критик, много писавший о жанровом кино и литературе, объединившись со Стивеном Джонсом, возможно, самым авторитетным современным редактором, выпускающим антологии хоррора, написали монографию, в которой предоставили современным писателям прокомментировать классические хоррор-произведения. Начинается их список с... «Доктора Фауста» Кристофера Марло и «Макбета» Уильяма Шекспира. Интересно, что по формальным признакам к хоррору обе пьесы отнести можно: в первой есть дьявол и хватает примеров колдовства, во второй — и вовсе действуют ведьмы и их богиня, Геката. С другой стороны — и по постановкам «Макбета» это проследить не сложно — чаще всего долю сверхъестественного в этом произведении пытаются уменьшить: к примеру, сцену с появлением Гекаты часто вообще пропускают.

А с точки зрения нашего, приведенного выше определения, — это еще вопрос, являются ли эти памятники драматургии хоррором в чистом виде. Известно, верил ли сам Марло в возможность сделки с дьяволом, но часть его аудитории наверняка считала это вполне возможным. Точно так же и Шекспир мог

не верить в ведьм, предсказания и шабаши — но король, вниманию которого и предназначалась эта пьеса, писал трактаты по демонологии и ведьмовству. Так что аудитория великих драматургов вполне могла воспринимать эти рассказы как вполне реалистические.

Интереснее, мне кажется, другое: наши британские соратники по увлечению, совершенно не смущаясь, записывают Шекспира, основателя английского литературного языка и светило мировой драматургии, в авторы «ужастиков». Русские литературоведы в схожей ситуации стыдливо отводят глаза и идут на что угодно, лишь бы не дать замарать святые имена классиков.

АРШИНОМ ОБЩИМ НЕ ИЗМЕРИТЬ...

«Давно пора бы, вашу мать, умом Россию понимать...» — примерно так в свое время выразился известный поэт-иронист Игорь Губерман. Хм. Что ж... Давайте попробуем, как это мы уже проделали с «Беовульфом», вспомнить несколько сюжетов.

Человека преследует злой дух, ожившая статуя...

Мужчине отрезает голову трамваем, и писатель детально и со вкусом выписывает все подробности трагического события...

Ведьма превращается в зомби и преследует того, кто пытается упокоить ее дух...

Уверен, вы узнали перечисленные сюжеты, но... Как?! Это хоррор? Но это же классика, да? Там же дело совсем не в этом! Там глубокие мысли, широкое содержание... Покажите, пожалуйста, мне у серьезного литературоведа определение хоррора, в котором указано «произведение, которое относится к этому поджанру, обязано быть тупым и бессодержательным». Тогда я соглашусь, что «Медный Всадник», «Мастер и Маргарита» и «Вий» никоим образом к этому низкому жанру не относятся.

Более того, подобно тому, как большинство лингвистов, кажется, сходятся на том, что родоначальником современного русского литературного языка стал Пушкин, я бы сказал, что родоначальником русского хоррора мог бы стать Гоголь — если бы этого передового, тонкого и сильного писателя не погубила литературная среда того времени.

Возьмите, перечитайте его первую книгу — пресловутую поэму «Ганц Кюхельгартен». Там совершенно серьезно описывается мертвец, встающий из гроба — с полной опорой на немецкий романтизм. Впрочем, в подобной стилистике работал еще Жуковский с его мистическими балладами — это как раз была не новость для русской литературы. Новостью было скорее то, что умница Набоков в своем эссе о Гоголе обозначил как «природную украинскую

жизнерадостность» — и нотки ее проскальзывали в поэме заменой немецкой романтике, совершенно чуждые. Впрочем, это и правда была довольно слабая «проба пера» — и можно понять, почему автор пытался уничтожить тираж уже изданной книги.

А вот «Вечера на хуторе близ Диканьки» — это уже мощное, хотя и несколько неровное в композиционном плане произведение, с точки зрения хоррора — безусловно, новаторское. Расскажите-ка мне, а кто в те годы мог похвастаться сборником мистических повестей, густо замешанных на национальном фольклоре и быте, да к тому же предельно разнообразных стилистически? Ну, на самом деле можно упомянуть тех же немцев — Гофмана и Гауфа, например. Но Гоголь был все-таки ощутимо разнообразнее и сильнее опирался на национальный фольклор. Не стоит забывать при этом, что украинские обряды и сказки не были для него повседневностью, которую он хорошо знал и потому использовал в творчестве. Подготовка к этим повестям потребовала от него специальных исследований, он часто писал своей матери с просьбой прислать нужную информацию.

ЧТО МОГЛО БЫ БЫТЬ...

Напомню, что Гоголь опубликовал «Вечера на хуторе близ Диканьки» в 1831–1832 годах, а «Дракула» Брэма Стокера, с которого и принято отсчитывать хоррор как таковой, вышел в 1897 году. И тем не менее — у Гоголя мы уже находим многие приемы, характерные для последующего жанра «ужасов» и заметное разнообразие стилистики и атмосферы. Даже само отношение к мистическим силам явно различается от истории к истории: где-то они кажутся всесильными и могучими, как в «Страшной мести».

Эта повесть обладает запутанным сюжетом, в ней можно проследить влияние немецкого романтизма и на ее страницах совершенно серьезно подается противостояние злого колдуна и могущества христианства. При этом в других повестях сборника — совсем другое настроение: в «Пропавшей грамоте» бесовские силы поданы в ироническом ключе, а в «Ночи перед Рождеством» автор посмеивается не только над нечистой силой, но и над служителями церкви.

С другой стороны, в той же «Майской ночи, или Утопленнице», не смотря на иронию по отношению к властям и любовное выписывание выходок молодежи, хватает и настоящей романтики, и жути.... Сцены с ведьмой, знаете ли, и сейчас способны пощекотать нервы.

Чтобы понять всю гениальность работы Гоголя с материей хоррора — жанра,

которого, повторяюсь, на тот момент в чистом виде еще не существовало — стоит провести эксперимент, который у меня в детстве получился совершенно случайно. Впервые еще школьником читая эту книгу, я случайно то ли пропустил, то ли недопонял один абзац в «Сорочинской ярмарке» — тот, где цыган договаривается с главным героем обвести вокруг пальца родителей его невесты и добиться согласия на брак. И, соответственно, я воспринял всю эту чертовщину с красной свиткой и явлениями говорящей свиньи совершенно серьезно. Попробуйте, перечитайте именно с таким настроением — и вы поймете, что это довольно жуткое произведение. А потом прочитайте, понимая, что все это — только розыгрыш и увидите, насколько гениально играет Гоголь с этой страшной и смешной атмосферой, словно предвосхищая популярные гораздо позднее комедии ужасов.

Словом, практически весь этот сборник мог бы стать началом хоррора как такового и, боюсь, его современники просто не поняли, с какой великой книгой столкнулись. Часто цитируется высказывание Пушкина: «Сейчас прочёл Вечера близ Диканьки. Они изумили меня. Вот настоящая весёлость, искренняя, непринуждённая, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия!.. Всё это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился...» Боюсь, даже Александр Сергеевич недооценил, насколько новаторской и сильной была эта книга.

К сожалению, в ней же заложены и семена падения — причем как Гоголя, так и вообще русской литературы. «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка» — небольшая, сюжетно незавершенная история, которая откровенно не вписывается в книгу, но зато дает образчик «реалистической» прозы, с которой чуть позже Белинский будет носиться, как курица с яйцом. Ну да, захватывающая история о дрязгах помещиков из-за клочка земли и о том, как они обедали, приезжая друг к другу в гости. Великая, небывалая в то время литература, чего уж там...

В дальнейшем Гоголь и сам, под чутким руководством худшего критика в истории литературы, развился в мастера бичевать взяточников и живописать аферистов. Но стоит понимать, что реализм, происходивший от французского натурализма, это частный случай, одно из направлений литературы — и не само важное. Чтобы расправиться с «натурализмом» школы Золя, помнится, его бывшему стороннику Гюисмансу хватило пары страниц — в предисловии к такой эпохальной книге как «Наоборот».

Просто откройте список писателей 19 века за рубежом и в России, чтобы понять, насколько обеднела русская литература в те годы, ограничивая себя суконным реализмом. Если взять только основные имена, которые до сих пор

на слуху, то в Англии творили Вальтер Скотт, Конан Дойль, Шеридан ле Фаню, Райдер Хаггард, Оскар Уайльд, Уилки Коллинз. Вы вправду считаете, что Добролюбов и Чернышевский могут составить конкуренцию им всем, оптом? Даже если вспомнить Тургенева, Толстого и прочих наших классиков — по жанровому разнообразию они сравнимы с несколькими перечисленными именами? Исторический роман, мистическая повесть, приключенческая литература, начала фантастической литературы и да, литературы ужасов — все это приходится на 19 век, когда наши писатели — действительно потрясающего уровня, кто бы спорил — увлеченно разбирали, можно ли считать нигилистов полудурками или за ними будущее? Или — не менее животрепещущий вопрос — позволительно ли лежать всю жизнь на диване или надо непременно доставать всех ближних и дальних с активностью, неважно, насколько осмысленной?

В чем-то поведение наших критиков тех лет похоже на новомодную американскую политкорректность. Помните: настоящая литература должна бичевать пороки общества и, желательно, рассказывать, как плохо живет крестьянам. А теперь сравните: не важно, о чем произведение, но там должно говориться, что мужчины — свиньи, угнетающие женщин, а среди героев обязательно должны быть гомосексуалисты и негры. Иначе это — плохое произведение. Хотя, казалось бы, мысль о том, что литература вообще ничего и никому не должна — довольно очевидна.

Причем, что обидно: Белинский давно уже умер, а дело его живет — до сих пор принято стыдливо поджимать губки при упоминании хоррора и недооценивать те его ростки, которые таки пробились сквозь бетон критики. Блок написал «Двенадцать», которыми до сих пор, наверное, мучают школьников. Хоть один учитель рассказывал детям о его же цикле «Черная кровь» — мощной и завораживающей поэзии, которая прямо вдохновлялась «сами знаете какой» книгой Стокера? Булгаков, в лучшем романе которого летают ведьмы, преследуют героев вампиры, а над всем этим царит фигура самого Сатаны — нет, что вы! Это никакой не роман ужасов! Ага, реализм школы Белинского, не меньше...

Сдается мне, что пока мы не научимся спокойному отношению к этому вопросу, не поймем, что если к хоррору можно отнести Шекспира и Марло, то и Блок, Гоголь и Булгаков тоже творили в этом жанре — серьезного понимания литературы от нас дожидаться невозможно.

Русский хоррор мог бы развиваться с начала XIX века, едва ли не первым во всей мировой литературе — но, по сути, пробивается к читателю только сейчас, в начале XXI века. И это и есть та великая хоррор-Россия, которую мы потеряли.

Редакция RR обратилась к нашим постоянным авторам и экспертам с просьбой прокомментировать статью

ПОЭТ И ПИСАТЕЛЬ МАКСИМ КАБИР:

” Является ли «Макбет» хоррором в чистом виде? Задавая такой вопрос, уместно иногда лукаво подмигивать публике: мол, спокойно, Стив, я дурачусь. Никого не сталкиваю с парохода современности, а просто перетасовываю пассажиров из разных классов. В чистом виде — интеллектуальный панк-рок, ведь к панку тоже относят порой что угодно: Гевару, Элвиса, Хармса, Христа... Какой-нибудь режиссёр-новатор, сфокусировавшись исключительно на ведьмах и отринув всё прочее, может сделать из «Макбет» ужасы. Сплаттер. Или порно-фанфик. Да что угодно! Но Марло с Шекспиром не писали хоррор, как бы нам того не хотелось. Не писали и всё. Почему? Ну, Бог его знает, предпочитали другие жанры.

Кстати, о Боге. В одной толстой книге фигурируют призраки, восставшие мертвецы, одержимые свиньи а-ля Клайв Баркер, сексуальные красотки на зверюгах, Люцифер и скачущие мохнатые твари. Так может быть?... Нет, нет, увы. Можно даже не богохульствовать лишний раз. Но вот корни, следуя логике «хоррор, если мистическую составляющую воспринимали всерьёз туповатые современники», следует искать как раз там. И у греков. И у арабов.

У Шекспира была немного иная цель. Как и у Булгакова или Леонида Леонова, автора прекрасной «Пирамиды», которые помнили вспыхнувшую на рубеже веков моду на бульварную мистику и использовали всю эту бутафорию в своих, мирных целях. Вот некоторые критики считают, что дьявольщина в «Мастере» призвана привлечь внимание главного читателя той поры — Иосифа Виссарионовича с его довольно вульгарным литературным вкусом. Пушкин, чуткий к западным веяниям, вслед за Байроном, Кольриджем, поэтами озёрной школы, написал мистическую повесть, но пугались ли её читатели девятнадцатого века?

Я проглотил «Пиковую даму» в одиннадцать лет, не испугался и поставил на одну полку с любимым Лермонтовым, а не любимым Эдгаром По. Хотя Лермонтов — тоже про демонов. Да, могучая традиция реализма лишила русских и советских читателей своих Стокеров и Шелли, но отчего мне не тоскливо? Гоголь, спору нет, он не Крым, он и наш, и ваш. А вот Толстого сравнивать с Ле Фаню и Уилки Коллинзом, упрекая в том, что он не писал о вампирах или сокровищах? Заменять гениальную поэму Блока на его же проходные и вторичные вещи (зато льстящие нашему брату, которому скучно читать поэзию без вурдалаков, ещё и про страшных большевиков)? Вы же при этом подмигиваете, дорогой автор? Хоть немного подмигиваете, да?

ПИСАТЕЛЬ АЛЕКСАНДР МАТЮХИН:

” Мой коллега по работе, узнав, что я пишу хоррор, спросил: «А нормальное что-нибудь можешь?» Когда он через пару месяцев наткнулся в интернете на мой рассказ из так называемой «высокой» литературы, восторгу его не было предела. Коллега хлопал меня по плечу, всячески нахваливал и заявлял: «Вот! Не перевелись еще на земле нормальные писатели! Вот же написано — прозаик! А не какой-то там писатель ужасов».

Этот момент из жизни как нельзя лучше отражает суть данной статьи — хоррор до сих пор считают «нишевым» жанром, которому за пределами кучки фанатов делать попросту нечего.

Но с другой стороны, я бы хотел спросить — а надо ли вообще выбираться из этой ниши? По крайней мере, сейчас? Подражания, сравнения и погоня за чем-то никогда не идут на пользу развитию. В последнее время было потрачено много сил, чтобы отделить хоррор от фантастики, признать свою независимость, так сказать. Сдается мне, это и есть нормальный путь. Не стоит завидовать, что «большая» литература получает большие же премии, а фантастика (кстати, на мой сугубо личный взгляд — сильно подпортившая себе имидж именно заигрыванием с «большой» прозой) вроде как любима в народе и хорошо продается. Так зачем? Если жанр хоррора начнет развиваться индивидуально, не опираясь на другие жанры, не заимствуя, не заискивая, то вполне определенно рано или поздно возникнут образцы литературы — романы, повести, рассказы — которым будут завидовать уже другие. По этой дорожке и надо идти, не оглядываясь.

МАРИЯ АРТЕМЬЕВА, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР RR:

” Надеюсь, вы заметили, дорогие читатели, что в данной статье мы имеем дело с попыткой сделать Россию не только родиной слонов, но и хоррора? Что, безусловно, и смело, и свежо. Но ведь в самом деле — почему бы и нет? Отечественным литературоведам надо обратить на это внимание.

Вопросы приоритета, — они же, как правило, и престижа, решаются, прежде всего, в академической среде. А русская академическая среда русской литературе — должна. С этой претензией автора нельзя не согласиться.

И если некоторые моменты в статье заострены нарочито, для пущей полемичности, то вот существенная нехватка в отечественном литературове-

дении некоторых теоретических обоснований видна невооруженным глазом. Иначе мы бы не спотыкались теперь о такие изначальные элементы, как «четкое определение хоррора» или вопрос о том, что же такое вообще этот самый хоррор — жанр или прием?

Я вот думаю, что хоррор — это художественный прием, который путем частого использования (увеличения количества) перерастает в жанр (качество). Точно так же стали когда-то литературными жанрами рассказ, повесть, новелла, роман, баллада, романс, сказка, кайдан...

С четким определением хоррора потому и туго пока, что процесс рождения жанра происходит в настоящем времени и это затрудняет классификацию.

В авторском определении говорится лишь об одной из возможных модификаций (наиболее близкой автору): о хорроре мистическом. Начисто отброшен хоррор реалистический (триллеры, слэшеры) и фантастический (все, что нереально, но может существовать с точки зрения науки — космический хоррор, например). Конечно, эта тема требует тщательного изучения и дискуссии.

Тут в области нашего литературоведения зияет серьезная лакуна. И на одного Белинского все не свалишь. Притом, что куда больше неприятностей нашей литературе принесли идеологические рамки и заслоны, поставленные литературоведению, как науке, в советское время...

В действительности мы просто не знаем толком собственную литературу. Огромная часть авторов оказалась в тени, на задворках. Так называемые «писатели второго плана» фактически не существуют — они не зафиксированы в сознании рядового читателя как участники литературного процесса. Не положены на нужную полочку в умах. Их нет в литературоведческом пантеоне, в теории и практике литературы — в школьных хрестоматиях и учебниках.

При этом идеологическое давление в этой сфере — только теперь со знаком минус, как положительная расовая дискриминация — имеет место и до сих пор. Советское заменили на антисоветское. В школе изучают Солженицына, «потому что надо», а, скажем, одного из наиболее ярких представителей мистической русской прозы 20 века — Альфреда Хейдока — до сих пор не знают даже специалисты-филологи.

Хочу особенно подчеркнуть этот момент. Вот автор приводит в пример Вальтера Скотта, Конана Дойля, Оскара Уайльда, Уилки Коллинза... Извините, но это все представители той самой литературы, которую у нас презрительно относили к «чисто развлекательной» и «коммерчески успешной». Только отнюдь не один Белинский в этом повинен. «Поэт в России больше, чем поэт» — установка старая, и сами наши авторы это понимали, принимали и поддерживали ее.

Если уж заглядывать в истоки, то в нашей стране было иное отношение к

грамотности как таковой — она была не столько мерилom статуса или источником наживы, сколько в первую очередь духовным служением. Первые школы на Руси были монастырскими, церковно-приходскими, и только спустя столетия на смену им пришли школы мирские — земские, гражданские. Ознакомьтесь с историей русской азбуки: это не просто алфавитная памятка. В ней каждая буква — значимое слово, которое складывается в нечто, объединенное общим смыслом, в текст, который задает параметры духовного мировоззрения.

Чтобы было понятно: не авторов у русской литературы не было или нету соответствующих, а нет правильной литературоведческой теории. Геральдики, грубо говоря. Которая бы нашла и описала в правильном свете место каждому нашему автору.

Русская литература обширней и разнообразнее любой другой мировой литературы. Если мы будем изучать ее так, как изучают свои национальные литературы те же ангlosаксы (я уж не говорю — пропагандировать) у нас будут многотомные школьные учебники литературы. На каждый класс школы.

Вальтер Скотт, говорите? Исторический роман, приключенческая литература?..

Я приведу только один пример, для понимания сути проблемы. Не будем говорить об авторах, имена которых ничего не скажут нам, воспитанным советской школой или, тем более, — сдавшим ЕГЭ, таких, как Матвей Комаров (автор «Обстоятельной и верной истории двух мошенников: первого русского славного вора... Ваньки Каина; ...второго французского мошенника Картуша» (1779–1794), «Невидимки, истории о фецком королевиче Аридесе и брате его Полунидесе, с разными любопытными повествованиями» (1789) и других лубочных изданиях) или Николай Эдуардович Гейнце (автор исторических и приключенческих романов — «Малюта Скуратов», «Аракчеев», «Князь Тавриды», «Коронованный рыцарь» и других), или Василий Александрович Вонлярлярский («Поездка на марсельском пароходе», «Охота на львов в Милиане», «Силуэт», «Байя», «Магистр» и т.д.). Возьмем автора «первого ряда», прямо с витрины. Вот он: Некрасов Н.А. Вам знакомы его романы «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», «Три страны света» (в соавторстве с Панаевой), «Капитан Кук», «Мертвое озеро»?

Вряд ли.

А теперь прикиньте размеры пропасти нашего незнания в отношении русской литературы в целом.

ИРИНА ЕПИФАНОВА, ВЕДУЩИЙ РЕДАКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА «АСТ, АСТРЕЛЬ СПБ»:

„Русский хоррор мог бы развиваться с начала XIX века, едва ли не первым во всей мировой литературе». Да он, собственно, и развивался. Кроме упомянутых автором статьи Гоголя и Булгакова, произведения, которые можно отнести к жанру хоррора и мистики, у нас создавали А. К. Толстой, Брюсов, Грин, Хармс и многие другие. Да та же «Пиковая дама» Пушкина в конце концов. Почему автор статьи забывает о них? Приходится заподозрить, что либо литературный кругозор узковат, либо имеет место намеренная подгонка реальности под заранее заготовленные выводы.

Точно так же несправедливо обвинять литературу XIX века в том, что она «ограничила себя суконным реализмом», тогда как, скажем, в Англии именитые писатели вовсю творили в жанре приключенческой литературы и детектива. В России так называемая жанровая литература тоже вполне существовала и развивалась: были и приключенческие романы, и романтические повести, легшие в основу любовного романа. Другое дело, что многое из этого до нас не дошло (так же как через 200 лет никто не вспомнит Донцову или Шилову). Хотя и более именитые авторы, в принципе, обращения к жанровой литературе не гнушались: трудно не усмотреть, скажем, в «Преступлении и наказании» черты детектива и триллера.

Впрочем, кое в чём автор статьи прав. Только я бы винила во всём не только и не столько «суконный реализм», тяга к которому якобы не давала авторам сосредоточиться на других жанрах, а скорее общее направление литературного процесса, некую моду и правила игры, существующие в писательско-читательском сообществе. Дело не в реализме, а в стремлении авторов заявить о себе в так называемой «боллитре». То же самое мы видим и сейчас: в мире англоязычной литературы заниматься жанровой литературой не зазорно, существует масса престижных жанровых премий («Хьюго», «Небьюла», премия «Эдгар» за лучший детектив и т.п.). В России же все самые крупные премии вручаются практически исключительно авторам так называемой современной прозы, внежанровой. Есть и некоторое полугласное противостояние между авторами: мол, фантасты, детективщики, авторы любовных романом и т.п. — это как бы не совсем настоящие писатели, а настоящие — те, которые пишут «о свинцовых мерзостях жизни». Так что совершенно неудивительно, что люди пишущие и не лишённые честолюбия, желающие публиковаться, получать премии и служить предметом обсуждения литературных критиков, устремляются в современную прозу, а не в хоррор например.

И ещё. У нас очень долго пытались издавать новых авторов, пишущих мистику и хоррор, под вывеской «русский Стивен Кинг». Так вот, на мой взгляд, беда во многом заключается в том, что все эти годы у нас как раз не было своего Кинга. По-настоящему гениального писателя, который работал бы в жанре хоррора, наплевав на условности литературной моды, и двигал бы этот жанр. Потому что по большому счёту и на Западе авторов, пишущих в жанре хоррора, много, но Кинг — один, и его вклад в развитие жанра за последние десятилетия самый мощный. Думаю, осталось дожидаться появления подобной фигуры (фигур) и у нас. Предпосылки к этому есть.

С самых первых лет существования Интернета в сети, словно грибы после дождя, множились и плодились сайты самодельных авторов. Литераторы-любители бесплатно выкладывали на них свое творчество. Возникло огромное число площадок, порталов, электронных изданий и конкурсов для этого вида литературы. Даже отдельный термин появился — «сетература». Но спустя 30 лет, с усовершенствованием технологий, мы все видим, как весь этот текстовый контент активно теснит любительские же видео и кино. В том числе игровое, уровень которого с каждым годом заметно растет. Мы решили рассказать на своих страницах об одном из ярких представителей этого явления. Короткометражный фильм «Шаман» — психологический фантастический постапокалиптический триллер, он длится всего 17 минут. В сеть его выложил сам создатель — автор сценария, режиссер и продюсер, Марк Калантари. Мы побеседовали с Марко о его жизни и работе, о команде, которая помогала ему сделать фильм, а также обсудили и другие вопросы литературы и кино. Кроме того, ниже мы приводим запись нескольких эпизодов фильма, выполненную в сценарном формате — чисто в учебных целях. На тот случай, если кто-то из наших читателей тоже мечтает творить для кино. Обратите внимание: при создании сценария очень важно соблюдать правильный формат записи.

СЦЕНАРНАЯ ЗАПИСЬ КОРОТКОМЕТРАЖНОГО ФИЛЬМА МАРКА КАЛАНТАРИ «ШАМАН»

ОТРЫВКИ

ЭПИЗОД 1. ТЕМНЫЙ ЭКРАН.

Рука мужчины зажигает свечи.

Из черных клубов дыма разрушенного войной мира возникает мрачное, разрисованное черными символами, лицо Шамана. Он идет на зрителя.

ГОЛОС ЗА ЭКРАНОМ

Тысячелетиями шаманы переходили в потусторонний мир, в Преисподнюю, чтобы находить и исцелять души людей. Но в конце 23-его века из врачевателей они превратились в самое смертоносное оружие человечества.

В центре круга из пяти свечей возникает надпись: «ШАМАН». Экран заполняется черным дымом — это небо бесконечной войны.

ТИТРЫ НА ЭКРАНЕ

2204-ый год в мире, который пережил 73 года непрерывной войны. Белая Федерация и Атлантический Альянс десятилетиями враждуют друг с другом. Обе стороны разработали стратегии защиты против шаманских атак оппонента.

ЭПИЗОД 3. ГОСПИТАЛЬ. ИНТЕРЬЕР ДЕНЬ.

Раненая девушка лежит на носилках посреди заполненного людьми помещения. К ней подходит человек в темном балахоне. Это помощник шамана.

РАНЕНАЯ ДЕВУШКА

Я попаду в Преисподнюю?

ПОМОЩНИК ШАМАНА

Да. Мы все там будем.

РАНЕНАЯ ДЕВУШКА

Вы были там когда-нибудь?

ПОМОЩНИК ШАМАНА

(Отходит в сторону, зачерпывает кружкой воды в бочке, подает кружку девушке.)

Нет. Я не был. Но мой учитель был там много раз.

РАНЕНАЯ ДЕВУШКА

Шаманы ведь отправляются туда, чтобы
уничтожать машины?

ПОМОЩНИК ШАМАНА

Не сами машины, а их души.

РАНЕНАЯ ДЕВУШКА

У всех машин есть души?

Приобрести!

ПОМОЩНИК ШАМАНА

Да. У каждого предмета и каждого существа в этом
мире есть душа. Хорошие мы можем обращать,
плохие мы уничтожаем.

РАНЕНАЯ ДЕВУШКА

Шаман когда-нибудь плачет?

ПОМОЩНИК ШАМАНА

Нет. Шаман никогда не плачет. Если он
заплачет, он уже перестанет быть шаманом.

ЭПИЗОД 5. ПАЛАТКА ШАМАНА. ИНТЕРЬЕР НОЧЬ.

Шаман и его помощник готовятся к заданию, которое им предстоит выполнить по просьбе военных: уничтожить машину, боевой колосс, который заняв позицию в долине, убил уже более 2000 человек. Шаман изучает чертежи и документы, его помощник раскладывает ритуальные карты. Над столом, за которым они сидят, парит голографическое изображение души машины — это лицо красивой женщины.

ПОМОЩНИК ШАМАНА

(Рассказывает шаману о машине, которую им
нужно победить)

Это личность первого типа. Нарцисстичная. Должно
быть, падкая к незаслуженным похвалам.

Со склонностью пофилософствовать. Но кроме
этого, она очень хочет верить, что тот, кто управляет
ею, по-настоящему убежден в своей правоте
и у него есть законные причины для его действий.

Вот как ты можешь перехитрить ее.

ШАМАН

Что с тобой?

ПОМОЩНИК ШАМАНА

(Поднимает голову от разложенных карт).

Что?

ШАМАН

Ты беспокоишься за меня.

ПОМОЩНИК ШАМАНА

(Снимает очки и пристально смотрит на шамана).

Меня тревожит твое досье, из которого произошла
утечка данных. Если машина узнает о тебе, она
попытается манипулировать тобой.

Все те годы, что я тебя знаю, я ни разу не слышал
о твоей семье, о родителях. Есть что-нибудь, о чем
мне следует знать? Ты меня слышишь, Джошуа?

ШАМАН

(Его глаза и лицо спрятаны под капюшоном
темного плаща. Он не поднимает головы).

Я слышу тебя. Не волнуйся.

ПОМОЩНИК ШАМАНА

Я люблю тебя, мой господин. Я не хочу
потерять тебя. Не из-за этой кучи дерьма.

(Во весь экран возникает голографическое изображение лица машины.
Машина пристально смотрит на зрителя – она изучает лицо шамана. Маши-
на усмехается).

ИНТЕРВЬЮ

Марк Калантари — автор сценария, режиссер и продюсер фильма «Шаман» дал эксклюзивное интервью Валерии Тищенко для журнала «RedRum».

Марко, расскажите, кто вы по образованию?

Я — режиссер, продюсер и сценарист. Обучался режиссуре и продюсированию в Австрии, в Венской киноакадемии. Некоторые из моих учителей полагали, что совмещать эти две функции невозможно. Но именно они позволили мне построить международную карьеру.

Фильм «Шаман» — короткометражка, всего 17 минут. Как полагаете, вам удалось создать мир за эти семнадцать минут и объяснить устройство созданной вселенной? Что было самым сложным при написании сценария?

Изначально я писал сценарий для полнометражной ленты, еще много лет назад. Но реализовать тот проект так и не удалось. Когда в 2013 году я побывал в Лос-Анджелесе, один продюсер посоветовал мне снять короткометражку. Поэтому я взял первые 15 страниц оригинального сценария и адаптировал их под нужный формат. Это был непростой процесс, поскольку короткометражки — вполне самодостаточная вещь. Но это было важно для меня.

Расскажите, как вы работаете над сценарием.

Это очень тяжелая работа, требующая выдержки и дисциплины. По-крайней мере, для меня это так. Каждый сценарист имеет свой стиль работы и, возможно, использует другие подходы. Я же пишу очень прагматично и системно. Я рано вставал каждый день, садился за столик в «Старбакс» и погружался в создаваемый мир. Это — удивительный, а иногда безумный процесс. Важно с самого начала расписать несколько сюжетных линий, чтобы определиться, о чем будет история. А уже потом вдаваться в детали подробнее — что и как будет выглядеть.

Вы анималист? Всерьез верите в это? Как думаете, души на самом деле выглядят так, как вы показали в фильме?

Хороший вопрос. Есть вероятность того, что души есть не только у людей и животных. Но для себя я бы не назвал это полноценной верой. То же самое касается и других религиозных и духовных аспектов. Я могу верить и не верить во что-то одновременно, потому что существование этой вещи не доказано. Жизнь далеко не вся подчинена законам логики. В противном случае жить было бы скучно. Вера и убеждения, даже вера в бога, требуют иногда отключить логическое мышление и просто в них верить. Что же насчет душ...

Если они и существуют, то в их мире нет понятия физической оболочки и внешнего вида. Но в фильме я вынужден был показать все на экране вот так. И, конечно, актриса Сюзанна Вуест — очень привлекательная душа.:)

Что вас привело в кинематограф?

Легко отвечу на этот вопрос. Всю жизнь меня интересовало искусство во всем своем разнообразии: живопись, литература, скульптура, театр. Фильм — это симбиоз всех этих вещей. Ах, да! В семь лет я увидел «Звездные Войны» — с тех пор и пристрастился к кино.

В съемках участвовала весьма разношерстная интернациональная команда. Как так получилось? Мешал ли языковой барьер?

Международная команда — это в значительной степени отражение последних

десяти лет моей жизни. Я прожил год в Исландии, потом четыре года в Китае, еще пять лет в Японии. Пришлось много поработать в Индии, в Юго-Восточной Азии и Восточной Европе. Начав работу над фильмом, я связался с многими талантливыми людьми, с которыми мне доводилось прежде работать на ниве рекламы. Так и собрал свою команду.

Языковой барьер не был большой проблемой, но сильно осложняло работу то, что нам приходилось общаться исключительно по интернету. С моим специалистом по спецэффектам Лау Киа Хау мне довелось встретиться только через год-полтора после начала съемок! Это было безумие.

Если вы найдете средства на полнометражную версию фильма, то она будет сильно отличаться от оригинала?

Безусловно. Режиссеру нельзя повторяться. Работая над «Шаманом», я многому научился и теперь готов двигаться дальше. Конечно, в таком фильме останется много общих элементов: атмосфера, тон. Но персонажи в новой версии будут разработаны значительно глубже.

Компьютерные игры и видео постепенно вытесняют литературу. Печатные книги и СМИ очень быстро сдают позиции. На их место приходят видеоблогеры и так далее. Чем обусловлена такая популярность видеоконтента?

Доступностью. Посмотрите «Шамана» — он длится семнадцать минут и считается слишком длинным, чтобы быть успешным на YouTube. Темп жизни ускоряется, и множество молодых людей не желают тратить время на чтение хороших книг. Видео — это легкий, пассивный и быстрый способ убить время. Я не говорю, что это плохо, но вместе с тем — мы что-то теряем, поскольку ютуб-культура не позволяет копнуть глубже. Все лежит на поверхности.

Как относитесь к дилетантизму в искусстве? В кино, литературе, живописи?

Интернет и цифровые технологии практически каждому грамотному представителю цивилизации позволяют творить в какой-либо области искусства. Это, по-вашему, хорошо или плохо?

Хорошо и плохо. Хорошо, потому что дает возможность заявить о себе талантливым людям, которых еще пару лет назад никто бы не заметил. Проблема в том, что обычный пользователь перегружен информационным мусором, и ему трудно отделять зерна от плевел. Невозможно судить искусство в целом. Что есть плохого в искусстве? Что есть хорошего в нем? Пока оно вызывает эмоции и чувства у зрителей\потребителей, оно имеет право на жизнь. Не люблю претенциозность в искусстве. Я хочу ощутить те мысли, усилия и эмоции, которые вкладывал художник.

Как вам удалось найти средства на фильм и в чем трудности финансирования кино?

С самого начала у меня было определенное виденье «Шамана», и я хотел превратить его в жизнь с минимальными компромиссами. Если вы делаете маленький фильм, то он и будет маленьким. Но если вы замышляете большую историю, то вы должны быть готовы к проблемам. Это значит, что вы должны найти необходимые производственные мощности для проектов нужного масштаба. Часть денег нам выдало правительство Австрии, оставшуюся часть я заплатил из своего кармана. Последние 2 года были трудными. Нужно добавить, что без поддержки команды: артистов, художников, других талантов, спонсоров — фильм не увидел бы свет. Их вклад нельзя оценить деньгами.

Хотя у «Шамана» имелся приличный бюджет, мы находились под сильным давлением обстоятельств. Как я продюсер, я должен был прикинуть, какие возможности и активы у меня есть? Каких талантливых людей я смогу привлечь? Насколько большой будет команда? Как я смогу получить максимальный результат при ограниченных средствах? Это все требует максимально творческого подхода к съемкам. Я вообще считаю, что в малобюджетном кино плюсы перевешивают недостатки. Тут главная хитрость — посмотреть под нужным углом.):

В чем секрет успешного фильма — удачный сценарий, много компьютерной графики и дорогих спецэффектов, игра актеров?

Думаю, на этот вопрос ответить нельзя. Лучший режиссер и продюсер может выпустить сразу три кассовых хита, а потом столкнуться с провалом. Нет

идеального рецепта и ничто не может гарантировать успех. При взгляде на современное голливудское кино мы видим, что стиль и картинка перевешивают значение актерской игры и сценария. Но... Опять же, есть высокобюджетные провалы и успешные фильмы, опирающиеся на хороших актеров и сценарий. Аудитория ленива, но не глупа, и хочет окупить свои деньги. Вы должны сделать правильную вещь в нужное время и правильно позиционировать ее на рынке.

Если бы вам дали денег и предложили удачный сценарий фильма ужасов — взялись бы за проект?

Сколько именно денег? Ха-ха!] Конечно, согласился бы. «Изгоняющий дьявола» — один из любимейших фильмов, потому что, кроме ужасов в нем хватает драмы.

Если вам предложат снять крупный фильм во вселенных Marvel или DC. Вы бы согласились?

Черт, да! Я бы это сделал! Мой план состоит в том, чтобы делать качественные фильмы для большой аудитории. Мне удастся создание миров, но это требует больших средств. Я хочу, чтобы моя работа и фильмы вдохновляли людей, это для меня самый сильный творческий стимул.

Итак, наши авторы продолжают состязаться в умении писать коротко, но страшно. К сожалению, вызов Максима Кабира (рассказ «Другая форма аномальной активности» – 121 слово, 800 знаков – опубликованный в № 1 нашего журнала), посланный им Михаилу Парфенову, принят не был. Перчатку поднял другой автор. И он посылает вызов Александру Подольскому! А пока – читаем.

АЛЕКСАНДР МАТЮХИН

ПТИЦА

(295 слов; 1917 знаков)

Иногда она представляла, что превратилась в птицу и улетела из дома навсегда.

Ей не хватало ощущения полета, счастья и наслаждения свободой. Она ходила к ведьмам и колдунам с просьбой научить ее быть птицей.

Однажды она вышла из дома до рассвета, избитая пьяным ревнивым мужем, с разорванной щекой, с вывихнутым правым плечом и сломанным указательным пальцем. Она брела по песчаному побережью горячего южного моря, обнаженная и окровавленная, и мечтала только о том, как расправит крылья и взлетит...

Кто-то с утра утверждал, что видел тень девушки с раскинутыми в сторону руками, скользящую по песку. Следы босых ног на песке обрывались у кромки моря, словно девушка и правда взлетела, оставив заботы за спиной

Несколько местных ведьм утверждали, что именно они превратили ее в птицу. Один колдун из соседнего города выложил фотографии, где на изумрудном фоне предрассветного неба застыла над волнами белая чайка. Он говорил, что эта чайка за несколько минут до съемки была девушкой.

ОБ АВТОРЕ

Родился в 1981 г., проживает в Санкт-Петербурге. Публиковался в различных сборниках и журналах России и Украины (в том числе: в антологиях «Темная сторона дороги», «Темная сторона сети», «13 маньяков», «Самая страшная книга-2015» и др.), издал несколько романов. Награды: журнал «Звезда» за лучший дебют в 2012-м году.

В волшебство полицейские не верили, но ничего доказать не могли. Мужа посадили в СИЗО на период следствия.

В интернете вспыхнула волна протестов. Кто-то собирал подписи в поддержку невинно осужденного. По Первому каналу показали передачу о девушке, превратившейся в птицу. Некоторые люди действительно научились верить в чудеса.

Мужа быстро выпустили и даже попросили прощения. У него брали интервью разные телеканалы, а однажды пригласили в «Жди меня». В специально снятом для передачи ролике муж поднимал голову к небу и, щурясь, смотрел на рваные облака, словно пытался разглядеть среди них парящую и счастливую птицу-жену.

Он всегда желал ей счастья, даже когда напивался и разбивал в ревности костяшки пальцев о ее милое личико.

Он рассказывал журналистам, что пусть бы она расправила крылья и улетела.

А затем он закрывал глаза и в мелких деталях восстанавливал в памяти место, где спрятал труп, который так никто и никогда не нашел.

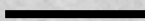

**Алексей Жарков,
Дмитрий Костюкевич**

Этика Райдера

[спрашивайте в книжных
магазинах!](#)

СНЕГУРОЧКА

ПО РАССКАЗУ ОЛЕГА КОЖИНА
ХУДОЖНИК: ЕКАТЕРИНА БОГДАНОВА

Лёш, да не трогай
ты ее! На фиг, на
фиг... Больная
какая-то...

Да погоди, ей, походу,
плохо совсем.
Эй! Эй, тётя!

Мы этнографическая
экспедиция! Доброго
дня вам!

Мужика
хочет

У ней щас
самая пора
егись

Что ж
она
Лёшку
тогда...

А того, что поперву –
еда! А опосля уж всё
остальное

И что вам дома
не сидится,
туристы, в бога
душу...

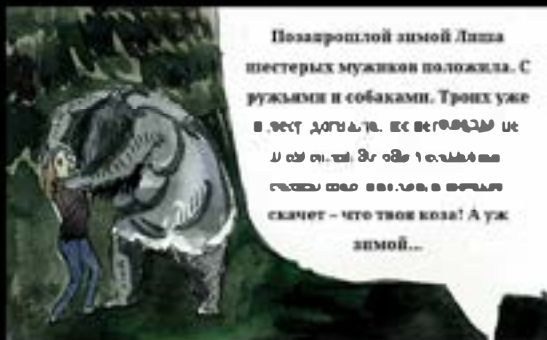
Сказки
собирать
приехали

Сдохнет,
Хоть так, хоть этак.

Позапрошлой зимой Липа
шестерых мужиков положила. С
ружьями и собаками. Трех уж
в лес догнала. Их весть была
и о ней. И о том, что она
снова там была. В начале
скачет – что твою козу! А уж
зимой...

Как... как вы
ее назвали?

Сказки,
говорились,
собираешь? А
слыхал такую:
жени-были
старухой, и не
было у них детей.
Уж сколько они
Христу не
молитесь – все
без толку! А как
пошли они в лес
дремучий,
старым богам
поклонились,
вылевали себе
детищу из снега,
так и ожила она.

Пойду-ка к Тойвоки
сложу, мужик
одолжусь, раз такая
окалка.

Вечерело

Ты мору-то
не крупи,
окалочка!
Эта падаль
тебя от
смерти
спасла... а
мнеет и
отчего
похуже.

Разве
может
быть
что-то
хуже?

Вот.
Тойвовна
гостюшке
передала

Тебе, значит.
Почаёвничаем. Это
снегуркам горячего
нельзя, а нам...

Вы сказали, что
это... что это
меня сысло.
Как?

Ты, кажись, сказки
собирать приехал? Ну
так и слушай,
старших
не тороси!

Линка горюче пать - себя губить.
Она суть что? Ушар
обнажоненной! Просто же
кровушку горючую ест, в том-то
вырочечку злодую.

Линка, это
Лихо?
Лихо
одноглазое
?

Смышлёный
...

А... а
Снегуро
чка?

У нас, за Нарревой гатью истонки лихи водились. Когда моя
пробабка маленькой была, они в лесу еще чаще встречались,
чем теперь зайцы. Так она говорила. А когда её пробабка
девой сохнутой была, так и носом, мол, целыми сезонами
жили, то-то по двадцать.

И людей тогда не губили. Их не трошь, и они не тронут. Змея -
кроволь, рыба, птицы - на всех хватает! Тогда, грабли, корешки
разные - не те, что сейчас. Летом жарко ковила, а зимой свали,
совсем как косячные... но уж если проснулись во сне, всем
худо приходилось. Наша Снегурочка уже вольную ногу не стиг...

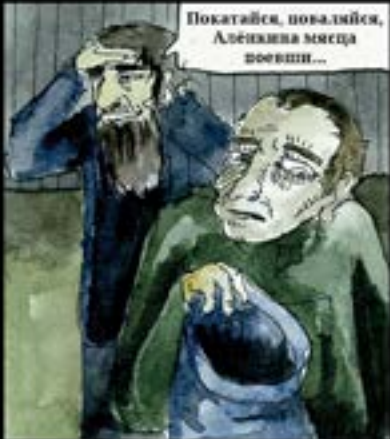
И дни потянулись транспортной
лентой – такие же повторяющиеся,
бесконечные и черные.

8 дней спустя

Покатайся, поваляйся,
Аленкина млеца
поешьши...

Вот, как
покажется.
Думаю, что 30 лет
для тебя коротко,
мне же больше...

КОНЕЦ

Хардкор и Доброта

Нескучные толстовки, свитшоты и футболки.

Доставка по России.

Незаезженные принты. Оригинальность.

Если вы еще не определились, что интересного подарить близким,

«Хардкор и доброта» решает эту проблему на раз-два.

Постоянное обновление каталога. И да, у нас есть то, чего нет у других.

Добро пожаловать:

vk.com/club87680726